

Ирмата Арьяр

Тирра. Поцелуй на счастье,
или Попаданка за!

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

Если птичка увязла в хитроумных интригах, то пора вспомнить о крыльях. Если король одной рукой выдает замуж в приказном порядке, а другой — пытается затащить в альков, то у птички есть когти. Если путь в родной мир лежит через сделку и брак с некромантом, чудовищным Черным Вороном его величества, то главное — остаться в живых. А то с некроманта станет превратить невесту в зомби, чтобы опять не сбежала. Но Ворону ли справиться с Тamarой Коршуновой, птицей иномирной и сообразительной?

- [Ирмата Арьяр](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [ВМЕСТО ЭПИЛОГА](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)

Ирмата Арьяр
Поцелуй на счастье, или Попаданка за!

Глава 1

ВРЕМЕННОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

— Тайра!

Да слышу, слышу! Весь мир Айэра подождет, а мой партнер по тотализатору, рыцарь Кенз, тем более. Я, можно сказать, на пытки собираюсь! Разве можно тут торопиться?

Последний раз полюбовавшись блеском золота и алмазов в тайнике, я защелкнула крышку. Это первые деньги в чужом мире, которые заработала именно я, Тамара Коршунова, своим умом и сообразительностью, сыграв на человеческой алчности и азарте. Тотализатор, запущенный рыцарем Кензом с моей легкой иномирной руки, принес уже весьма весомый результат. То ли еще будет!

— Мэйс Тайра!

Не до тебя мне, рыцарь, видят Небеса!

Пять тысяч золотых руний. Представляете, сколько это килограммов, если в одной монете — семь граммов? Не надо калькулятора — так скажу. Тридцать пять килограммов уверенности в завтрашнем дне.

А хранить такой огромный мешок где?

Тайник за книжным шкафом на такие габариты не рассчитан. Потому я отправилась к хозяину замка и предложила обменять золото на драгоценные камни.

Сказать, что граф Дэйтар Орияр, потомственный некромант рода Воронов, Черное Око его величества и мой будущий супруг, был в шоке — ничего не сказать. Надо было видеть его изумленные серые глаза и вытянутую породистую физиономию. «Откуда у вас столько денег, мэйс? Да вы грабительница!» — заявил он. Если вспомнить, что сам-то он привез меня в замок, предварительно ограбив до нитки, его реакция доставила мне истинное наслаждение.

К счастью, граф Орияр не стал вмешиваться в развлечения подданных. Может быть, потому, что не знал истинных размеров катастрофы: на обмен я принесла всего пять килограммов моего золотого запаса. Надеюсь, при расчетах жених меня не обманул.

Почему даже в ином мире золото — универсальная валюта? Да потому, что во всей вселенной одинаковые химические элементы и подмечающий особенности этих элементов разум. Золото не ржавеет. Даже у демонов,

кроме соблазненных душ, только золото и ценится, как проболтался Кенз. А вот и опять он:

— Госпожа экономка!

Да иду я, иду! Можно сказать, на позорную казнь.

Моя роль экономки, северянки Тайры Вирт, окончена. Сегодня кареглазая тридцатилетняя дева будет уволена по собственному желанию и сопровождена в порталную башню, на радость моим врагам. Радость подпорченная: почти все мои враги сейчас скрежещут зубами, сознавая свой проигрыш и внезапную нищету, и думают, как бы выпросить у хозяина жалованье вперед.

И только четверо посвященных знают, что портал не выкинет меня из замка, а переправит на четвертый этаж, где маги займутся изменением моей внешности. Точнее, возвращением того облика, который ранее принадлежал невесте графа Ориара, восемнадцатилетней аристократке Тиррине Барренс, в чье тело меня угораздило попасть три мучительных года назад.

Я нажала рычаг, спрятанный в завитушке резного орнамента, украшавшего дверцу книжного шкафа, и одновременно дернула на себя его ручку-кнопку, да еще и с поворотом вправо. Остается только диву даваться, каким чудом я обнаружила этот тайник в покоях бывшего графского секретаря, которые я захватила в свое пользование как экономка.

Чудо явилось во сне. Очень реалистичном. Приснилось, что я поскользнулась на мокром полу в кабинете и въехала головой в дверцу шкафа, а за ручку схватилась, чтобы удержаться.

С некоторых пор я привыкла доверять тому, что мне снится в Лаори-Эрле, потому наутро первым делом бросилась проверять подсказку. И точно, открылся тайник! К счастью, пустой. Его прежний хозяин был некромантом и обязательно навесил бы на свои сокровища какую-нибудь убойную магическую гадость. А он выгреб накопленное добро и закрыл тайник на простые механические запоры. Молодец, спасибо.

Я отряхнула подол темно-серого дорожного платья от налипшей пыли, поправила кружева воротничка и манжет и выплыла из кабинета.

— Ну наконец! — радостно воскликнул Кенз, вскочил и поднял дорожный баул с моим немногочисленным барахлом.

Я решила ничего не оставлять в замке из личных вещей, покои тщательно прибраны. Чтобы ни шпильки, ни волоска нигде не осталось. Мало ли. Тут полно магичек, способных навести порчу. И не важно, что они понятия не имеют, чья душа прячется в чужом теле. Я пока в нем вынуждена жить и не хочу, чтобы с ним случились какие-нибудь

неприятности. Хватит с меня!

Рядом с рыцарем на диванчике сидела, выпрямив спину, рыженькая и белокожая Белинка, моя личная горничная, и даже веснушки на ее насупленном личике казались полинявшими. Вот из кого выйдет замечательная экономка, когда девочка вырастет: замок ее любил, а уж она в нем души не чаяла, все закоулочки знала и ничего не боялась, даже зомби.

«Предательница! — ясно читалось в грустных девчоночьих глазах. — Бросаешь меня!»

Пришлось расстаться с ней прохладно, чтобы не навязалась в сопровождающие. Я поблагодарила ее за недолгую, но верную службу и вручила мешочек с премией. Маленькая зараза обиделась и гордо отказалась, решив, что я от нее откупаюсь. Убежала. Характер!

— Держи, Кенз, отдашь ее матери. — Я сунула монеты в широкую ладонь рыцаря. — Пусть платье новое девочке купит.

— Обязательно, мэйс Тайра, можете не сомневаться! — пообещал парень.

У лестницы, совсем неожиданно для меня, собралась на проводы почти вся живая и здоровая прислуга замка, да и рыцари подтянулись, с подозрением смотревшие на легонький баул в руках Кенза — пытались вычислить, кто сорвал куш в тотализаторе. Конечно, грабить нас никто не думал, это же рыцари, но все равно не по себе. Деньги портят людей, а уж отсутствие денег приводит к отсутствию человечности в человеке. Это я еще в родном мире усвоила.

Только мэйстрес Тимусия еле сдерживала довольную улыбку: власть домоправительницы снова возвращалась в ее лапки. Она еще не знала, как недолго продлится ее счастье.

Остальные горничные пришли из любопытства. Не каждая девушка с легкостью отказалась бы от такого шикарного места, как экономка молодого графа Орияра, вот они и надеялись узнать причину. Новостей в крепости мало, жизнь замкнутая, скучная, и люди, да и нелюди, хватаются за малейший повод для сплетен.

А вот кухарка, полудемоница Шой, лучилась доброжелательностью. Она ласково приобняла меня и благословила:

— Добра вам, мэйс Тайра, и не забывайте о тетушке Шой. Как жаль, что вы так мало побыли у нас. Только-только замок оживать начал, прихорашиваться, картиночки вот в коридорах подновил, а вы уже уходите!

Все посмотрели на грустненький пейзаж в золоченой раме, украшавший стену над моей головой. На картине пригорюнился

одноглазый деревенский домик у неширокого ручья. Домик тяжело вздыхал и моргал окошечком. С нарисованного неба натурально накрапывал дождик, и вот уже ручей вышел из берегов и засочился тонкой струйкой по гладкому камню замка, собираясь в лужу на полу. «Вот вреднюга, — хмыкнула я про себя, — это Лаори-Эрль специально для Тимусии работы прибавил. Не понравилась ему злая радость женщины».

— Так я же наследство принять должна, тетушка Шой, — оправдывалась я, стараясь, чтобы услышали все-все длинные уши. — Слышали небось — король за мной титул баронессы утвердил и баронство моих родичей отписал мне указом, как их единственной наследнице.

— Да что это за баронство — сплошные болота, полные нечисти! И четыре горелые башни в наследство.

— Так ведь и денег мне королевская казна выделяет на то, чтобы форпост восстановить, — возразила я. — И заниматься Счастливой Подковой теперь будет мой жених, генерал Шармель. А как отремонтируем да заселим, так и свадьбу сыграем. Всех приглашу!

И я обвела сияющим взглядом кислые физиономии Тимусии, ее завистливой дочки Ании и — ба! явилась все же, а мы и не ждали! — злющей Лин Игви. Такой злющей, что я подтянула кружевную перчатку, незаметно проверяя, не потерялось ли ненароком графское фамильное кольцо-амулет, защищающее меня от всех мыслимых и немыслимых бед, в том числе от злого глаза некромантки.

Ну вот, свинью я настоящей Тайре Вирт подложила жирную и ядовитую, — а нечего было в моей голове распорядиться, как в своей собственной! Если меня временно наделили ее внешностью, это еще не значит, что и мои мозги можно занять безнаказанно.

Вот северная гордячка удивится, когда узнает, что замуж при всех обещалась выйти за генерала и даже гостей пригласила. А уж как обрадуется сам генерал...

Я не мстительная, но мой папа-бизнесмен учил: можно простить долги, но нельзя простить покушение, потому что в следующий раз его доведут до конца. А настоящая Тайра задолжала мне много неприятных моментов.

И потом, северянка и генерал просто созданы друг для друга. Тайра — в прямом смысле. Скоро будет. Интересно, как долго созревает человеческое тело из волшебной маргиссы?

Когда я проходила мимо Лин, магичка, одетая в шикарное парчовое платье, зашипела, как змея, и дернулась, но была перехвачена за плечо начальником гарнизона сэром Гриндом.

— Стоять, Лин, — очень тихо приказал рыцарь.

Удивительно тонкий и избирательный слух у меня стал, — удивилась я. Раньше за мной такого не наблюдалось, чтобы расслышать почти беззвучный шепот на расстоянии более пятнадцати шагов, да еще из-за спин переговаривающихся горничных.

— Да ничего я ей не сделаю! — прошипела магичка. — Не видишь, защита на ней такая, какой и у графских невест не было! И за что какой-то мымре такая роскошь?

Ох, вот это у нее глаза! И что же теперь делать? Она же если еще не учуяла артефакт на моем пальце, то непременно это сделает при моем триумфальном возвращении в ином облике! Ведь защита будет точно такая же. Надо сказать графу, что на таких мелочах не один Штирлиц погорел. Пусть придумывает маскировку, он же маг, один из сильнейших в королевстве Риртон.

В прекрасном настроении я вошла в порталную башню, где красиво светился уже активированный контур перехода, и даже не ощутила никакой паники, какая меня раньше охватывала при одном только взгляде на портал. Еще одна приятная новость. Значит, точно ни капли чужеродной магии айэ во мне не осталось. Хотя что тут сомневаться, если меня проверяла на магию половина королевского совета, сильнейшие маги! Но ведь все равно побаивалась. Фантомные боли.

Дворецкий, приняв мою руку из лап Кенза, выставил рыцаря из зала, закрыл внутренние двери и накинул несколько плетений защиты. Не прост старик, ох не прост. Я хоть и не маг, но уже столько времени провела бок о бок с этими удивительными существами, так похожими на людей, что могу оценить и степень уверенности, с какой настоящий магистр работает с силой, и сложность магических узоров.

Энхем работал легко, как дышал, и плетение из-под его пальцев выходило изумительной красоты — ровное, тонкое, играющее изысканными арабесками. Закончив накидывать полог на дверь, он принялся за порталный контур, меняя его конфигурацию, цвет и даже само плетение энергетической рамы.

— А зачем вы меняете цвет? — не выдержала я.

— Леди, если бы вы были магом, то видели бы не только цвет, но и некоторые элементы. Но в таком случае я надел бы на вас плотную блокирующую повязку, потому что в порталном узоре всегда содержится указание точки выхода. Если, конечно, знать и уметь читать шифр узора. Но даже не зная шифра, некоторые уникумы, правда, очень редкие,

способны его запомнить и повторить. Как вы, наверное, уже догадались, мне приказано отвести вас совсем не на четвертый этаж Лаори-Эрля.

Я замерла, как громом пораженная.

Три года жизни среди магов при полном отсутствии магии развили у меня альтернативные — смейтесь, смейтесь! — способности. Сообразительность и интуицию. И теперь возопили обе. «Если бы вы были магом», — сказал старик. Но я не маг, что подтверждено кучей магов. «То видели бы не только цвет»... Боже, боже.

И «охранку» в каморке матушки Зим я видела, хотя не должна была. Но тогда мы делили тело с запертой душой Тиррины Барренс, и на мое зрение могла как-нибудь тихо, исподволь, влиять ее заблокированная магия. Но сейчас-то я одна! И я все еще вижу то, что видеть не должна. Почему?

Мало того что вижу, что не положено, так еще и непроизвольно запоминаю: натренированная память за годы обучения иностранным языкам в универе плюс лавина информации о новом мире, которую приходилось классифицировать и учить. Теперь мне достаточно одного взгляда, чтобы запомнить страницу текста на местном языке. Или самый сложный магический узор.

Но я молчу. Молчать я тоже научилась. Главное — чтобы маги не заподозрили во мне ни единой способности, отличающей меня от простых людей.

Но куда это он собрался меня затащить?

— Вы готовы, леди? — забеспокоился старик. — Что с вами?

Видимо, я выглядела испуганной, потому что старый дворецкий мягко — пока еще мягко — тронул мое закрытое перчаткой запястье и успокаивающе погладил поверхность ткани. Совершенно неприличный между посторонними людьми жест, который он позволил себе только потому, что принял в некую виртуальную семью и взял надо мной духовное покровительство, а я сдуру согласилась, забыв о различиях традиций и о том, сколь разное могут понимать два мира под одним словом. «Зовите меня дедушка Энхем». Дедушка, как же.

— Не бойтесь, леди Тиррина. — Голос дворецкого, как и пожатие, тоже был осторожно-мягким. — Мне говорили о вашей непереносимости порталов, но вы уже полностью очищены и от магии, и от души айэ. Конечно, еще могут давать о себе знать остаточные связи магии и тела, все-таки сила была немаленькая, но это должно пройти. Магия — это душа, а она у вас сейчас чистая, человеческая, тем и прекрасная.

Остаточные связи. Так вот в чем дело! Уф-ф... Аж от сердца отлегло!

— Я не портала испугалась, — ответила я максимально честно. — Но

вы перенастроили эту штуку и сказали, что приведете меня совсем не туда, о чем была договоренность с моим нареченным. Так куда же?

Мэйстр Чесс отвел глаза, и вид у него был слегка виноватый, но голос твердый:

— Ну сами посудите, леди, кто может приказать графу, следовательно, и мне? Только наш сиятельный король Артан Седьмой. И только мне и милорду Дэйтару известен шифр приемной в королевских личных покоях, ибо о вашем визите больше никто не должен знать.

— В личных покоях? Но я — невеста графа! — Я попыталась вырвать запястье, но, как и предполагалось, не преуспела. — Отпустите немедленно! Я не хочу! Я... я не одета для визита на таком уровне!

— Леди Тиррина, никто не может отказаться исполнить прямой приказ короля, это квалифицируется как государственная измена.

— Тогда почему меня не сопровождает мой жених?

— Он отказался. Прямого приказа ему и не было, потому мой хозяин лишь вызвал легкое недовольство. Но если вы не послушаетесь, леди, то не только вы, но и я, и ваш жених будем заподозрены в измене.

Я перестала вырываться. Вот же гад пернатый! Не захотел руки пачкать! Протест выразил, а на большее его не хватило! Разве это мужик?

— Что ж, мэйстр Чесс, я не могу противиться королевской воле, но как же девичья честь? Я еще незамужняя, но уже просватанная девушка. Не нарушая этикета, я могу явиться к неженатому мужчине в личные покои только в сопровождении моего жениха. Либо его сиятельство сам проводит меня, либо... нас обоих обвинят в измене, что поделаешь. Зовите графа. Или стражников. Добровольно я никуда не пойду.

И руки скрестить на груди, и подбородок гордо вскинуть, показывая, что голыми руками меня не возьмешь. На мне, между прочим, защита кольца имеется!

Дворецкий тяжело вздохнул, коснулся серьги с некромантским переговорным камнем — черным чеером.

— Милорд, я проиграл вам золотой.

Я вскинула бровь и прищурилась.

Фраза оказалась кодовой. Через мгновение арка мигнула, трансформировалась, вспыхнув черно-синим узором, и в зал шагнул ухмыляющийся высокий и стройный мужчина, обладатель иссиня-черных волос и пронзительных серых глаз. Самолично граф Дэйтар Орияр. Некромант и Черный Ворон его величества. Он протянул раскрытую ладонь, и дворецкий опустил в нее полновесную золотую рунию.

— Я даже не сомневался, что леди Тиррина откажется от такой

сомнительной чести, как тайный визит к королю, — с улыбкой сказал лорд.

Так вот почему Ворон перепоручил сопровождать меня дедушке Энхему! Этот невыносимый тип опять меня проверял! Но серые глаза некроманта так сияли, что долго злиться на него оказалось невозможным.

— Леди хочет переодеться, — доложил дворецкий.

Лорд тотчас повернулся ко мне:

— Вам будет предоставлена такая возможность. Но не сейчас. Наш король велел доставить вас к нему немедленно.

— Зачем? — поинтересовалась я.

— Он мне не доложил, — криво усмехнулся лорд. — Но могу предположить, что Артан потребует от вас принести ему присягу прежде, чем передаст мне руку невесты перед алтарем.

— Но почему король? — выхватила я самое важное для женщины — подробности брачного ритуала.

— Потому что вы — графиня, леди, — терпеливо пояснил Ворон. — И как высшая аристократка и сирота, вы находитесь не просто под покровительством короны, а под личной защитой вдовствующей королевы-матери. Но ее величество в данный момент больна, поэтому ее место займет его величество. В любом случае по нашим обычаям девушку к алтарю должен сопровождать мужчина со стороны ее семьи, либо семьи опекунов, либо покровителей, либо монах из храма Небес. Я понятно объяснил?

— Вполне. Про алтарь все понятно. Я не понимаю, почему вы отказались сопровождать свою невесту к королю?

Ворон зло стиснул зубы. Процедил:

— Чтобы я своими руками привел вас к Артану и доставил ему наслаждение этим унижением? Обойдется! Вы ведь понимаете, что он постарался не допустить, чтобы в нашем мире вы сначала дали клятву верности мне, как мужу, а не ему, как монарху?

Я молчала, насупленно глядя исподлобья, и кусала губы. Ох, как мне не нравилось, что эти два высокородных петуха сделали меня камушком между двумя жерновами!

— И не волнуйтесь, леди, приличия будут соблюдены: вас сопровождает весьма почтенный и уважаемый магистр темной магии, мэйстр Чесс. Как ваш духовный старший родственник, он имеет право препятствовать любой попытке короля уединиться с вами. Мне пока не дано такого права, я еще не муж вам. Не говоря уж о том, что мне, как потенциальному демону, запрещено приближаться к личным покоям короля.

Как у них все мудрено!

— Но вы же стоите за тронном, защищая королевскую спину!

— Меня уже лишили этой привилегии.

— Почему?

— Леди, я тронут, что вы проявляете такой интерес к моей персоне, но вам надо торопиться.

— Ответьте на вопрос. Я должна знать, почему вы впали в немилость. Из-за меня?

— Нет. — Его стальной взгляд смягчился. — Меня отдалили еще полгода назад, и вы к этому отношения не имеете.

Что-то они темнят, эти темные маги!

— Не сходится, милорд, — нахмурилась я. — Вы хотите сказать, что король лично занимается вашим браком, в то время как вы в опале? Где логика?

Некромант слегка развел руками: мол, потерялась. И улыбнулся уголками губ.

— Это не опала, а компромисс. Ее величество королева-мать не желает видеть меня рядом с ее сыном, а король не переносит женских истерик. Но мои обязанности королевского Черного Ока с меня никто не снимал, только их выполнение значительно усложнилось. Все, миледи, ваше время истекло. Обещаю ответить если не на все, то на многие вопросы, если они не будут затрагивать государственных тайн.

— Ловлю на слове, милорд. — Я склонила голову, прощаясь, и вложила пальцы в протянутую руку дворецкого.

— Мэйс Тома! — вдруг окликнул граф, когда я уже поднялась на подиум, где вновь засиял уже знакомый бело-золотой узор.

Я оглянулась. Так-то лучше — проще, привычнее. А то заладил «леди — миледи»...

Ворон стоял монументально, чуть расставив ноги, заложив ладони за спину — твердыня непоколебимая, воплощение спокойствия и уверенности. Серые глаза цветом напоминали расплавленное серебро.

— Все зависит только от вас, мэйс Тома. Присяга магическая, помните это.

— И что мне это даст? — раздраженно дернула я плечом. — Я не маг!

— Главное, чтобы вы сами об этом не забывали, — загадочно сказал некромант и подал знак дворецкому.

Тот мягко, но настойчиво взял меня под локоть и втолкнул в портал. На самом интересном месте! Я попыталась вырваться, чтобы допросить Ворона с пристрастием, но не успела: порталная башня Лаори-Эрля

растворилась в бело-золотом мареве.

Глава 2

КОРОЛЕВСКИЕ ИНТРИГИ

Если дизайнером дворцовых интерьеров задумано было раздавить гостей роскошью, то у него не получилось: ослепленные сиянием гости первые минуты ничего не видели из-за плавающих перед глазами темных кругов, а потом пережитый дискомфорт притуплял восторги.

Не люблю помпезность.

Обилие золота, блеск драгоценностей, украшавших лепнину, сияние светильников, многократно отражавшихся в зеркалах и натертом паркете, — все раздражало. Сияние усиливалось и белым узорным атласом, покрывавшим стены там, где их не закрывали портреты, главным из которых был сам Артан Седьмой, изображенный во весь рост.

На портрете ему было лет восемнадцать. Бледное лицо с тонкими чертами еще не утратило юношескую чистоту, презрительной складки в уголке губ еще не было и в помине, а светлые волосы ярко сияли, словно посыпанные алмазной крошкой. Но после восхитительных живых картин Орияр-Дерта, в которых жили солнце, простор и ветер, никакие помпезные портреты в резных позолоченных рамах, инкрустированных драгоценностями, не могли удивить.

Впрочем, может быть, я иначе реагировала бы на королевское блистательное великолепие, если бы час назад не купалась в тридцати килограммах золотых монет. А так и бровью не повела.

— Такое впечатление, что вы не первый раз в моих покоях, леди Тиррина, — послышался из-за спины вкрадчивый голос Артана Седьмого.

Стремительно развернувшись, мы с дворецким поклонились развалившемуся в кресле королю.

— Простите, сир, но я тут первый раз.

И, надеюсь, последний.

— Либо вы равнодушны к сокровищам. — Король поднялся из кресла и подошел ближе. — Но здесь лишь ничтожная доля моей коллекции. Может быть, у меня еще есть шанс удивить вас красотой моего дворца?

Следующее предложение будет посетить его спальню, чтобы полюбоваться на какую-нибудь вазу. Нет уж.

— Мой король, истинное сокровище страны — это милосердное сердце ее государя, — отвесила я жирный комплимент и присела в поклоне

еще ниже. Только бы не упасть с непривычки.

— Гхм, — подавился монарх. — Поднимитесь, леди, я хочу видеть ваши глаза.

Я выпрямилась, спокойно встретив взгляд хищных янтарных глаз. Мой сопровождающий остался стоять с согнутой спиной. Король опустил на него мгновенно потяжелевший взгляд.

— Мэйстр Чесс, вы можете идти. Вашему хозяину сообщат, когда леди Тиррина будет готова к церемонии.

Дворецкий выпрямился, плечи его расправились, а в густом голосе не было ни намека на старческое дребезжание:

— Да простит меня мой король, но вам, вероятно, не сообщили, что я являюсь старшим духовным родственником леди. По семейной иерархии я ее духовный дедушка.

— Хороший ход, — усмехнулся белобрысый венценосец. — Но если вы провернули это перед визитом сюда, его можно и оспорить...

— Нет, сир, мое покровительство было предложено и благосклонно принято в первый же день появления в Орияр-Дерт мэйс Тамары под именем Тайры Вирт. Две недели прошло, духовные связи окрепли и признаны силами мира Айэры.

Я прикусила язык, чтобы не испортить игру старикана. Никаких особых связей, тем более окрепших, я не ощущала. Но может быть, магам виднее, потому что король прищурился, отстраненно и в то же время пронзительно оглядел наши фигуры и поубавил пыл.

— То есть вы отказываетесь уйти миром, магистр Энхем? — спросил Артан Седьмой, и его ноздри затрепетали от сдержанного гнева.

— Осмелюсь напомнить, сир: незамужняя девушка не может остаться наедине с посторонним мужчиной без сопровождения ее родственника-мужчины.

— Но я уже не посторонний мужчина, даже если забыть, что я — король. Моим указом с сегодняшнего дня и до достижения леди Тирриной Барренс двадцати одного года или ее замужества я — ее опекун. — И венценосец жестом фокусника вынул из рукава свернутую в трубочку бумагу, перевязанную лентой с печатями.

Боже! Еще один опекун, еще хуже прежнего! За что это мне? Вот и думай, что страшнее — выйти замуж за некроманта, или не выйти и оказаться во власти царственного тирана.

— Духовное родство Небес выше любого земного, — парировал самый странный на свете дворецкий.

— Но не выше королевской власти! Вы в первую очередь мой

подданный, а потом уже — вассал и слуга моего же подданного. Забыли присягу? Я напому! — прорвался монарший гнев. — Я приказываю, мэйстр Чесс, покинуть мои покои и оставить нас с моей подопечной наедине!

Бледный как смерть дворецкий пробормотал:

— Можете казнить меня, сир, эта казнь будет милосерднее мук, накладываемых невыполненными духовными обязательствами. Я могу уйти, только если моя внучка пожелает.

— Идите, дедушка Энхем, не гневите короля! — спешно сказала я. Еще не хватало, чтобы из-за меня его и впрямь казнили. — Уверена, мне ничего не грозит.

— Кроме потери репутации, — горько прошептал старик.

— Никто не видел нашего прихода, дедушка. Надеюсь, его величество сохранит наш визит в тайне. Идите же!

Низко поклонившись, подавленный Энхем ступил в портал, обрамленный черной с жемчужно-серыми узорами магической рамой, и исчез в темном тумане. Через несколько мгновений и клочки тьмы развеялись без следа.

— До чего старик упрям! — усмехнулся король, разительно изменившийся за те секунды, пока таял туман. Никакие презрительные и гневные складки уже не искажали приятные черты его лица, а яркие глаза сияли, как золотистые бериллы на солнце.

— Вы вправду казнили бы его?

— Разумеется, — кивнул король и раздраженно дернул плечом. — С этим не шутят, мэйс Тамара. Либо я правитель, которого слушаются беспрекословно, либо балаболка, чье слово ничего не значит.

Либо не уверенный в себе мальчишка, доказывающий свое превосходство любой ценой, — подумалось мне. Представляю, в каком сейчас бешенстве мой жених.

— Предлагаю выпить по чашечке чинфы^[1] с морожеными сливками, прежде чем перейти к делам, мэйс Тамара. — Артан Седьмой показал на кресла и накрытый на двоих столик, видневшийся в нише за прозрачными занавесями из органзы. На земле такие задрапированные эркеры назывались альковами.

Королевская галантность не распространилась на то, чтобы придвинуть кресло, слуг он не позвал, потому пришлось примоститься на самый краешек. Чашку брать не решилась — руки слегка подрагивали от волнения.

Зачем король так настаивал на уединении? Знал ведь, что возвращение

Энхема без меня в Орияр-Дерт больно ударит по самолюбию Ворона. Плохо быть зернышком между двумя петухами.

Эльфообразный венценосный красавец пригубил чинфу, внимательно глядя на меня поверх края чашки.

— Вы так забавно дрожите, мэйс, словно попали в логово к людоеду, — улыбнулся Артан Седьмой. — Не бойтесь. Я не собираюсь делать вас моей любовницей против вашей воли. Кстати, вы хотите стать моей фавориткой?

— Нет.

— Неужели я вам так не нравлюсь? — сощурились янтарные глаза.

Риртонским королям не лгут в глаза. Вот и я не смогла.

— Вы красивый мужчина, сир, даже очень красивый. И ваша красота не слащавая, а вполне мужская. Да еще эта аура власти... — Я отхлебнула напиток, бросив оценивающий взгляд на довольного, как обласканный кот, короля. — Да, вы мне нравитесь. Но внешность — не главное в человеке. Вы не настолько мне нравитесь, чтобы я забыла о чести.

Обломись, чувак.

Артан растянул губы в предвкушающей улыбке охотника.

— Не торопитесь, мэйс. Может быть, вам понравится не только моя внешность, но и моя щедрость? Как вам титул герцогини, плодородные земли герцогства Альбара, лучшие в королевстве после моих, и состояние в десять миллионов золотых руней?

Как быстро растут мои первые пять золотых, полученные из рук некроманта!

— Зачем они мне, сир, если на них не купить возвращение в мой родной мир к моим любящим родителям? И зачем вам покупать невесту вашего подданного, если так много свободных девушек, мечтающих о вашей благосклонности?

Король, недовольно морщась, побарабанил длинными пальцами по столешнице.

— Не все так просто, мэйс. А почему вы решили, что замужество за некромантом приблизит вас к возвращению в ваш мир?

— Это прописано в нашем брачном договоре, ваше величество. — Пожав плечиком, я взяла чашку с напитком. Уф-ф... вроде пальцы уже не дрожат. У меня всегда так: стоит броситься в бой, как забываю, что надо бояться.

— Вы уверены, что граф Орияр вас отпустит?

— Конечно. Я уже убедилась, что он человек слова, а договор он подписал. Зачем я ему после его двадцатипятилетия? Если все пройдет как

надо, то осенью, после своего дня рождения, он даст мне развод и поможет вернуться домой.

Король, откинувшись на спинку кресла, с минуту изумленно на меня взирал, от удивления он забыл о вежливости.

— Он обманул тебя, наивная дева. Разводы у нас невозможны.

— Это не будет иметь никакого значения для меня, когда я попаду домой. У нас они, слава Небесам, вполне возможны.

— Ты не понимаешь. Он маг.

— В нашем мире не существует магии, сир, — улыбнулась я и вонзила зубы в похожий на персик фрукт, взяв его с серебряного блюда.

Артан Седьмой рассмеялся. И выглядел он в этот момент потрясающе — светло и беззаботно. Словно выглянуло солнце, и яркие лучи разбежались по летнему лесу. Как и Ворону, ему очень шла улыбка, она делала его совсем юным. Не королем с деспотическими замашками, а сказочным принцем.

— Жаль, что ты отказываешься от титула герцогини. Мне удивительно легко с тобой, Тамара, — признался монарх, затаив искры смеха на дне янтарных глаз. — Наверное, потому, что ты чужда нашему миру и всем его интригам и даже не делаешь попытки солгать. Я ценю это качество, особенно в женщинах. Буду откровенен. Впрочем, ты уже знаешь об особенностях моей магии: я всегда откровенен. Ты не нужна мне как любовница, хотя и не откажусь, если ты захочешь.

— Нет! Не захочу!

— Посмотрим, — улыбнулся король уголком рта. — Если тебе не удастся вернуться, а Дэйтар все же даст развод и храмы Небес его подтвердят, ты окажешься изгоем в свете. Парией, испачканной подозрением во всех грехах. Не знаю, что может случиться, чтобы наше магическое общество приняло такой разрыв. И тогда тебе придется вспомнить о том, что я твой опекун. Только я смогу спасти тебя. А пока... Пока ты права, мне действительно ни к чему ссориться из-за женщины, пусть даже столь необычной, как иномирянка, с моим названным братом и сильнейшим некромантом королевства. К тому же если бы я был заинтересован в том, чтобы именно ты грела мою постель, то не отдал бы тебя в жены моему верному Ворону, а приберег для себя.

— Тогда зачем вы дразните моего жениха этой встречей наедине?

— Ему полезно! — Улыбка короля опять превратилась в задорную, совсем мальчишескую, а глаза лукаво блеснули. — Он никогда никого не ценил настолько, чтобы ревновать.

— Или был просто слишком уверен в себе и своих женщинах, чтобы

беспокоиться?

Королю не понравилась моя ремарка, и он, нахмурившись, отставил пустую чашку.

— У нас не слишком много времени, чтобы заниматься словесной эквилибристикой, мэйс Тамара. Перейдем к делу. Что ты знаешь о роли Орияр-Дерта в нашем мире?

Я пожала плечами:

— Почти ничего. Только то, что крепость Орияр-Дерт каким-то образом находится между Верхним и Нижним миром. И то, что Вороны, по сути, ваши пленники.

— Давно уже союзники, Тамара. Мы предпочитаем называть их так. Только Орияр и его крепость защищают нас от прорыва Нижнего мира. За тысячелетия, выполняя договор с королями Риртона, Орияры обуздали стихийные прорывы черной магии, создали на нашей земле орден Черного Ока, объединивший менталистов и некромантов. Именно они помогли прекратить религиозные войны и установили равновесие между Светлыми Небесами и Темными. И отошли в сторону, занявшись главной задачей — обороной нашего мира от демонов. Ворон и его люди из ордена Черного Ока возглавляют мою тайную инквизицию. Они проверяют на одержимость даже служителей Темных Небес. Даже королевский дом. Ворон — тень моего трона.

— Замечательно, — не выдержала я. — Потомок демонов проверяет других на одержимость!

Король усмехнулся:

— Именно так. Он знает, что искать. Никто лучше него не почует прорыв бывших сородичей.

— Но при чем тут я?

— Ты заинтересована как никто другой, чтобы Ворон не потерял стабильности. Ты нужна мне как союзница. Как мои глаза в Орияр-Дерте. Дружба дружбой, но ни наши отношения с Дэйтаром, ни его присяга не смогут удержать Ворона, когда начнут рваться его связи с моей землей. Это происходит со всеми Ориярами перед их двадцатипятилетием. А учитывая, что в нем течет кровь демонов, он — самый сильный, но и уязвимый из черных магов.

Теперь и я отставила чашку.

— Что значит — союзница?

— Мы будем встречаться каждый день, Тамара, пока не будет консумирован твой брак, и некоторое время после, пока мы не убедимся, что миновала угроза для твоего мужа. — Глаза короля утратили всякую

солнечность и стали походить на два куска янтаря с застрявшими в них черными мушками зрачков. — На кону стоит благополучие моего королевства, и никакие случайности не должны нам помешать. Ты, как и некоторые другие мои осведомители в замке Ворона, будешь рассказывать мне обо всех изменениях во внешности и поведении графа Орияра.

Я похолодела, а руки опять дрогнули, и я спрятала их в складках платья.

— Вы желаете, чтобы я доносила на своего жениха?

Артан Седьмой брезгливо сморщил нос и кивнул:

— Именно так. Ты будешь правдиво отвечать на все мои вопросы. Кроме того, тебя будут проверять мои менталисты, чтобы исключить случаи одержимости демонами Нижнего мира. Мы не допустим, чтобы демоны выиграли эту схватку. Не забывай, Тамара, что сейчас идет негласная война, и ты вместе с Вороном на самом острие меча. Мне очень жаль.

— Но я не хочу становиться вашим соглядатаем! — вскричала я в бессильном гневе. — Это противно моему сердцу! Я дам клятву моему жениху и не смогу его предать.

— Речь не идет о предательстве, дорогая Тамара. Дэйтар в курсе и прекрасно все понимает. Он согласен на такой надзор.

Прекрасно! О каком доверии может идти речь, если жених будет знать, что невеста за ним шпионит?

— Разве больше некому? — взмолилась я. — Поручите эту роль Лин Игви!

— Он никогда не подпустит ее так близко, как вынужден будет подпустить тебя.

И белобрысая сволочь попыталась поцеловать мою руку. Ох и полыхнуло ему в королевскую эльфоморду некромантово колечко!

Я перепугалась так, как никогда в жизни. Даже три года назад так не пугалась, когда обнаружила себя в незнакомом месте, подвешенной на невидимых лентах в окружении светящихся шаров. Тогда все казалось качественным кошмаром. Да и до сих пор иногда кажется.

Но теперь в моем непрерывном кошмаре нарисовалась весьма реалистическая казнь за покушение на государя. Аристократам и магам тут варварски рубят головы — гарантия, что даже некромант не вернет душу в казенное тело.

— Ваше величество! — бросилась я на колени перед упавшим на ковер королем, судорожно пытаюсь прощупать пульс на его шее. Кстати, сильная такая шея, как у борца. А кожа нежная, как у девушки.

За этим занятием меня и застучали ворвавшиеся на шум стражники.

Ситуация с их точки зрения однозначная: какая-то девка в дешевом платье служанки душит их повелителя. В таких случаях сначала убивают, потом поднимают и допрашивают труп. А если учесть, что кольцо мне дал некромант, то и заговор пришить могут.

Потому я мгновенно среагировала на первый же шум: обняла лежащего без сознания мужчину и прижалась губами к его губам, краем глаза поглядывая на незваных гостей.

Ворвавшийся вместе со стражниками молодой рыжеволосый маг обомлел. На его пальцах плясали молнии, но запустить ими в меня он побоялся — вдруг еще короля заденет.

— Сир, нужна помощь? Что тут происходит? — гаркнул рыжий.

Я попыталась приподнять голову и ответить, мол, не видишь, свидание у нас и первый поцелуй. Не тут-то было! Обморочный ожил: жесткая мужская рука прижала меня к груди еще плотнее, а наглые королевские губы попытались захватить мои. Я с визгом отпрянула.

Разумеется, снова полыхнуло, да посильнее, чем в первый раз. Так, что меня отбросило от короля и влепило спиной в беломраморную колонну. Тут же с пальцев рыжего мага сорвалась молния, и я попрощалась с жизнью.

Последняя мысль была вовсе несообразной: я озаботилась странной реакцией кольца. Получалось, по своей воле я могу даже поцеловать чужого мужчину, и ничего ему за это не будет. А если против моей воли — сработает защита. Эх, Ворон, Ворон... Нельзя так безоглядно доверять женщинам! Это нервирует.

С жизнью зря прощалась. Она решила, что я в этом мире еще мало помучилась.

Молния наткнулась на невидимое препятствие в метре от моей особы и разбежалась голубоватой потрескивающей сетью, заключив меня в сферу. По ошарашенным карим глазам мага я поняла: что-то пошло не так. А на его пальцах вилась уже вторая молния.

— Стой, Грентар! — хрипло скомандовал король. — Лучше помоги подняться.

Маг, с трудом погасив боевой заряд, бросился к государю, а стражники уже окружали мою электрическую мышеловку. И зачем? Куда я из нее денусь?

Между тем Артан Седьмой принял вертикальное положение. Легкая растрепанность ему весьма шла, превращая изящного эльфообразного манекена в человека, не чуждого страстям. Он провел пятерней по светлым блестящим волосам, приводя их в порядок, поправил кружева манжет.

Рыжий маг суетился вокруг коронованного тела, отряхивая пылинки с его одежд и непрерывно ворча:

— Да чтоб я еще покинул свой пост, пусть даже по вашему приказу! Да хоть казните на месте, порталный зал не покину! Все равно казнят за то, что покушение проморгал! Толкнули меня на нарушение присяги, и вот результат!

Артан Седьмой мученически возводил глаза к расписному потолку (знакомый жест, я тоже так люблю), улыбался уголком губ, наслаждаясь моим беспомощным видом, и вяло отбрыкивался:

— Ну хватит, Грентар. Хватит. Ничего не случилось, никто на меня не покушался. Это случайный и совершенно безобидный для меня выброс энергии. На мне защита.

— Как это не покушался! А она? — Маг, не поворачиваясь, кивнул рыжей головой, указывая на меня.

— Всего лишь легкий поцелуй, — широко улыбнулось бесстыжее величество. — У тебя слишком чувствительное защитное заклинание. Нужно вплести в него ограничения, а то меня ни одна девушка поцеловать не сможет.

— Значит, это была несанкционированная советом девушка! — возмутился маг. — Конечно, не сможет, пока мы ее не проверим! А если у нее ядовитое дыхание?

Я фыркнула и отвернулась. У самих оно ядовитое! Да тут зубную пасту и щетку еще не изобрели, меловым порошком и палочками пользуются, да и то не все.

— Грентар, довольно! — В голосе короля на миг прорезалась сталь, и маг тут же повиновался и отошел на шаг. — И сними с мэйс свою сеть. Она не преступница и зла не замышляла. Не так ли, мэйс?

И ведь ни разу по имени не назвал. Значит, пытается сохранить мое инкогнито, ведь моего лица, точнее, лица Тайры Вирт тут никто не знает. И я осторожно повернула перстень Ворона камнем внутрь, чтобы никто не опознал.

— Это так, ваше величество. Я не преступница и зла не замышляю, — прикинулась я попугайчиком.

— Вот видишь, Грентар. Девушка не лжет. Сними с нее заклинание.

Рыжий вздохнул, щелкнул пальцами, и электрические змеи, опутавшие невидимую сферу, распались мельчайшими искрами и поземкой устремились в амулет мага, висевший на его груди. Запахло озоном.

— Хорошо, — одобрительно кивнул Артан Седьмой. — Теперь оставьте нас с мэйс, мне не нужна ваша помощь.

— Но сир! — уперся маг. — Мы даже не знаем, что это за девица. Она остановила даже мою сеть. Причем на значительном расстоянии. Вы сказали, что ожидаете леди Тиррину, и мы согласились оставить вас наедине, потому как всем известно, что Небеса ее наказали, и графиня Барренс сейчас совершенно безобидное и бесполезное существо. Но совет не давал согласия на...

— Ты мне надоел. Вон! — негромко, но грозно сказал монарх и сопроводил слова взмахом руки.

Маг даже сгруппироваться не успел, как налетевшим ураганом локального действия его вымело вместе со стражниками за двери. Силен мужик, восхитилась я непринужденностью, с которой Артан Седьмой справился с магом и десятком закованных в латы людей. У короля даже жилки на высоком лбу не напряглись. Зачем такому охрана?

За выметенными захлопнулась дверь, повинувшись злему королевскому прищурю, и Артан развернулся ко мне с очаровательной улыбочкой, словно ничего не случилось.

— Так на чем мы остановились, милая Тамара? Ах да, на поцелуе.

Он сделал шаг ко мне, но я ретировалась за колонну.

— Никакого поцелуя не было, сир! Вам показалось!

— Неужели? — Он попробовал обойти колонну с другой стороны. — А что это было, когда твои нежные губы так страстно прижались к моим?

— Всего лишь попытка сделать вам искусственное дыхание. Вы же были без сознания, и я испугалась за вашу жизнь.

— Ты лжешь, красавица.

Я отбежала от колонны за диванчик.

— Согласна, попытка неудачная. Это была маскировка. За свою жизнь я испугалась больше.

Артан остановился, больше не делая попыток меня поймать.

— А вот теперь ты не лжешь, — погрустнели янтарные глаза. — Всего лишь маскировка. Страх, что тебя обвинят в покушении на мою жизнь.

Он сел на диванчик, положил ногу на ногу и сцепил ладони на колене.

— Сядь, поговорим. Обещаю, что не прикоснусь к тебе без твоего разрешения.

Что ж, поверю. Династия риртонских королей обладала уникальной магией: не только им нельзя было солгать в глаза без риска быть немедленно разоблаченным, но и они не способны были лгать. С одной стороны, встроенный детектор лжи — благословение. С другой — проклятие. Я села, отодвинувшись как можно дальше.

— Я бы мог воспользоваться ситуацией и принудить тебя, Тамара, —

вздыхнул Артан. — Но не захотел. Основания заподозрить не тебя, но твоего жениха есть. Видишь ли, я знал, что представляет собой кольцо-амулет для невест графа Ориара. Думал, что знал. Немного предыстории... Ты — не первая девушка, которую я пытаюсь соблазнить до того, как отдать ее руку лорду Дэйтару. После того как первая невеста Дэйтара сбежала к демонам, мы и придумали это испытание. Мой названный брат был не против. Жена его интересовала, только как средство избавиться от родового проклятия Ориаров.

— То есть граф знал, что меня здесь ждет? Все это было с ним согласовано?

— Безусловно.

— И он готов делиться с вами женой? — Я даже охрипла от душившей меня ярости.

— Все немного не так. Не факт, что согласившаяся девушка стала бы моей фавориткой на самом деле. Как тебе известно, не все невесты Дэйтара были аристократками, а статус моей любовницы изначально должен быть высок. Испытание, которому я подвергаю невест моего друга, необходимо, чтобы понять, способна ли будет девушка противостоять ментальной магии демонов.

— При чем тут демоны?

— Они мастера соблазна. Мы считали, что та, кто согласится променять после свадьбы корону графини на браслет королевской фаворитки, наверняка подпадет под ментальное влияние демонов. Таким образом было отсеяно семь претенденток на роль графини Ориар.

— А еще две...

— Две предыдущие его невесты? Они не согласились разделить со мной ложе, но им это не помогло. Демоны свели их с ума и устранили. Это о том, почему я позволил себе быть настойчивым с тобой. Вернемся к твоему кольцу. Оно не такое, как было. Твое кольцо переделано Вороном так, что, защищая тебя, оно с легкостью пробilo мою защиту. Самую мощную, какую только могут поставить маги в нашем мире на одного человека, не заковывая его в неподъемные магические латы. И то, что Дэйтар не предупредил меня о такой защите, можно рассматривать как измену и покушение на мою жизнь через ничего не подозревающую посредницу.

Я на миг замерла от такого параноидального заявления, а потом... расхохоталась.

Король заледенел, переждал приступ моего смеха с невозмутимым лицом и, едва я успокоилась и вытерла проступившие слезы, процедил

сквозь зубы:

— Вам весело, мэйс? Что же вас так рассмешило?

Так и слышалось в паузе: «Уж не ваша ли казнь за измену?» И я пошла ва-банк:

— Простите, ваше величество. Но вы сами говорили, что Дэйтар — один из сильнейших магов. И вы видели Орияр-Дерт. Даже я, не маг, понимаю, что вся крепость от первого камня в основании до последнего шпиля его башен — это неимоверно мощная магия. Вы знаете, какая сила нужна — удерживать эту магию и обновлять заклинания, чтобы сердце Лаори-Эрля не остановилось. Мне трудно представить, что маг, способный хранить ворота между Нижним миром и Верхним закрытыми и невредимыми, отражать непрерывные атаки демонов всего Нижнего мира, не сможет при желании устроить настоящее покушение.

— Настоящее?

— То есть успешное. Я уверена, сир, если бы граф Орияр был способен нарушить присягу и изменить вашей дружбе, вы были бы давно мертвы. Я уже не говорю о том, что лорду некроманту ни к чему посредница в этом деле, и еще вчера вы спокойно расхаживали по его замку без всякого риска для жизни.

Я умолкла, и наступила зловещая тишина.

Спустя долгую минуту король, буравивший меня таким острым взглядом, словно пытался вскрыть мне череп, отмер, опустил глаза и свел кончики пальцев в жесте задумчивости. Мой папа тоже любил так делать, когда был чем-то сильно озадачен.

— В том-то и дело, мэйс Тамара, — сказал наконец монарх. — В том-то и дело. Еще вчера у Дэйтара не было от меня секретов. А сегодня они появились. Ментальное давление, которому он непрерывно подвергается — и внешнее, со стороны Нижнего мира, и внутреннее, со стороны его проклятой крови, — усиливается каждый день. Миг, когда оно даст трещину, станет последним мигом его свободной воли. Иначе не бывает. Именно поэтому так важно его не пропустить. Я не могу потерять Дэйтара. Он слишком ценен для моего государства и слишком дорог для меня лично.

Ага, и потому ты соблазнял всех его несчастных невест. Но я промолчала, конечно.

— На тебя тоже будут давить, Тамара. — В янтарных глазах даже мелькнуло что-то вроде сочувствия. — Соблазнять, искушать. Как и всех его невест. И мои искушения ничто по сравнению с демоническими. А силы человеческие не безграничны, хотя ты удивительно сильная личность, что странно для человека, не обладающего магией. Если тебе нужна будет

помощь, ты всегда можешь попросить ее у меня, и тебе не будет отказано. Для экстренной связи я дам тебе амулет. После того как мы вернем тебе облик Тиррины Барренс. — Король поднялся, и я одновременно с ним.

К моему удивлению, его величество повел меня не к дверям, а к порталному кругу. Зря я боялась за свою репутацию. Точнее, за репутацию Тайры Вирт. Никто не отследит, откуда взялась неизвестная девица в королевских апартаментах и куда делась. А после возвращения облика никто не сможет связать высшую аристократку и девицу из далекого приграничья.

Глава 3

ЛИЧИНА ДЛЯ ДИВЧИНЫ

Портал перенес нас в мрачное помещение с низкими сводами, пахнущее подвальной сыростью и ледяное даже в полуденный зной. Нас встретил сам граф Ориар, но помещение не было подвалом его замка — не ощущала я атмосферы Лаори-Эрля, которую ни с чем не спутать. А чувствовала только мертвенный давящий холод, как и от моего жениха.

Ворон ни слова не произнес с момента нашего появления, только сверкнул на меня взглядом стальных глаз, поклонился королю и распахнул перед ним низкую железную дверь.

За дверью обнаружился тускло освещенный коридор и два стражника с копьями, хотя я никогда не понимала, зачем им в таком узком пространстве копья, когда гораздо эффективнее длинные кинжалы по типу испанских. Один из стражников прошел вперед, король за ним, затем я, а граф замыкал нашу небольшую группу.

Мы спустились по лестнице, оказавшейся в конце длинного пустого коридора, прошли через какие-то путанные переходы, и наконец стражник распахнул высокую, обитую железом и оплетенную тусклыми, неактивными рунами дверь.

Мы попали в небольшое помещение, нагретое камином. Остро пахло травами. Бросились в глаза пустые книжные полки в грубых, вырубленных в стенах нишах. Под нишами располагался длинный стол с разложенными на чистых тряпицах скальпелями, пинцетами, баночками с мазями и площадками с дымящимся варевом.

У камина, устроившись в кресле с книгой, сидел седовласый маг.

Завидев нас, он вскочил, положил книгу на сиденье и, поклонившись так же молча, как Дэйтар, подождал, когда стражник закроет дверь с той стороны.

— Приступайте, мастер Зигфар, — распорядился король.

Старик выпрямился, и я увидела, что он слеп: Минуточку! Как он мог читать с такими бельмами на глазах?

— Кто будет направлять? — спросил Зигфар.

— Я сам, — ответил король.

— Это честь для меня, — склонил голову старец.

Артан поморщился. Мой жених, подняв книгу с кресла, переложил ее

в нишу, а кресло подвинул к столу и показал мне жестом, чтобы я села.

Мне никто не приказывал молчать, но общая загадочная и давящая атмосфера заставила и меня держать язык за зубами. Я села, Ворон тут же встал у меня за спиной и, положив мне ладони на виски, заставил лечь затылком на спинку кресла.

— Ваше величество, ваш человек осведомлен, что процедура экстренного возвращения истинного облика весьма болезненна? — спросил мастер.

Ладонь Ворона на миг коснулась моих губ, и я поняла, что избрала верную тактику — молчание.

— Да, — ответил за меня Артан Седьмой. — Но обезболивающее не помешает.

— Еще как помешает, — возразил Зигфар. — Если вы готовы мириться с неизбежными в таком случае искажениями, то я, так и быть, дам обезболивающее, но категорически не рекомендую.

Божечки, что за пытка меня ждет? Король бросил на меня вопросительный взгляд, но я отрицательно качнула головой. Буду терпеть, пока смогу. Не хочу стать какой-нибудь кикиморой, которую никто не признает как графиню Тиррину Барренс.

— Хорошо, приступайте, мастер, — скомандовал Артан Седьмой. — Но держите лекарство под рукой.

Кивнув, Зигфар провел над столом раскрытой ладонью, выхватил какую-то баночку и отставил в сторону.

— Руки лучше привязать, начнет хвататься и мешать работе, — буркнул он. — Веревки в среднем ящике.

Дэйтар без слов выдвинул ящик, вытащил заскорузлые, покрытые бурными пятнами веревки и крепко привязал мои руки. Приплыли, Тамара. Ты попала к садисту и палачу.

— Постарайся расслабить мышцы лица. — Старик, надев тонкие кожаные перчатки с магической защитой, повернулся ко мне, взял в одну руку баночку со снадобьем и скальпель. — И никаких слез!

И началась пытка, растянувшаяся на вечность.

Король, надев непроницаемую маску безразличия, смотрел и направлял руки слепца. Старик наносил на меня мази, пахнувшие еще отвратительнее, чем у матушки Зим. Мне казалось, они были замешены на кислоте: лицо щипало, разъедало, омертвевшая кожа свисала лохмотьями, и Зигфар срезал ее скальпелем. И все это без наркоза!

Я давно уже прокляла миг, когда согласилась на эту пытку. Скулила, дергалась, срывая веревками кожу на руках, умирала от боли и — подумать

только! — от стыда. Это ужасно, что кто-то видит меня такой страшной, как освежеванный труп. И тут же успокаивала себя: какая разница? Я ненавижу их всех!

Только присутствие Ворона не давало мне визжать, как поросенок под ножом. Его рука то и дело гладила меня по волосам, успокаивая, его губы иногда касались макушки, даруя миг забвения, а его пальцы дотрагивались до висков, снимая боль.

Зигфар ворчал:

— Нельзя магию! Нельзя! Ежели результат не совпадет с прежним, сами виноваты!

Как ни плохо мне было, но сознание я сохранила до конца ужасной операции.

Через мучительную вечность средневековый косметолог-садист обмазал меня очередной травяной дрянью и выдохнул:

— Все! Это последний регенерирующий слой. Вот теперь можно и обезболивающее. Маска пусть подсохнет, через час можно снять, не раньше. А через два и сама спадет. Чувствительность кожи еще до вечера будет сильная, лучше настоячку мою принимать. И никакой краски на лицо! А то знаю я этих актрис!

Король вложил в руку слепца мешочек с оплатой его трудов. Ворон осторожно влил в меня питье — губы у меня не шевелились, глотать я не могла без болезненного спазма, — отвязал мои истерзанные руки, взял со стола баночку с регенерирующей мазью и помазал мне раны. А потом подхватил меня на руки и понес совсем не в ту дверь, в какую мы вошли, а в неприметную деревянную, в самом углу.

— Прости за эту боль, — шепнул он, оказавшись в смежной комнате. Рассмотреть я ее не могла — сил не было открыть зажмуренные веки.

Поставив меня на ноги, Ворон накинул мне что-то на плечи. Плащ, судя по тому, что на голову опустил широкий капюшон. Меня снова подхватили на руки, куда-то понесли. Я почувствовала дискомфорт, какой бывает при переходе через портал, и провалилась в забытие — подействовало снадобье Зигфара.

Очнулась я в хорошо знакомой комнате — девичьей светлице в особняке графов Барренс. У моей постели, скорбно поджав губы, сидела худощавая незнакомая женщина лет сорока по земным меркам. Крупные черты лица, круглые карие глаза с короткими ресницами и тяжелый подбородок делали ее похожей на лошадь.

— Франа^[2] Унтана к вашим услугам, миледи. — Она поднялась и

поклонилась, заметив, что я пришла в себя. — Я старшая сестра обители «Невинные облака» и целительница, мы с сестрами поможем вам подготовиться к церемонии. Для начала нужно снять с вас маску и нанести целебную мазь. Не беспокойтесь, мы не первый раз возвращаем в мир девушек, имевших несчастье попасть в лапы демонам. Подумать страшно, через какие пытки вам пришлось пройти! Сочувствую вам, госпожа.

Я еле сдержала горький смешок. Действительно, чем король с Вороном лучше демонов, если заставили меня пройти через такие мучения, лишь бы личико невесты походило на Тиррино? Могли бы просто паранджу на меня надеть. Или хотя бы густую вуаль.

— Я готова, мэйстрес, — безучастно сказала я, поднимаясь с постели. Голос изменился, стал нежнее и бархатистее, хотя горло еще саднило от недавних воплей.

По хлопку монашки в комнату вошли шесть девушек, одетых в одинаковую мешковатую одежду серого цвета. И началось...

Меня искупали в женской половине огромной графской купальни, травяную маску аккуратно размочили, чувствительную кожу лица смазали живительным бальзамом, волосы высушили и расчесали.

Все монашки оказались магичками, владевшими бытовыми заклинаниями, потому справились быстро и причинили мне минимум дискомфорта. Разумеется, они пытались выпросить меня, что же происходило с несчастной графиней после похищения ее демонами, но я быстро пресекла расспросы. Графиня не желала вспоминать эти ужасы.

Наконец меня одели, обули, украсили драгоценностями, как елку, и поднесли зеркало.

Ну, здравствуй, Тиррина Барренс, давно не виделись, — слегка поморщилась я.

— Не понимаю, к чему это скоростное и болезненное лечение, — проворчала я, разглядывая знакомые черты и пытаюсь понять, почему лицо в зеркале кажется мне еще более чужим, хотя и более красивым, чем две недели назад. — Неужели нельзя было просто надеть накидку?

— Что вы, миледи! — замахала на меня руками франа Унтана. — Как можно? Перед алтарем Небес предстают только с открытыми лицами! Такими же открытыми и чистыми, как сердца и души.

Лучше я буду молчать, а то еще какую-нибудь глупость ляпну. Три года я в мире Айэры, кучу книг перечитала о вере, обычаях и нравах, особенно в королевстве Риртон, а все равно с завидной регулярностью сажусь в лужу.

Однако придется реабилитировать короля с Вороном. Даже они не смогли бы в одночасье изменить брачный обряд.

Я еще раз бросила взгляд в зеркало. Что же изменилось?

Вот оно что: ни следа от ожогов! Выюнок, оплетавший правый висок и скулу, бесследно исчез. Хоть какая-то радость.

И еще лицо смотревшей на меня из зеркала восемнадцатилетней девушки слегка осунулось и выглядело взрослее. Взгляд холодных серо-голубых глаз стал строже. Ну так немудрено, после пережитого.

Монашки высоко подняли мои белые, окончательно лишившиеся пигментации волосы и заплели в хитрую косу, чтобы ни один волосок не коснулся тонкой сверхчувствительной кожи лица. Из-за мазей она казалась неестественной алебастровой маской без единого изъяна, на которой выделялись темные брови и длинные, словно приклеенные ресницы, да алые искусанные губы, блестевшие от нанесенного на них толстого слоя бальзама.

Да-а... Кто-то называл Тиррину красивой? Только не сейчас. Сейчас я выглядела как вампирша в гробу.

Впрочем, все это не важно. Жива, и на том спасибо.

— А где мой обед? — Урчание желудка напомнило, что живым полагается еда. Я приподняла подол нежно-розового, как зарождающаяся заря, пышного платья и направилась к выходу.

— Леди Тиррина! — Франа Унтана метнулась мне наперерез. — Какой может быть обед? Жениху и невесте полагается строжайший пост перед первым обрядом! Дозволительно только питье.

Изверги.

— Питье? Тогда пусть мне подадут куриный бульон, я его выпью, — распорядилась я. И, оценив непреклонное выражение лошадиного лица, добавила: — Или стакан свежей крови. Тоже питательно.

Унтана в ужасе вытаращила глаза и осенила себя священным знаком.

— Крови?! Милостивые Небеса! Это демоны помutilи ваш рассудок, миледи! Я распоряжусь, чтобы вам принесли успокоительное.

— И бульон.

— Но... — Монашка попыталась возразить, но наткнулась на мой раздраженный взгляд и попятилась. — Хорошо. Прямого запрета на бульон в обрядовой книге нет. В виде исключения, для больных и немощных...

И она выскользнула за дверь. Наверняка побежала докладывать кому-то о моих вкусовых пристрастиях, ведь за бульоном можно было отправить одну из младших монашек.

Вернулась она, ведя за собой служанку с подносом, на котором сиротливо возвышалась бульонная чашка с двумя ручками, и мужика в черной сутане.

Надо сказать, белый цвет местные храмовники не жаловали, подведя под свою практичность теоретическую базу: мол, никто, кроме короля, не может претендовать на чистоту Небес. Потому представители храма Светлых Небес носили серые одеяния, а Темных — черные.

Меня давно удивляло, как они не передрались между собой. Но если и были какие стычки и дележ власти между небесниками, они не выносились на публику. Небеса едины. И во тьме свет светит, и на солнце бывают пятна, и так далее. Мне, честно говоря, нравилось такое признание единства противоположностей без их борьбы.

Раздел духовной власти был предопределен особенностями магии адептов.

Как оно заведено во Вселенной, светлые были в подавляющем случае созидателями и целителями, но и тут мир Айэры удивил: светлые исцеляли тела, а темные храмовники — души. Изгоняли демонов из одержимых, например.

Видимо, как раз это и предстояло мне из-за неосторожной шутки, судя по сверкнувшему из-под капюшона острому взгляду монаха.

— Мое имя фрар Джас, — проскрипел безжизненный, как сухое дерево, неприятный голос. — Мои белые сестры уверяют, что вы невинны, дитя. Но общение с демонами никогда не проходит бесследно. Я обязан удостоверить чистоту вашей души, убедиться, что в ней не посеяны семена зла и исповедать вас, леди Тиррина, прежде чем вы предстанете перед брачным алтарем храма Небес.

Я подавилась бульоном и закашлялась. Ближайшая монашка от души хлопнула меня ладонью меж лопаток.

Вдруг двери распахнулись, и в мою комнату, которая все больше напоминала вокзал, вошел его величество в сопровождении свиты из трех человек. Рыжий маг был мне уже знаком. Портреты еще двоих я помнила по книге родословных Риртона, но, хоть убей, не могла вспомнить имен. Настоящая Тиррина, разумеется, должна была их знать.

Храмовник и храмовницы склонили головы. Я была сосредоточена на вытирании бульонных брызг с платья и скользнувшей в декольте капельки, да так и замерла. Артан Седьмой насмешливо поднял бровь, проследив за моей рукой. Я залилась краской.

— Фрар Джас, — произнес король. — Я лично принял исповедь у графини Барренс и готов подтвердить, что она чиста перед нашими Небесами и в ее душе демоны не посеяли зла.

Пораженные монахини ахнули. С моей точки зрения, это было беспрецедентное вмешательство светской власти в духовную, но монахи и

вида не подал, что его возмутило такое заявление.

— Как вам будет угодно, ваше величество, — склонил он голову. — Никто не усомнится в истинности вашего свидетельства.

И так же невозмутимо он покинул мои покои. Почему-то сразу стало легче дышать.

— Вы тоже подождите нас в холле, светлые франы. — Ястребиный взгляд короля обвел постные женские лица и остановился на недовольно поджавшей губы Унтане.

После демонстративного смирения чернорясника та не посмела даже трепыхнуться. Поклонилась покорно и повела своих сестер к выходу, как гусыня гусят.

А король, пока плацдарм освобождался от соперничавших за власть над людьми сил, не отрывал потеплевшего взгляда от моего лица и чему-то светло улыбался. Тирриному телу он улыбался, не мне.

— Вы стали еще прекраснее, леди. Я думал, это невозможно, — отвесил он комплимент, едва за нестандартными «подружками невесты» закрылась дверь.

Ну и вкусы у мужика! Надо будет, когда выберусь в свой мир, отправить ему бандероль с посмертной вампирской маской из ближайшего шок-шопа, пусть любителю.

— Как вы себя чувствуете, леди?

— Благодарю, ваше величество. Сносно.

— Магистр Грентар приготовил для вас микстуру, она поможет вам продержаться до конца церемонии.

— Мне гораздо больше помогла бы котлета на косточке, — не выдержала я.

Мужчины усмехнулись, рыжий хохотнул, бросив на меня одобрительный взгляд, а король, напротив, помрачнел.

— Мне уже донесли о ваших странных запросах, леди. Близость к демонам наложила на вас свой отпечаток, но это скоро пройдет.

Как он изящно сформулировал — «близость к демонам». Соврал не соврамши. Король, который не лжет. Ох, не прост Артан Седьмой. Совсем не прост.

И что странного в котлете? Похоже, я напрочь выбилась из роли эфирного создания. Но Тирра никогда и не была смиренной овечкой. Я фыркнула и независимо задрала подбородок.

— Это была шутка, сир. Вот когда вы сами будете жениться, и вас заставят поститься целый день, еще вспомните меня.

— Боюсь, мне никогда не забыть вас, графиня, — криво улыбнулся

Артан Седьмой. — Но я рад, что пережитые испытания не ослабили вашу силу духа. Пусть даже в вас иссякла магия, к нашему великому сожалению, но в вас все еще сильна боевая закалка Школы Ока.

Намеренная ехидная оговорка не укрылась ни от кого. Рыжий маг окончательно развеселился, а чернобородые мужчины в парадных камзолах высших аристократов с трудом сохраняли невозмутимость. Похоже, Тиррочка, ты тут всех достала в свои-то пятнадцать! Надеюсь, мой папуля тебя не прибьет сгоряча. Он-то церемониться не привык и вызывающего непослушания не терпит. А магии у нас в мире нет, бедняжка.

— Мой король, время, — напомнил один из чернобородых — невысокий мужчина лет сорока с небольшим шрамом, сломавшим красивую дугу левой брови.

— Да, герцог Анжер, я помню, — кивнул Артан Седьмой. И снова воззрился на меня. Уставшую, между прочим. Сесть в присутствии государя не позволялось никому без особого дозволения. — Леди, вы приносили королевскую присягу в Школе Ока вместе с другими магами, но с тех пор многое изменилось. Необходимо обновить вашу клятву верности своему королю. Мы сделаем это в приватной обстановке, но в присутствии трех свидетелей, как полагается регламентом. Вы готовы?

А куда я денусь с подводной лодки?

— Да, ваше величество.

— Встаньте на колени, — подсказал шепотом герцог Анжер.

Да они издеваются? В моем красивом платье цвета зари — на пыльный пол? Его две недели никто не подметал, слуги разбежались из особняка, а моего возвращения никто не ждал. Я слегка подобрала подол, укоризненно посмотрела на государя и начала опускаться на колени. Рыжий маг, тоже покосившись на короля, вздохнул и сделал пасс рукой.

Милый маг, ты прелесть! Под моими ногами засеребрилась воздушная подушка, мягкая и совсем не пыльная. Платье было спасено.

Присяга действительно оказалась магической. Герцог Анжер говорил слова, я их повторяла, и в воздухе вспыхивали солнечные руны, орнаментом ложившиеся мне на левое запястье и тут же таявшие. Интересный штрих-код. Они бы его еще в виде ошейника сделали!

Я совершенно отстранилась от этого процесса, наблюдая словно бы со стороны, как чужой рот произносит чужие слова клятвы чужого мира, не имевшей ни единого отклика в сердце. Вспоминала родину. Березы под окном дома, где прошло мое полуголодное детство, пока бизнес отца вставал на ноги вместе со мной. Обоим своей детской я до сих пор помнила.

Неожиданно вместо стен с голубыми цветочками, к которым я так

любила пририсовывать бабочек, перед глазами вспыхнуло ослепительное сердце Лаори-Эрля и осветило крылатую фигуру Ворона. Он улыбался, его серые глаза сияли.

— Клянусь хранить верность моему господину, — говорили в этот миг мои губы.

Видение исчезло. Я проморгалась, словно действительно была ослеплена вспышкой. Увы, я не перенеслась чудесным образом в замок графа Орияра и все еще стояла на коленях перед светловолосым королем.

— Принимаю вашу клятву, леди Тиррина, — кивнул он, рассыпая по плечам светлые пряди. — Можете встать.

Внезапно я поняла, что, если бы не цвет глаз, Тиррина была бы похожа на короля как кровная сестра. Те же прямые светлые волосы, ниспадающие как шелковое покрывало на плечи, тот же тонкий аристократический нос и слегка припухлые губы, те же брови вразлет, тот же разрез глаз. Свою внешность Тиррина большей частью унаследовала от матери. А король? Может быть, его интерес к юной графине Барренс объясняется родственными чувствами?

— Ваше величество... — Рыжий маг нервно кусал губы. — Мне показалось, запечатление клятвы прошло неправильно. У леди не осталось следа на запястье. Видите?

Монарх задумчиво прищурил янтарные глаза.

— След со временем исчезает у всех, уходит под кожу, — напомнил второй чернобородый мужчина. — И у каждого индивидуальная скорость срастания. Учитывая, что леди... хм...

— Продолжайте, лорд Корван, — усмехнулся король. — Вы имеете в виду демонов?

— Нет, государь. Я имею в виду слухи о графине Миене Барренс, матери леди Тиррины. Похоже, мы получили подтверждение этих слухов. Родственная кровь быстрее принимает магическое запечатление.

Король побледнел от ярости. Вскинул голову.

— Подтверждение? Чушь! Вы хотите сказать, я — незаконнорожденный бастард от графини Миены Барренс? В своем ли вы уме, лорд Корван? За меньшее казнили!

Мужчина рухнул на колени.

— Пощадите, мой король! Вы не так меня поняли! Позвольте объяснить... — Лорд умоляюще сложил ладони на груди и, дождавшись кивка от короля, зачастил: — Вы же знаете, мои изыскания в области наследования фамильных черт стали общепризнанными среди моих ученых коллег. Я никогда не сказал бы такую вопиющую ложь о вас! И в

мыслях не было! Но ваш отец был весьма благосклонен к леди Миене, а голубые глаза наследуют только от голубоглазых родителей. И у леди Тиррины они именно такого цвета, как у покойного короля, вашего отца. А вы унаследовали цвет ваших золотых глаз от матери-королевы.

— То есть вы предполагаете, что леди Тиррина — моя незаконнорожденная сестра по отцу?

— Возможно, мой государь. Нужны дополнительные исследования. Образцы крови.

Я попятилась и отрицательно замотала головой. Этот ученый фанатик не получит мою кровь. Ни за что!

— У графа Барренса тоже голубые глаза! — выпалила я. Хотела сказать «у моего отца», но при короле, этом ходячем полиграфе, язык не повернулся. — Вы можете убедиться в этом в семейной галерее портретов рода Барренс, лорд Корван. А сходство черт — случайность. С древними родами такое часто бывает. И это не самая важная проблема в день моего обручения.

— Действительно, — поддержал меня король. — Чтобы я больше не слышал этой глупости, порочащей имя моего отца и имя матери леди Тиррины! А вы все, — хищный взгляд обвел меня, ученого лорда, герцога и рыжего мага, — поклянетесь, что все, здесь случившееся и сказанное, не узнает более никто.

Да пожалуйста! Мы уже знаем, как обходить любые клятвы в этом мире. Правда, мой драгоценный Лаори-Эрль?

Почудилось, что кто-то насмешливо фыркнул в самое ухо, до щекотки. А глаза опять ослепли, как от взгляда на солнце. Да что ж это такое!

Глава 4

ПРЕДСВАДЕБНАЯ

В храм меня везли в карете с королевскими гербами, запряженной местными скакунами, очень похожими на лошадей. Назывались они «таврины» и отличались от лошадей строением копыт, более крупным черепом и яркими цветастыми шкурами. Но ржали точно так же и функции выполняли такие же.

Король ехал в другой карете, куда более помпезной. Два аристократа и маг сопровождали нас на лошадях. А мне в подружки невесты навязали все ту же старшую монашку и еще двух девушек — шлейф держать. Негоже невесте быть одной на церемонии. Девушкам выделили экипаж поскромнее, нечего монашек баловать. А Унтана расположилась напротив меня. Я сразу решила выудить из нее полезную информацию, насколько это возможно.

— Франа Унтана, вы, наверное, осведомлены, что у меня после катастрофы, случившейся три года назад, проблемы с памятью, — начала я издалека.

— Да, конечно, леди Тиррина, мы знаем, какому наказанию Небес была подвергнута ваша гордыня. Пока вы выздоравливали, вашими сиделками были сестры моей обители.

С-селедка костлявая! Я стиснула зубы, но продолжала:

— Я благодарна вашим сестрам за помощь и пожертвую полсотни золотых вашей обители. Знаю, сумма небольшая, но я боюсь снова впасть в грех гордыни. Напомните мне об этом разговоре при следующей встрече. Сейчас же я хотела узнать, что меня ждет на церемонии, и понять, будет ли магической моя клятва перед Небесами, и зачем, если я не маг, с меня будут брать такую клятву?

— То есть вы забыли даже это?

— Увы. Все, что связано с магией. Потому я и хочу знать о магических клятвах как можно больше. Зачем они? Неужели недостаточно простой?

Женщина откинулась на мягкую спинку сиденья, произвольно провела ладонью по бархатной обивке, но не украдкой, как делают нищие, впервые попробовавшие королевскую роскошь, а словно наслаждаясь ее мягкостью и что-то вспоминая. Мне даже на миг стала интересна история этой некрасивой гримзы. Что заставило ее, магичку и, похоже,

аристократку, избрать путь отречения от мирских благ?

Унтана разлепила, наконец, сухие губы:

— Недостаточно. Есть несколько видов магических клятв. Во-первых, все маги присягают королю на верность, и вас должны были привести к присяге еще в детстве, когда вы впервые попробовали силу. Это делают родители или наставники на большом ежегодном приеме у городского главы перед представителем короля. На маленького мага накладывают ограничители силы, прежде всего, чтобы он сам себе не навредил. Любая магия до восемнадцати лет дозволена только под контролем учителя. Вы, леди Тиррина, или кто-то, кто хотел вам зла, взломали эти ограничители, когда вам исполнилось пятнадцать. Результат вам известен.

Я кивнула.

— А у других как?

— У других магов ограничители снимают в день первой инициации, в восемнадцать лет, чтобы заменить новыми, более свободными, ведь маг уже способен себя контролировать и предвидеть последствия. Церемония та же, что и в семь-восемь лет. Клятву принимает королевский представитель. Иногда он и старший рода — одно лицо. Полноценную магическую присягу лично его величеству приносят только высшие аристократы. Другие маги — после полной инициации, в двадцать один год. Вам еще рано. Хотя... Король — молодой, но сильный политик, он мог потребовать присягу с невесты Ворона. Так?

— Да, я дала клятву, — погладила я левое запястье.

— Вот оно что... — Женщина сглотнула и скривилась так, словно проглотила лимонного ежа. — И что вас беспокоит?

— Зачем она? — в третий раз повторила я вопрос. — Я не воин, не рыцарь и даже не маг. Чем я могу навредить без клятвы?

— Леди, вы хорошо понимаете, за кого выходите замуж?

— Думала, что понимаю.

— Прежде всего лорд Дэйтар — маг, избранник Темных Небес, некромант. И в моем храме считают: никто не знает, на что он в действительности способен.

— И что? Я-то не маг!

— Вы — его жена. Будущая. Вы должны запомнить, что перед Небесами муж и жена становятся единым целым, как едины Темное и Светлое Небо. Потому и невозможны разводы, разрешенные в диких странах, не ведающих высшего благословения, что в одобренном Небесами браке сплетаются в неразрывное единство души и магия. Поэтому маги предпочитают искать в пару магину — такой союз усилит обе стороны.

— А брак с бессильной — ослабит?

— Разумеется, в какой-то степени. Как гиря, подвешенная на ноги бегуна, его замедлит. Поэтому вы — идеальная партия для Ворона в интересах многих, но... не для него самого. Поэтому ваш брак раньше был немыслим, и в невесты виконту Дэйтару прочили вашу сестру, обладавшую очень слабым даром. Король не может позволить кому-то быть сильнее его. Храмы тоже опасаются усиления могущества темной стороны Небес. Это может нарушить равновесие.

— Понимаю. Но клятва... — вернула я монашку к сути вопроса.

— Смысл вашей присяги вот в чем. Если магия Черного Ворона будет для вас безопасна, вы станете женой и сможете принять часть силы, если ваш муж захочет поделиться могуществом в ущерб себе. Это чрезвычайно редко случается, ни один мужчина не захочет стать слабее. Один раз за всю историю и было. Но наш король предусмотрел и такой случай. А если вы обретете силу, леди Тиррина, при ваших-то совсем не детских пороках души, в коих вы были замечены до кары Небес... — Монахиня осенила себя священным знаком. — Маг, не связанный клятвой верности королю, государству и людям, — опасен. Такой маг будет объявлен вне закона.

— А как работает эта магическая клятва? Если вдруг по незнанию я нарушу...

— Левая рука — рабочая для мага. Если преступление не слишком опасное для страны и государя, вы лишитесь кисти руки. Ну а в случае покушения на убийство монарха или его семьи вы умрете прежде, чем сделаете первый шаг.

— И какие преступления считаются не слишком опасными для страны?

— Легким преступлением считается дезертирство, лжесвидетельство, воровство и даже раскрытие несущественных государственных тайн нашим врагам. К примеру, демонам. Еще добровольный выезд за границу без подорожной грамоты, то есть без пошлины. Контрабанда. Вам нужно прочитать свод законов Риртона, леди.

— Непременно, светлая франа! — Губы у меня пересохли, сердце екнуло.

Нет, я не замыслила переворот и убийство одного эльфообразного коронованного субъекта. Но вот выезд за границу... не только королевства, но вообще мира, планировала.

Про себя я решила отсыпать монашке еще десяток золотых. И мысленно поблагодарила Ворона: не знаю, как он сумел сбить настройки магического заклинания во время присяги, не дав ей закрепиться, но я была

уверена, что моя клятва не нашла адресата. А вот брачный договор уже действовал — Ворон делал все, чтобы выполнить вписанный мной пункт о моем возвращении. Клятва закрыла бы мне путь домой, вздумай король воспротивиться. Пошлина за выезд и обязательная подорожная даже аристократов превращала в государственных крепостных.

— Кисть руки можно восстановить или прирастить, леди, — вдруг разоткровенничалась франа. — И есть целители, которые делают это виртуозно.

Уж не она ли сама такая мастерица? Я уважительно посмотрела на нее, а монашка слегка улыбнулась. Мы прекрасно друг друга поняли без всяких менталистов.

— Виртуозно — это значит с восстановлением магических потоков? — спросила я.

Унтана кивнула. Я не стала спрашивать прайс на услуги, время уже поджимало, но информацию запомнила. Получается, что клятвопреступники спокойно могут расхаживать по королевству — и воры, и предатели, и заговорщики. Или последних клятва порвет, как Тузик грелку? Ладно, это потом. Есть и поважнее вопросы.

— А что с брачной клятвой? — спросила я. — Заклинание отрежет правую руку за измену?

Франа брезгливо поджала губы:

— Фи, леди Тиррина! Я слышана о вашем вздорном характере и отсутствии моральных ориентиров. Странно еще, что вы сохранили девственность при ваших замашках. Но думать об измене уже сейчас, даже не надев брачного кольца?

— Во-первых, почему сразу я? Может, я не уверена в будущем муже. Во-вторых, а это что? — хмыкнула я и продемонстрировала огромный бриллиант-артефакт в кольце Ворона.

— Это еще не брачное кольцо! — отмахнулась франа, хотя ее глаза жадно вперились в драгоценность. — Брачное надевается на третьем этапе. Это фамильный оберег Орияров. Только у них есть традиция вручать этот оберег невестам уже при заключении договора, дабы уберечь девушек от демонических искушений. Никогда не снимайте его, даже в купальне.

Не очень-то и помогает этот оберег, судя по моим предшественницам.

— Спасибо за заботу, — искренне поблагодарила я. — Но что насчет магической клятвы у алтаря? Может ли помешать присяга королю моей супружеской клятве?

Франа Унтана покосилась на окошко, занавешенное вышитой золотом белой кисеей и украшенное цветами.

— Может, — понизила она голос до шепота. — Корона превыше всего. Король может приказать вам доносить на мужа, и это не будет считаться предательством. Король может приказать вам даже лечь на его ложе, и это не будет считаться изменой. Король может приказать вам убить мужа, и это не будет преступлением...

— ...а будет считаться исполнением королевского приговора, — так же тихо договорила я. — Король не доверяет своей правой руке?

Монашка осенила себя священным знаком и сделала голос почти беззвучным:

— Не знаю, почему я вам все это говорю, леди... Вы правильно догадались. Наш благословенный Небесами государь боится своей правой руки.

— Почему?

— Потому что граф Ориар проклят.

— Ах, это... Но ведь проклятие легко снимется.

— Но до сих пор не снято.

— Но ведь для этого я и жертвую своей честью — выхожу замуж за некроманта во благо короны, — пафосно заявила я. — Разве не так?

— Так. Уж точно не по любви, — скупой улыбнулась монашка.

Карета мягко остановилась. Приехали? Я приподняла край занавески. Увидела белоснежную громаду храма с нестерпимо сверкавшей крышей. Двое служителей катили ковровую дорожку от ступенек к воротам, у которых остановилась карета его величества.

— Вы мне очень помогли, франа Унтана. Не ожидала такой искренности. Почему вы были так откровенны?

Хорошо, что я взглянула на ее лицо. Долго удерживаемая маска доброжелательности треснула, и из-под нее проглянула мучительная гримаса. Женщину просто корежило от злости, неприязни, непонятного страха и гнева.

— Я и слова бы вам не сказала, леди, ни за что! Но... Я не могу! — прохрипела она и так рванула хрустальные четки, что бусины рассыпались по коврику на полу кареты. — Не могу сдержать язык! Меня что-то толкает отвечать вам, говорить даже то, о чем вы не спрашивали! Даже при короле можно хотя бы молчать, чтобы не выдать своих мыслей. Вы... вы лжете, что у вас нет магии!

Я как замороженная смотрела на рассыпавшиеся бусины. Нет, не будет ей премии в десять золотых.

— Я не лгу. Может быть, это влияние королевской магии, закрепившей мою присягу, ведь я принесла ее буквально за минуты до того, как сесть в

карету. Мне жаль, что ваша честность и правдивость причинила вам столько боли, светлая франа.

Мой сарказм Унтана прекрасно поняла, скривила лошадиную физиономию. Говорю же, у нас с ней дивное взаимопонимание возникло с первого взгляда. Но сказать в ответ какую-нибудь колкость она не успела — лакей открыл дверцу кареты.

Твой выход, Тамара Коршунова, или графиня Тиррина Барренс в мире Айэры.

Лакей помог мне сойти по ступеньке кареты, юные невинные беломонашки в праздничных хламидах, расшитых серебром и бисером, поправили мне локоны, надели венок из свежих цветов и подхватили мой шлейф. Я двинулась к храму, чувствуя себя клумбой на ножках. Лепестки уже осыпались, и моя тонкая кожа болезненно реагировала на их прикосновения.

Стоявший на пересечении дорожек король Артан Седьмой взял меня за правое запястье, прикрытое кружевной перчаткой с вышитым раструбом.

— Леди Тиррина, вы не устали в поездке?

— Нет, ваше величество. Франа Унтана интересный собеседник, чувствуется аристократическое воспитание. За что ее сослали в монастырь?

— За прелюбодеяние, — ответил король с некоторым удивлением в голосе. — Хм, странно. Простите, леди, я не хотел, чтобы такие слова оскорбляли ваш слух.

— Как я могу вас не простить, сир? Любое королевское слово — жемчуг, пусть даже черный, — улыбнулась я, но мысленно заклеила свой рот скотчем. Никаких вопросов! Не дай Небо, вслед за монашкой и коронованный параноик заподозрит во мне магию.

Но какой все-таки интересный эффект! Надолго ли мне такое счастье?

— Это моя привилегия говорить комплименты, леди, не крадите ее у меня.

— Ох, сир, как можно! И в мыслях не было нанести вам такой ущерб. Ведь в таком случае ваше заклинание отрубит мне руку за кражу. Кстати, в моем мире это считается бесчеловечным наказанием.

Король покосился на меня и впал в меланхолическую задумчивость. А мне того и надо. Помолчать. Обдумать все странности, случившиеся со мной за этот бесконечно длинный день. Длинный, как ковровая дорожка, бегущая через обширный двор храма вдоль клумб с королевскими лилиями и диковинными пышными цветами, аналогов которым в земном мире нет.

Хорошо бы эффект правдивости сохранился до того времени, как я

смогу перемолвиться с Вороном, потому что у меня накопился ворох вопросов к нему. И первый: уж не мой ли жених способствовал тому, что внешность Тиррины Барренс вдруг стала так явно напоминать Артана Седьмого?

Никогда никто за три года моей жизни затворницей в графском особняке не упоминал мне о таком потрясающем сходстве. А уж мой троюродный братец и мой первый опекун, барон Гинбис, а пуще всего его мегера-матушка, не преминули бы заметить исключительную похожесть и извлечь из этого обстоятельства все преференции.

И я сама, изучая портреты правящей верхушки в семейной библиотеке, не замечала того сходства, которое сегодня потрясло и меня, и короля, и ученого лорда Корвана. И с этим лордом тоже не все чисто, чувствует мое сердце. Почему именно его позвал Артан в числе обязательных трех свидетелей? Как бы узнать...

А уж моя исчезнувшая камеристка, предательница Лисси! Вот кого зоркий глаз и любовь к сплетням никогда не подводят! Эта любительница потрясти аристократическим бельишком обязательно заподозрила бы связь между мной и королевским семейством.

Но ничего этого не произошло.

А из этого следует, что такого явного сходства Тиррины Барренс с королевской физиономией раньше не было. И появилось оно только сегодня, после насильственного возвращения облика юной графини в присутствии Дэйтара и Артана. Граф стоял за моей спиной и прекрасно видел лица короля и целителя. А еще он мог подзабыть облик Тирры, все-таки последний раз он видел это лицо в лечебнице, обезображенное ожогами.

И еще мне вспомнилось, как чуткие пальцы Ворона дотрагивались до моих висков, снимая боль, а целитель Зигфар ворчал: «Нельзя магию! Нельзя! Ежели результат не совпадет с прежним, сами виноваты!»

И в итоге результат не совсем совпал.

Ах, Ворон! — улыбнулась я про себя. В интересные игры ты играешь. И эту твою партию я почти разгадала. Одно только подозрение, что я — незаконнорожденная сестра, заставит короля Артана отказаться от мысли затащить меня в постель. Хотя бы до результатов полной экспертизы, которая, несомненно, будет назначена — королевской кровью не пренебрегают.

А там поезд венценосной похоти уйдет, найдется другая девушка, которую срочно утвердит совет Ока. Я бы даже сказала — Окув.

И ты слишком умен, Ворон, чтобы подставляться. Поэтому каким-то

образом подставил лорда Корвана. Уверена в этом на все сто.

Какой же осторожной мне надо быть с тобой, мой премудрый жених. Ты ведь и меня в два счета переиграешь и заставишь плясать под свою дудку. А Коршуновы не подчиняются слепо и бездумно. Коршуновы всегда играют открыто и на равных, как учил меня папа.

Но тут король нарушил молчание:

— Тебе придется нелегко, Тамара. Вряд ли Дэйтар сможет забыть, как он ненавидел Тиррину. И даже не из-за ее характера, не из-за того, что она сотворила с его замком, а из-за того, что она виновна в смерти его нареченной, маленькой виконтессы Эмины. Тирре было тринадцать лет, но она уже поставила цель и шла к ней напролом.

— Ее целью был лорд Дэйтар?

— Нет, Тамара. Ее целью был Лаори-Эрль.

— Зачем ей замок?

— Я не смог разгадать. Прямые вопросы упрямая девчонка просто игнорировала. Но, думается, разгадка близка. Я не из простой предосторожности взял с вас клятву подчинения как мага, Тамара. Я уверен, что стоит вам пройти брачный обряд до конца, и Тиррина попытается вернуть себе тело. Вас она использовала как ширму, чтобы стать графиней Ориар и хозяйкой Лаори-Эрля и всей крепости.

— Слишком сложный путь. Если бы не ваш указ, этого брака не было бы.

— Все другие ею уже были испробованы. А указ... Теперь мне выгодно, чтобы этот брак состоялся. Тирра или кто-то еще просчитали все. И, увы, мои действия тоже. Но она наверняка была уверена, что второй раз ее к присяге не подведут. Резона на первый взгляд нет, достаточно присяги Ворона. И ошиблась. А теперь, если случится возвращение ее души в тело супруги Ворона, над Тирриной уже будет висеть меч магической присяги, и она ничего не сможет сделать.

Я даже остановилась. Какой чудовищный и, главное, правдоподобный план! И никакого меча над ней висеть не будет, напрасно король надеется на мою присягу! На миг я даже пожалела, что клятва сделала финт и закрепились непонятно на ком, если не развеялась.

И еще одна мысль пронзила меня как удар молнии в макушку: это что же получается, в тело Ворона в любой момент может вселиться демон, а в мое нынешнее тело тоже в любой момент может вернуться прежняя хозяйка? Это уже какой-то свальный грех на четверых, а не брак! Если, конечно, хозяйка не вышвырнет вон подсадную утку, то есть не убьет меня.

— Но как она вернется, если бежала в мой родной мир и заняла мое

тело? — спросила я. — Как она поймет, когда настанет срок?

— Я подозреваю, Тамара, что она в сговоре с демонами. Только они могли стать посредниками при твоём перемещении в наш мир. Только они могли открыть её душе путь в ваш мир. И они же знают, когда настанет срок.

— Ясно. Но почему именно я пострадала?

— Мы можем узнать это только от неё самой или от демонов. Возможно, чистая случайность. Первая попавшаяся им душа.

Не верю я в такие случайности!

Мы остановились перед высоченными створками закрытой двери в храм.

— Ты понимаешь, Тамара, почему ваш брак стал для меня практически военной операцией? — спросил король.

— Да, сир.

— Тогда я жду от тебя ежедневного доклада о твоём состоянии, состоянии графа Орияра и в целом Орияр-Дерта.

— Да, сир.

Тоска какая! Но надо отдать должное Артану, ему удалось меня запугать настолько, что захотелось развернуться и бежать.

Вот только тварь, вытащившую меня из родного мира, это не остановит. А узнать, кто сотворил такую магию, как от неё защититься и выжить, мне поможет лишь некромант Дэйтар Орияр. У нас договор.

С ударом серебряного гонга, чистого и звонкого, створки распахнулись.

И я увидела, как на противоположной стороне огромного помещения, в абсолютно черной стене одновременно распахнулись вторые двери. За ними стоял, весь в черном, Ворон в сопровождении группы поддержки.

Брачные ритуалы на Айэре безумно сложные с земной точки зрения, и все потому, что магические силы далеко не всегда совпадают с влечением сердец или голым расчетом. С момента заключения брачного соглашения до момента, когда супруги готовы разделить ложе, может пройти от двух месяцев до нескольких лет.

Сам обряд состоял из трех этапов: наречения, обручения и утверждения.

В обряде наречения жених и невеста в присутствии свидетелей и священников объявляли перед Небесами о своём желании заключить брак, называли имя своего избранника и обменивались поцелуем.

Насколько я могла вычитать из книг Тиррины об обрядах, в этот

момент происходило подтверждение, что, во-первых, между магами нет непримиримого антагонизма, во-вторых, силы мага не убьют не-мага. А в-третьих, желающие размножаться организмы могут подойти друг другу биологически. Ведь даже не-маги могли оказаться носителями спящей крови айэ.

На этом этапе и разрушалось большинство матримониальных планов, даже если влюбленные ранее спокойно целовались тайком. Магия алтаря обычно сразу выявляла скрытые противоречия, которые могли впоследствии привести к разрыву отношений между супругами, а в Риртоне, как известно, разводов не бывает. На этапе наречения даже королевские браки, бывало, признавались невозможными.

Король Артан Седьмой именно тут и расставался со своими невестами, тщательно подобранными Советом Ока. Еще пара неудачных наречений, и король заслужит прозвище проклятого Небесами.

Ну да боги с ним, я не за него иду замуж, к счастью.

А вот Ворон уже трижды благополучно целовался с девицами у этого черно-белого камня. И эта мысль почему-то была мне крайне неприятна.

После наречения будущие супруги выбирали дом, где им предстояло готовиться ко второму этапу — обручению, или принятию родовых магических артефактов. Их магия адаптировалась друг к другу, если оба супруга были магами, или если кто-то один обладал волшебной силой, то второй адаптировался к ней.

Обручение было куда более серьезным событием, чем первый этап. Это момент, когда завязывался новый магический узел в силовом ковре Айэры.

Если оба не были магами, то обручавшиеся, подражая магам, обменивались обычными ювелирными украшениями, и после обручения почти сразу следовало утверждение брака. Тут не было никаких отличий от наших свадеб. Расписались, обвенчались, переспали, и наутро — уже муж и жена.

А вот если оба или один из будущих супругов были магами, то родовой артефакт, эта квинтэссенция чужеродной магии, мог убить или покалечить плохо подготовленного или вовсе нежеланного для рода.

Судя по всему, так же благополучно мой жених трижды проходил второй этап.

Но вот до третьего, главного этапа утверждения нового союза, когда жрецы соединяли капли крови в Небесной чаше, а супруги после этого соединялись на ложе, невезучий Ворон так и не добрался.

Я с некоторой опаской смотрела на приближающегося жениха и

понимала, что после нашего поцелуя перед алтарем Небес я стану очередным камнем, который этот местный Сизиф вынужден будет снова тащить в гору. И не дай Небеса, если его руки ослабеют, если я сорвусь и упаду. Тогда я не только разобьюсь сама, но и его утащу в пропасть.

Судя по серьезному и какому-то обреченному взгляду серых глаз, лорд Орияр и сам это отлично понимал.

А если Небеса Айэры не благословят наш поцелуй? Ведь неведомые боги могут счесть, что моя душа, родившаяся под чужими небесами, совсем не подходит магу Дэйтару Орияру. А то и вовсе решат, что дитя чужого мира оскверняет их храм.

И что тогда? В королевские фаворитки, под прозрачное стекло ходячего детектора? Король ведь докопается до истины, и мое приобретенное сходство с ним уже не сможет его остановить. А потом, когда надоем? Кто я тут — без магии, без связей, с клеймом королевской шлюхи? Не хочу. Светлые Небеса, как же я не хочу такой судьбы!

Вот сейчас все и выяснится. Как же я боюсь!

В полной тишине, прерываемой далекими тихими звуками серебряного гонга, отмечавшего каждый наш шаг, король с одной стороны и монашка с другой подвели меня к двухцветному алтарю, опустили мои ладони на белый камень и отступили назад.

Одновременно со мной противоположной черной половины камня коснулись аристократически длинные, но сильные пальцы чернокнижника и некроманта Дэйтара Орияра.

Время остановилось.

Глава 5

ПЕРВЫЙ ПОЦЕЛУЙ

Алтарный камень был круглым, метра два в диаметре, разделенным на две половины, черную и белую. Его материал слегка мерцал, как гранит на ярком солнце, был холодным и шершавым на ощупь. Мои пальцы сразу онемели от напряжения и холода, но вскоре я перестала их ощущать.

И вообще воспринимать что-либо.

Даже перестала улавливать тончайшую, на грани слышимости, мелодию или молитву. В ней иногда звучали знакомые слова, а потом и они стерлись, их смысл ускользал от сознания, и казалось, во всей вселенной остались только мы двое: Дэйтар и я.

Я вглядывалась в серые глаза напротив, отмечала подрагивание ресниц, бьющуюся жилку на сильной шее, легкое колыхание черных волос, выбившихся из забранного на затылке хвоста.

Мы так долго смотрели в глаза друг другу, что у меня начались галлюцинации.

Колыхавшаяся прядка черных волос некроманта вдруг превратилась в воронье перо, соскользнула с мужского плеча и закружилась в воздухе. Мне захотелось протянуть ладонь и поймать его, но я не пошевелилась, словно окаменела, и лишь замороженно следила за нереально медленным падением.

Перо коснулось черной поверхности камня, и она колыхнулась, как колодезная вода, налитая до самых краев. Мрамор покрылся рябью, как от ветра, волна добежала до моей половины и потрогала неприступную белизну черными пальчиками.

В этот момент с моего венка, болезненно скользнув по чувствительной коже щеки, на алтарь упал белый лепесток. И породил маленький смерч на поверхности белого камня. Волна добежала до границы и коснулась белыми пальчиками черных.

Черные тут же сжались, ухватили добычу по всей длине разделительной линии, и та смазалась небольшими черно-белыми спиралями.

И начался медленный, осторожный, чарующий танец света и тьмы.

Вытянули длинные шеи лебеди, взмахнули черные и белые крылья и закружились, быстрее и быстрее, перетекая из одной формы в другую, но

не смешиваясь в серое безразличие, а выстраивая потрясающе реалистичные черно-белые картины.

Творились небо и земля. Поля и леса. Реки и горы. Облака и птицы.

Они уже не кружились на поверхности алтаря, а вырывались на свободу и проносились над головами. И крылатые мужчина и женщина, танцующие в Небесах.

Облачные спирали поднимались над камнем, волны плескались и шумели за спиной, ветви протягивались и становились садом вокруг нас, трепетали на цветах бабочки, пели птицы. Их освещало и раскрашивало солнце, и вот уже ни света, ни тьмы, ни свиты, ни храма — радужное буйство лесных красок окружало нас со всех сторон.

Я дивилась на чудеса не просто живых, а объемных, прикасающихся ко мне картин, не успевая запоминать их ослепительный калейдоскоп, а сияющие серые глаза напротив словно не замечали ничего и не отрывались от моего лица.

Бросив взгляд на бледное, но улыбающееся лицо Дэйтара, я уже не могла отвести от него глаз, словно пойманная в ловушку.

И не было уже никакого камня между нами, мы стояли всего лишь в полшаге друг от друга. Смогу ли я сделать первой эти полшага?

Мы шагнули одновременно.

Черное перышко, кружась, упало на его плечо и зацепилось за вышивку камзола. Я протянула руку и сняла его. Попыталась. Но оно уже превратилось в прядь волос, и я пропустила сквозь пальцы их тугий шелк.

Легкий лепесток скользнул по щеке и прилип к моим губам. Дэйтар осторожно снял его. И тут же рука мужчины легла мне на талию, притянула, прижала к сильному телу, и его мягкие губы коснулись сначала моего виска, затем скользнули по скуле невесомей лепестка и уверенно накрыли мои губы.

Я вдохнула его аромат — морской бриз и жаркий, нагретый солнцем орешник. Обняла. Свежесть и горечь. Соль и сладость. Мир над бездной.

Поцелуй был как молния — короткий, крепкий, останавливающий сердце и зажигающий солнце. Бросающий в бездну.

Коснулся и исчез, перевернув мой мир и посеяв бурю.

— Тома... — выдохнул Дэйтар и сам отпустил меня. Снял мою руку со своего плеча, коснулся ее обжигающе горячими губами и сжал в широкой ладони не сильно, но надежно, переплетя пальцы. — Дольше нельзя.

— Почему?

— Оглянись. Видишь?

Распахнув глаза, я осмотрелась вокруг.

Мы стояли на невысоком утесе над бушующим морем. До озноба реальная буря, море, утес! И камни скользкие, недолго и упасть. Свистел в ушах ветер, которого я мгновение назад не ощущала. Он трепал подол моего намокшего от брызг платья так, что не выдерживали нежные кружева, рвал в небе темные тучи.

— Что это? Где мы? — Я невольно отступила от обрыва.

— Это гnevаются Небеса, Тома. Мы перешли дозволенную нам границу.

Сердце ухнуло в разверстую под ногами бездну.

— Наш брак не благословлен? — спросила я, ежась от пронизывающего ледяного ветра. Дэйтар обнял меня за плечи, прижал к себе, защищая.

— Они показывают, что моя магия может тебя уничтожить. Пока нам запрещена близость большая, чем невинный поцелуй.

И хорошо, что запрещена.

И тут по наступившей в душе легкости я поняла, в каком была страшном напряжении до сих пор.

Не готова я пока к большей близости. То есть умом понимала, что придется разделить постель, и, наверное, это не так страшно, мне мои более просвещенные подруги чего только не рассказывали о своих отношениях с парнями. Но вот сердцем и душой еще не могла принять.

Хотя поцелуй мог быть и подольше.

И что не так с этим поцелуем? Он был такой короткий и такой... сводящий с ума! Так разве не это требуется от нас?

А с другими невестами как у Ворона было?

Не успела я подумать о других, как скала, на которой мы стояли, треснула с оглушающим шумом.

— Осторожно, Тома! — Ворон, обняв меня крепче, перепрыгнул через трещину подальше от обрыва. — О чем ты подумала?

Признаваться не хотелось, потому я решила увильнуть:

— Это не важно.

Край утеса с грохотом осыпался в бушующее море, и нас обдало холодной волной. Ворон, схватив меня за руку, отбежал еще дальше.

— Это важно, Тома! Здесь важна каждая мысль, твоя и моя. Каждое движение души!

— Где — здесь?

— Темные Небеса! — раздраженно воскликнул некромант. — Просто ответь!

Вспышка. Грохот.

Разряд молнии ударил в скалу совсем близко, отколов еще солидный кусок утеса, и я несколько мгновений стояла, не в силах произнести ни слова, ослепшая и оглушенная.

— Только не пугайся!

Ворон снова отступил, прижал меня к груди. И по закону подлости я испугалась до спазма в горле, когда, проморгавшись, увидела из-за его плеча, что и с той стороны, где недавно простирались цветущие холмы, к нам подступает бурлящее, вскидывающее огромные волны море.

Разрушающийся утес оказался крохотным островком!

— Прошу тебя, Тома, не бойся! Закрой глаза. Послушай меня. Закрой. Вот так. Вспомни, какую красоту мы только что смогли создать!

— Мы?

— Именно мы, милая Тома. Все, что вокруг, создано нашими душами. И твердь, и тучи, и ветер, и море. Это отражение наших душ в Небесах вечности. Тебе никто не объяснил таинства? — Он взял мое лицо в ладони, и я не смогла отрицательно покачать головой, и говорить не могла от страха. — Смотри мне в глаза и не бойся ничего. Хорошо? Я смогу удержать нас. Веришь?

— Верю, — прошептала я, глядя в потемневшие, встревоженные глаза некроманта.

— Спасибо, — улыбнулся он, и я правда поверила. — Тогда слушай. Только мужчина и женщина могут сотворить мир — свои маленькие небеса, свой купол, свой дом. И наполнить его. На первом этапе ритуала Небеса проверяют, смогут ли двое создать свой мир. И сейчас пока не важно, каким он будет. Главное — чтобы двое смогли созидать вместе. У нас получался дивный, ни на что ни похожий мир. Помнишь?

Прикрыв глаза, вспомнила струящиеся ленты ручьев, пахучую молодую листву, пухлые облака и парящих в пронзительной глубине небес птиц.

— Так это все иллюзии?

— Не совсем. Но сейчас лучше думай так. А теперь вспомни, от какой твоей мысли наш с тобой будущий мир, не успев родиться, начал разрушаться?

Я облизнула пересохшие губы.

— Я подумала... Ты ведь не первый раз видишь все это. Вспомнила о твоих бывших невестах. О том, как ты их целовал и получал благословение Небес. И мне стало неприятно от этой мысли. Прости.

Ворон пригладил мои растрепавшиеся волосы, улыбнулся.

— Всего-то? А я уж подумал, что вызвал твою неприязнь и даже

ненависть, такую ты бурю подняла. Такое тоже бывает, тогда брак невозможен, у него нет будущего, и кто бы ни стоял у алтаря, им придется навсегда расстаться.

— И нам тоже?

— Еще не все потеряно, Тома.

Он глянул поверх моей головы, и я тоже приподнялась на цыпочки, чтобы его широкое плечо не заслоняло обзор. Море успокаивалось. Порывы ветра стихали, и хотя грозовые тучи висели низко, из них уже не били молнии.

— Да, я уже трижды проходил первый этап и дважды — второй, но клянусь, ни с кем и близко не было такого чуда.

— А как у тебя это было... с другими?

— Первый раз мы смогли создать лишь раскаленную пустыню. В нас обоих было слишком много иссушающего равнодушия. И лишь далеким миражом на горизонте зеленели верхушки оазиса. Только поэтому жрецы нас допустили ко второму этапу.

А здорово у них тут тестирование поставлено! Теперь понятно, почему нет разводов. Если главное — способность создать и поддерживать мир, то питать его вниманием и заботой уже не проблема.

— А второй мир? — Я умышленно не стала называть слово «невеста». Тут невеста только я.

— Горы. Гордые, неприступные, безжизненные. Но эхо доносило звук водопада, и Небеса сочли — где вода, там и жизнь. Не получилось. Более того, та девушка покушалась на мою жизнь. А в третий раз воды было даже слишком много. Стоячей болотной воды. Это была трясина.

Мне стало грустно, я вздохнула:

— Зато сейчас — лишь клочок камня посреди бездонного моря.

Эхом моих чувств вдалеке жалобно крикнула чайка.

— Мы еще можем все изменить, Тома. Верь мне. Верь себе. Ведь начиналось все божественно прекрасно. — Ворон снова обнял мое лицо ладонями и — нежно-нежно, едва-едва — прикоснулся к губам.

В небе сквозь рваные тучи ослепительно брызнуло солнце, заставив на мгновение закрыть глаза.

А когда я распахнула веки, вокруг уже стягивалась черно-белая воронка, закручивая в смерч бабочек, листья, цветы, волны и облака. Миг — и храм приобрел тот же графический, разделенный надвое, как костюм Пьеро, вид.

С той только разницей, что мы с женихом стояли, держась за руки, на границе черных и белых плит пола и когда-то успели поменяться местами.

Да еще появились два храмовника в одеждах своих Небес — темных и светлых.

— Наречение жениха и невесты состоялось, Небеса приняли их имена и благословили, — объявил служитель в белом.

Интересно, какое мое имя приняли их божества — родное, но иномирное Тамара, или местное Тиррина? Имя души или название тела?

— Но Небеса предупреждают, — произнес служитель в темном балахоне, — что темная сила некроманта может причинить вред невесте и миру между ними. Необходима адаптация невесты к черномгии жениха.

Ничего нового, собственно. Можно было и без тестов обойтись.

Сделав паузу, темный храмовник сказал:

— И еще Небеса предупреждают, что ментальная магия невесты может причинить вред жениху и миру.

Что? Какая магия? Ментальная? У меня? Не может быть! Тут какая-то ошибка!

— Что? — эхом донеслось из-за спины. — Она — менталист? Не может быть!

— Небеса не ошибаются, — был ему ответ.

Я оглянулась. Полюбовалась на изумленное лицо короля. И, отворачиваясь, скользнула взглядом по чеканному профилю Ворона. Вот кто даже не дрогнул, выглядел спокойным и безмятежным. Знал, наверняка знал, гад пернатый!

— Необходимо обучение невесты и адаптация жениха к ее магии, — завершил чернорясник. — Срок следующей церемонии — через год.

— Это слишком поздно! — воскликнул король.

— Это воля Небес, — развел руками темный служитель и слегка поклонился, одновременно демонстрируя и подчинение и превосходство: что вы, короли, перед вечными Небесами? Золотая пыль.

Дэйтар лишь бровь поднял и улыбнулся. Но так, что даже меня озноб пробил, хотя Ворон на меня и не смотрел.

Вот как... Они же лютые враги то ли конкретно с этим служителем, лица которого и не разглядеть под капюшоном, то ли со всеми темными храмовниками. Почему?

— Мы придем тогда, когда сочтем, что готовы предстать перед Оком Небес, — с той же хищной улыбочкой сообщил мой жених. — Или Небеса откажут?

— Дерзайте, граф. Небеса никому не отказывают, — с тонкой ехидцей усмехнулся в ответ чернорясник.

— Вот и славно.

— Ступайте, дети Небес, ступайте, — засуетился служитель в белом. — Вернетесь, когда соблаговолите... когда будете готовы к следующей ступени.

А вот этот — наверняка союзник. Ишь как лебезит. И не боится отношения с собратом по Небесам испортить? Так ли едины храмовники в вопросах политики, как в вопросах веры? И не играет ли мой жених на их противоречиях? Зуб даю, что играет! Я покосилась на его аристократическую физиономию, ставшую презрительно-надменной. Смотрел он при этом на темного жреца. Черномаг против чернорясника. Хотела бы я посмотреть на их поединок.

— Мы можем прислать учителя вашей невесте для ускорения процесса, граф Ориар, — процедил темный.

— Не нуждаемся! — небрежно отмахнулся Ворон.

— Необходим контроль храма Небес, — настаивал храмовник.

— В любое удобное для вас время. Мы приедем сюда вместе с моей нареченной.

Жрец, не выдержав, что-то прошипел на незнакомом языке, а Дэйтар ощерился, словно он и не птица-ворон вовсе, а какой-то бешеный волколак. Интересные у них тут отношения. Непосредственные. Слишком откровенные, словно напоказ... Папа говорил, что за такой нарочитой враждой часто стоят тщательно скрытые общие интересы. Ох, как у меня руки чешутся порыться в этих тайнах! Все-таки хочется знать, что ты за птица, Ворон.

— Идите, дети мои, с миром, — напомнил о себе белорясник. — Не теряйте драгоценного времени. Его у вас слишком мало.

И это предупреждение показалось мне зловещим. Мой нареченный перед Миром и Небесами жених ободряюще сжал мне кончики пальцев и потянул к выходу, но его остановил скрежещущий голос чернорясника:

— Мы должны знать, лорд, какой дом выбран нареченными для адаптации магий.

— Темному храму прекрасно известно, что особняк леди Тиррины временно не пригоден для проживания людей, — сухим протокольным тоном ответил Ворон. — Моя невеста приняла мое приглашение поселиться в Ориар-Дерте. Традициями это не запрещено.

Да? Когда я успела принять? И главное, когда это приглашение прозвучало? — хмыкнула я про себя. И только хотела выразить безоговорочное согласие, как свое веское слово высказал глава государства. Настолько веское, что придавило крылышки моему Ворону.

— Я возражаю, — заявил король. — Как моя подопечная, леди

Тиррина Барренс будет жить во дворце и находиться под наблюдением моих менталистов до следующего обряда. Заодно и обучение, и контроль над адаптацией обеспечим.

— Я сам в состоянии справиться со своей невестой, ваше величество.

— Так же, как с предыдущими? — жестоко съязвил государь. — Мои решения не обсуждаются, граф.

В полном молчании мы покинули храм Небес. Весь путь до дверей мою спину прожигали взгляды двух храмовников, оставшихся у алтаря. Поэтому я шла, как королева, сведя лопатки и вскинув подбородок. И наверняка бы споткнулась, если бы не поддерживающая меня рука Ворона.

Он отпустил мою ладонь только за воротами и вперился злым взглядом в задумчивое лицо короля.

— Что все это значит, сир?

Тот только фыркнул:

— Я рад, Дэйтар, что в тебе еще осталась капля благоразумия, и ты не стал перечить мне в храме.

— Я смею надеяться на объяснения?

— Смеешь, смеешь, — мученически вздохнул Артан Седьмой. — Ты и сам мог бы догадаться. У леди Тиррины, потомственной темной магессы, вдруг обнаружился ментальный дар, несвойственный роду Барренс. Откуда? Это либо последствия катастрофы, в которой леди потеряла всю семью, либо в ее теле возрождается якобы погибшая кровь айэ, либо третий, наиболее вероятный вариант — магия иномирной души. А чужеродная магия, да в крепости, запирающей выход демонам в наш мир... Я не могу рисковать. Я и мои маги должны убедиться в словах Небесных служителей, определить уровень и степень опасности. Не тащить же конклав в Орияр-Дерт!

Некромант подозрительно прищурился. В словах государя был резон, но Дэйтар не уступал:

— Мой король, чтобы определить уровень дара, достаточно пяти минут. Почему ты назначил такой срок — до следующего обряда? И каким образом нам с нареченной адаптироваться на расстоянии?

— Дэйтар, ты еще не успел жениться, а я тебя уже не узнаю! — хохотнул Артан Седьмой и по-приятельски хлопнул Ворона по плечу. Тот слегка поморщился, но венценосец сделал вид, что не заметил недовольной гримасы непокорного подданного. — Ты в моем дворце проводишь больше времени, чем даже я, а леди будет в одиночестве скучать в твоём замке? Какая уж тут адаптация! Разве не ты — моя правая рука, обязан денно и нощно находиться при моем высочайшем теле? Разве не ты — тень моего

трона, охраняющий мою спину на всех совещаниях и переговорах, тайных и явных?

Некромант побледнел и, за неимением меча в пустых ножнах, сжал пустую перевязь.

— Нет, сир, уже не я. Если ты забыл, я напомню, что уже полгода как практически в опале и отстранен от всех моих обязанностей при твоём дворе.

— Мы оба знаем, что это лишь видимость для успокоения моей слишком нервной матушки. А появление при дворе твоей невесты — достаточно веский повод и тебя потихоньку вернуть. Кроме того, разве перестал работать стационарный портал на четвертом этаже Лаори-Эрля? Вот и будешь с его помощью приходить на тайные свидания к своей прекрасной невесте. Подумай, какая романтика! И где благодарность?

— Благодарность? Ты предлагаешь мне тайком приходить порталом, который ведет в твои личные покои? К моей нареченной? — полыхнули яростью грозные глаза некроманта.

Я молча переводила взгляд с короля на жениха. Какая муха укусила обоих? И какой смысл в действиях короля, сначала пожелавшего нас поженить в приказном порядке, если теперь он строит всяческие препятствия для нашего сближения? Невозможно заподозрить государя в непоследовательности, на троне дураки долго не усидят. Следовательно, он ведет какую-то игру. И Дэйтар, похоже, понимает, какую именно, вот и бесится.

И зачем Артан провоцирует некроманта? Чего добивается?

Внезапно король перехватил мой задумчивый взгляд, и я поспешила сделать грустную физиономию. Даже не пришлось кривить душой, на самом деле было грустно. Не так я представляла самый важный день в жизни девушки. Пусть по местным ненормальным законам я еще не жена, а всего лишь нареченная. Будь здесь папа, то давно раскидал бы соперников по углам. Именно поэтому я в своем мире и замуж не успела выйти: не нашелся еще тот богатырь, который выдержал бы поединок взглядов с Коршуном.

«Томка, не дрейфь! — как наяву услышала я папин голос. — Если ты не можешь удержать судьбу в своих руках, расправь крылья и взлети над ситуацией!» Спасибо, папа, ты помогаешь мне даже в другом мире.

— Ваше величество, ваша светлость, — церемонно поклонилась я мужчинам. Оба удивленно воззрились, словно только что заметили меня. — Осмелюсь предложить третий вариант для моего проживания.

— Только не монастырь! — Недавние соперники сплотились в едином

порыве.

— Нет-нет! Я напомню, что в графстве Барренс имеется родовое поместье и замок. И пусть основное здание замка и донжон разрушены три года назад, но кое-что из внутренних построек уцелело, и жить там можно, судя по рассказам моего прежнего опекуна.

— Графиня будет жить во флигеле для слуг? — фыркнул король.

— Не флигель, а вполне добротный дом, раньше он был гостевым, теперь его заняла семья управляющего, — задумчиво молвил Ворон, выдав свою осведомленность. Значит, все-таки интересовался наследством невесты. — Не годится ваше предложение, моя леди. Там нет такой защиты, как в моем замке или хотя бы как в королевском дворце.

— Хотя бы? — рассмеялся государь. — Тебе напомнить, Дэйтар, что вся твоя хваленая защита не уберегла твоих предыдущих невест? Хочешь четвертую жертву? А там и до твоего двадцатипятилетия недалеко. Нет уж, вы оба нужны мне живыми и в своем уме. А потому... пусть не месяц, но неделю твоя нареченная еще воспользуется моим гостеприимством.

— Три дня, сир! — Ворон с непреклонным видом сложил руки на груди. И только король обрадовался победе, как его жестоко обломали: — И только в моем сопровождении.

— Не доверяешь? — попробовал обидеться эльфообразный и картинно поджал чувственные губы.

— Не доверяю.

— Запомню, — прищурились хищные глаза. Король сделал какой-то знак, и от его свиты, ожидавшей на почтительном расстоянии у карет, к нам направилась четверка магов в полувоенной форме. — Так и быть, Дэйтар. Только ради нашей дружбы я попробую уговорить матушку, чтобы потерпела тебя это время, а там найдем компромисс. Через час жду вас на торжественном обеде в честь вашего наречения. А чтобы ты случайно не заблудился, я выделяю сопровождение для моей пока еще подопечной леди Тиррины.

Ворон вынужден был проглотить пилюлю, но я поняла по его глазам, что это оскорбление он тоже не простит. Странная дружба. Очень странная. И очень мне не нравится, что король пытается меня использовать против моего почти мужа.

Глава 6

ТАИНЭ

Ворон, отстранив лакея, помог мне сесть в мою карету и тут же забрался следом, так зыркнув на подбежавших беломонашек во главе с франой Унтаной, что те застыли как статуи. Однако старшая монахиня не собиралась сдаваться.

— Ваше сиятельство, мы должны сопровождать вашу нареченную, — процедила она, недовольно поджав губы.

— После благословения Небес я имею полное право сделать это сам.

— Мы целительницы, граф. Ваша таинэ^[3] еще нуждается в нашей помощи.

— Вы очень любезны, светлая франа, но во дворце имеются лекари.

— Но они не смогут оказать духовную поддержку! Леди Тиррина побывала в лапах демонов и так и не прошла процедуру очищения. Ваше предстояние перед Небесами было бы более успешным, если бы нам дали больше времени перед ритуалом, чтобы помочь невесте оправиться от последствий ее похищения.

— Милостивая франа, мы призовем вас, если будет необходимость. — И Ворон сделал знак лакею, чтобы тот захлопнул дверцу.

Карета двинулась по следам королевского кортежа. Я вздохнула с облегчением. Не знаю, что у них тут понимается под очищением, но я сразу вспомнила жуткие картины средневекового экзорцизма.

Мой жених расположился напротив, и было неуютно под его пристальным взглядом. Я молчала — как-то внезапно накатили слабость и усталость, и граф сам начал разговор:

— Помнится, у вас были ко мне вопросы, миледи?

Тысяча вопросов. Но все они куда-то улетучились, оставив ощущение звенящей пустоты, и я ляпнула первое, что пришло в голову:

— Если я — таинэ, то каков сейчас ваш брачный статус, милорд? Я не могу подобрать аналогов.

— Таир. Это древнее название. Более привычно — нареченный. Но вы же не это хотели узнать?

— Не это. Но у меня так много вопросов!

— Начните с главных, — улыбнулся он краешками губ.

— Их не меньше.

— С жизненно важных. — Его улыбка стала шире.

— Они все такие! Я не понимаю, что происходит между вами и служителями Темных Небес, и почему они хотят затянуть ритуал? Не понимаю, с какой целью король провоцирует вас? И какую линию поведения мне выбрать? И... вы знаете, что он требует, чтобы я следила за вами?

Дэйтар кивнул:

— Знаю. Он у всех требует. И вы согласились?

— Нет. Но я дала присягу, и он может приказать.

Ворон вместо ответа наклонился и вытащил из-под скамьи корзину. Откинул крышку и жестом фокусника вынул кувшин и два хрустальных бокала.

— Подержите, — протянул мне бокалы, зажав их ножки между пальцами.

Я аккуратно взяла их по одному, а граф, открыв хитрый магический запор на крышке кувшина, плеснул в бокалы на два пальца тягучего, почти черного напитка. Густо запахло травами и пряностями.

— Коньяк? — поморщилась я.

Терпеть не могу крепкие напитки.

— Нет. Это безалкогольный целебный эликсир. Тонизирующий, обезболивающий и насыщающий не хуже доброго куска мяса. Попробуйте.

— Наркотик? — сделала я огромные глаза.

— Не выдумывайте! — Ворон рассмеялся и смело опустошил бокал.

Я отпила полглотка. И мгновенно почувствовала легкость воздушного шарика, словно в меня накачали баллон гелия. А голову как будто прочистили изнутри, как закоптившееся стекло. Вот это крутой энергетик!

— Много нельзя, — предупредил Дэйтар, когда я потянулась за добавкой, но расщедрился еще на глоток восхитительной амброзии.

— Почему?

— Вы первый раз пробуете «Живой эликсир»? — Граф сделал паузу. А дождавшись моего кивка, пояснил: — Это вообще-то магическое средство, используемое некромантами для оживления трупов.

Я подавилась и закашлялась до слез, а мерзкий Ворон невозмутимо поинтересовался:

— Вам по спинке постучать?

Я судорожно мотнула головой, но это наглое существо, быстро пересев на мою скамью, от души хрястнуло ладонью по спине. Я едва не сломалась.

— Зачем... кха-кха... трупам обезболивающее? — еле выдавила я.

— Хороший вопрос. — Ворон перестал изображать костолома и

легонько провел ладонью между моими лопатками. Приступ кашля мгновенно прошел. Ладонь скользнула на мою талию и притаилась там. — Простите, моя леди. Не думал, что моя неудачная шутка произведет такой ошеломляющий эффект. Но я готов искупить вину откровенными и подробными ответами на ваши вопросы. Согласны?

Я отодвинулась. Что ж, я тоже шутить умею, люблю, практикую...

— Согласна, но оставляю за собой право на ответную шутку.

Эх, Ворон, Ворон! Не знаешь ты, что Коршуновых лучше не трогать. Наше чувство юмора далеко не всем жертвам нравится.

— Любите брать реванш? — сощурился шутник.

— Не люблю оставаться в долгу, милорд.

— Учту, миледи, — легкомысленно хмыкнул граф. И вдруг резко посерьезнел. Словно солнце зашло за плотную тучу. — Вы затронули очень сложные темы, и так просто на них не ответить, но я постараюсь. Согласившись заключить со мной брачный контракт, вы попали не просто в гущу интриг нашего мира, Тома, а в самую сердцевину. И меня радует, что вы это понимаете, судя по вашим вопросам. А еще я несказанно рад, что две недели назад вы отвергли наш брак и благодаря интриганке Зим попали в Орияр-Дерт.

— Радые? Почему? — изумилась я.

— Потому что в то время мы с вами встретились бы врагами, а теперь, смею надеяться, мы, по меньшей мере, союзники, раз уж вступаем в брачный союз.

Вот и король собирался сделать меня «союзницей». Именно такими громкими словами интриганы прикрывают свои манипуляторские замыслы.

— За две недели у нас появилось время узнать некоторые тайны друг друга, и надеюсь, в дальнейшем их станет еще меньше, — тем временем говорил некромант. — Мои отношения с храмом Темных Небес — одна из таких тайн. Темный орден ненавидит меня, как потенциального демона. Но Небеса Айэры принимают мою сущность. Даже, как ты убедилась, могут благословить. Поэтому темнорясники терпят мое существование. Более того, я им нужен, пока полезен. А полезен, пока Орияр-Дерт несокрушим и находится на этой стороне мира.

Лукавит Ворон. Недоговаривает. Я еще в состоянии отличить искреннюю ненависть от наигранной вражды. А значит, Ворон не доверяет мне.

Плохо. Именно этого и добивается король. Чтобы у Ворона не было никого, только его высочайшая монаршая милость и дружба. Тоже

притворная.

— А король? — спросила я.

— С королем то же самое, с той разницей, что Артан играет доброго братца, пока ему выгодно. Но чем ближе мое двадцатипятилетие, тем чаще и изощреннее будут его провокации.

— Но зачем? Какая ему в этом польза?

Некромант не ответил, задумчиво взял мою ладонь. Я замерла, пока он молча перебирал мои пальцы.

— А руки у тебя еще чужие, — улыбнулся он.

— Я вся еще чужая, — с горечью прошептала я.

Он вскинул потемневшие глаза.

— Это не имеет значения. Я видел твою сущность, Тома. Теперь мне уже не нужно сердце Лаори-Эрля, чтобы увидеть тебя настоящую под любой личиной. У тебя волнистые волосы цвета зрелой пшеницы и темно-зеленые глаза, как омуты. А еще красивые манящие губы и милые веснушки на носу.

— Неправда! Веснушек у меня нет. И вы обещали мне ответить на вопросы.

— Вообще-то нам уже можно обращаться друг к другу не столь церемонно, Тома. Даже в присутствии третьих лиц. Поэтому прошу говорить мне «ты» и обращаться по имени и без титулов. Что касается его величества, тут все просто. Ему нужен не я, а Орияр-Дерт. Точнее, сердце Лаори-Эрля. Если он сумеет завладеть им, то Ворон уже не понадобится, чтобы удерживать врата между мирами. Хватит и сил Темного ордена. Более того, тогда, как ему кажется, можно будет закрыть врата навсегда и больше не бояться прорыва демонов Нижнего мира. Он заблуждается, но не в этом суть. Все гораздо хуже для меня.

— Он провоцирует тебя, чтобы не упустить момент твоей максимальной уязвимости? — Внезапная догадка обожгла меня и тут же бросила в озноб.

— Верно, — с легким удивлением согласился Ворон и поцеловал мне пальцы. — Как ты быстро поняла! Я потрясен. Да, Артан — прежде всего король. Если он раз и навсегда решит тысячелетнюю проблему Орияр-Дерта и моего проклятого рода, то обезопасит страну и прославится на все оставшиеся века. И он ждет единственного момента, когда я, раздираемый изнутри проклятием крови, а снаружи — атаками Нижнего мира, ослабну настолько, что меня можно будет безопасно убить, и я не смогу ни сопротивляться, ни мстить после смерти. А Орияр-Дерт, лишившись последнего наследника рода Черного Ворона, медленно умрет. Так

медленно, что на век Артана Седьмого его агонии хватит, а там пусть у его будущих потомков голова болит. Это если ему не удастся завладеть сердцем Лаори-Эрля.

Вот лицемер этот никогда не лгущий король! Храни Небеса от таких добрых друзей!

— Подожди. Разве не выгоднее ему, чтобы ты благополучно пережил двадцатипятилетие? Ведь ты, когда вернешь меня в мой мир, сможешь снова жениться на любой девушке, и проклятие... — Я хотела сказать «перейдет на твоего первенца», но прикусила язык. И кое-как вывернулась: — И проклятие перестанет быть для тебя актуальным.

— Это было выгодно для всех предыдущих поколений королевского рода. Но Артан понимает: так не может продолжаться вечность.

— Да пусть продолжается!

— Видишь ли, Тома, мне не повезло. Демоны тоже не хотят ждать вечность, и они тоже сменили тактику.

— И все хотят тебя убить!

— И тебе не повезло с таким женихом. Но клянусь, и волос с твоей головы не упадет. Тебя я сумею защитить.

Ох, что-то сомневаюсь!

— То есть тебя хотят убить и демоны, и — при удобном случае — король. И от их планов может спасти только успешная женитьба?

— Скажем, это один из вариантов.

— А какие есть еще?

Дэйтар покачал головой, показывая, что не ответит. Что ж, для него было бы глупо надеяться, что четвертая невеста окажется более везучей, чем все предыдущие. Разумеется, он нашел запасной выход.

— Но разве я не ослаблю тебя как мага?

Дэйтар улыбнулся.

— Не успеешь. Мы же заключили соглашение, что сразу после моего двадцатипятилетия я отправляю тебя в твой мир. Осталось всего два с половиной месяца. Кроме того, ты, как выяснилось, тоже маг, только необученный. А значит, не придется делиться силой. Придется только учить тебя, но это как раз не проблема.

— А в чем проблема? — уловила я нотку сомнения в его голосе.

— В том, что твое обучение должно быть абсолютно тайным, иначе — тут Артан прав — иначе возникнут вопросы, как может леди Тиррина, потомственная темная магиня, не обладавшая ни малейшей искрой ментального дара, да еще и три года показывавшая полную потерю магии, вдруг оказаться менталисткой? Причем достаточно сильной, чтобы ее

сырой дар Небеса сочли угрозой для брака без адаптации магий.

— Действительно. Откуда вдруг что прорезалось? Да и не чувствую я в себе никаких таких сил. С чего они взяли, что у меня есть дар?

— Небеса не лгут.

Некромант, вспомнив о кувшине, взболтал его и, вытащив из корзины припрятанные было бокалы, налил нам еще по глотку эликсира.

— Выпей, нам силы еще понадобятся.

Я послушно выпила божественный нектар.

— Я не понимаю, Дэйтар. Ведь не было и нет ничего!

— Так-таки ничего? Во-первых, ты три года сопротивлялась давлению своего первого опекуна и его матери, а баронесса имеет слабую ментальную ступень, оттого и подавила полностью своего сына. А еще ты избегала паутины айэни Зим, пока не столкнулась с ней слишком близко. Я, кстати, очень удивился, почти не ощутив ее воздействия на тебе.

Я потеряла лоб: какое-то воспоминание зашевелилось... Точно!

— Да, она жаловалась, что магия на меня не действует. Я потом удивилась — очень даже действует!

— Она имела в виду магию айэ, Тома. Все айэ способны воздействовать на сознание людей: насыщать морок, заставляя их видеть то, что им хочется. А любой менталист имеет естественный ментальный щит. У тебя он совсем незаметный, но весьма действенный. Ведь никто не заподозрил! Хотя, может, тут еще сказывалось то обстоятельство, что на Тиррине был блок. Когда я его снял, и твой дар расправил крылья.

— Да не чувствую я ничего.

— Тут нужно не чувствовать, а сознавать. Арган потребовал с тебя клятву?

— Да. И я присягнула.

— Оставь ему это заблуждение, — усмехнулся некромант. — Твоя клятва верности королю и короне не привязана ни к королю, ни к короне. — Ворон ласкающим движением дотронулся до моего левого запястья. — Но главное доказательство: у алтаря Небес ты устроила целую бурю. Только одной мыслью. Помнишь?

Я поежилась, так ярко вспомнив крошечный островок посреди бушующего океана, удары молний, свист ветра, грохот обрушившегося берега, что показалось — по карете пронесся ледяной сквозняк.

— Да, именно так! — Мой жених запахнул полы нарядной накидки, словно внезапно замерз. — Ты способна внушить реалистичную иллюзию.

— Но ведь могут быть другие объяснения. Если айэ способны наводить морок, то, может, это опять проснулась кровь айэ в моем... в теле

Тиррины? — тихо предположила я. В горле пересохло от страха.

— Не может, — отрезал Ворон к моему облегчению. — Магия — это прежде всего душа, а она у тебя человеческая. В тебе нет иного дара, кроме магии твоей собственной души, Тома. Но Артан прав: мы не знаем, на что способна твоя проснувшаяся в нашем мире магия. Ты примешь совет?

— Внимательно слушаю.

— Не сопротивляйся королевским менталистам и в то же время не расслабляйся. Держи себя точно так же, как до того, как узнала о своем даре. Он сам защищает тебя. Если бы не сегодняшний обряд, никто и не заподозрил бы твою одаренность, даже сильнейшие менталисты.

— Но ты знал, — констатировала я.

— Да. Но только потому, что сердце Лаори-Эрля открыло мне твою сущность, моя леди.

Он так интимно сказал «моя леди», что меня бросило в жар.

Это сделка, — напомнила я себе. Всего лишь сделка. Акт аренды тела Тиррины Барренс на одну брачную ночь, как ни цинично это звучит. Но самой себе лгать ни к чему. Мы оба знаем, что нам нужно друг от друга, и никакие чувства сюда не вписываются. Я не хочу ни к кому привязываться в чужом мире.

С другой стороны, между нами должно быть достаточно симпатии и уважения друг к другу, чтобы Небеса благословили наш союз. Впереди еще два ритуала, и, если хочу вернуться на Землю, я сделаю все, чтобы их пройти успешно. Больше никто не обещал мне своей помощи. А король, как мне показалось, наоборот, заинтересован меня тут задержать до тех пор, пока не выжмет досуха все мои знания. А уж менталисты смогут вытащить из меня абсолютно все воспоминания. Все, что я когда-либо видела и слышала. И не сериалы их будут интересовать.

Потому я, воспользовавшись тем, что карету качнуло на повороте, почти упала в объятия моего жениха и только собралась извиниться за неловкость, как его жадные руки сжали добычу, а губы, едва касаясь, скользнули по моей щеке и уверенно, но так же быстро накрыли мои.

Насладиться поцелуем не удалось. За окном ослепительно сверкнуло. От грохота я едва не оглохла, а чудом уцелевшие лошади понесли.

В следующий миг карета вильнула в сторону, ударилась обо что-то — то ли угол здания, то ли крыльцо. Ее развернуло и снова приложило. Ворон крепко обхватил меня одной рукой, не давая упасть на крутом вираже. Вторая рука мага пыталась сотворить какие-то пассы, а с его губ срывались резкие, как карканье, незнакомые слова то ли ругательств, то ли заклинаний.

Губы его были сурово сжаты, на лбу — сосредоточенная складка. Ни единого слова ободрения или утешения! На такие глупости он не терял драгоценные мгновения, да и я не истерила, только зубы стучали, а руки до судороги в пальцах сжимали кувшин с эликсиром. Светлые Небеса, когда я успела подхватить эту величайшую драгоценность?

Несмотря на усилия мага, раздался оглушительный треск, карета разломилась пополам. Но что это? В разрыве показалась не мостовая, как следовало ожидать, а... мгла, клубившаяся как грозовая туча. Я взвизгнула, едва успев подобрать ноги, а с пальцев графа сорвался голубой сполох и развернулся в сетчатую охранную сферу.

Мгла мгновенно облизала сферу искрящимися багровыми языками, словно мы попали в гигантский черный костер. В прорехах его жуткого пламени проглядывал умопомрачительный, чуждый всему земному и человеческому мрачный ландшафт с алыми пиками гор и колючими ветвями уродливых синих растений. Неземной вид то и дело затягивался черной дымкой, но я все же заметила далекие, стремительно приближающиеся крылатые силуэты.

— Что это? — хрипло спросила я. В горле пересохло от жаркого воздуха, а сердце гулко колотилось.

— Нижний мир, миледи, — так же хрипло ответил Ворон. — Держись за меня покрепче, я открою портал.

Крылатые твари были уже совсем близко и начали швырять в нас багровые молнии. Щит затрещал, колыхнулся, но, повинуясь заклинанию, внезапно расширился, отодвигая мглу, и ослепительно засиял — так, что уже ничего нельзя было разобрать за его пределами. Нас, надеюсь, тоже не разглядеть снаружи.

— Закрой глаза, таинэ, сейчас полыхнет! — приказал мой таир.

Удерживая одной рукой нити сферы, он вытащил из перстня черный камень с непонятной гравировкой и швырнул нам под ноги. Вспышка ослепила даже сквозь зажмуренные веки.

Перед глазами плавали огромные цветные круги, и я ничего не видела, зато ноги стояли на твердой, незыблемой поверхности, а горячая мужская рука снова обнимала мою талию.

— Вам запрещен этот вход, милорд! Как вы сумели прорваться? — завопил кто-то поблизости. — Стража!

— Стоять, Сандр! — оборвал его знакомый голос, принадлежавший рыжему королевскому магу Грентару. — У графа Ориара имеется порталный ключ, врученный лично его величеством. Какие уж там

запреты! Так, матушку-королеву потешить.

— Совершенно верно, магистр Грентар, — спокойно ответил Ворон. — Мы здесь по приглашению его величества, но на нашу карету совершено нападение, пришлось воспользоваться секретным ключом. Прошу вас проводить графиню Барренс, таинэ Орияр, в выделенные нам апартаменты. Леди нужно прийти в себя и подготовиться к ужину, а мне необходимо немедленно отлучиться для выяснения обстоятельств атаки.

Пока Дэйтар объяснялся с охраной, я пришла в себя. Узнала роскошную лепнину бело-золотого порталного зала в личных королевских покоях, но сделала вид, что я тут впервые и с преувеличенным интересам огляделась. С утра тут ничего не изменилось, разумеется. Только охрана на этот раз присутствовала и рассредоточилась вокруг возвышения, на котором мы стояли.

Рыжий Грентар тем временем подошел вплотную к мраморным ступеням и протянул мне руку в перчатке.

— Прошу вас, леди.

— Ступайте, таинэ, — вздохнул мой жених, отлично понимая, что сам затащил меня в пасть желтоглазого хищника и бросил на съедение. — Простите, что оставляю вас в столь... неподходящий день.

В столь неподходящей компании, хотел он сказать. Подняв голову, я взглянула в хмурое лицо некроманта. Улыбнулась.

— Не беспокойтесь обо мне, милорд. И подкрепите силы, вам понадобятся. — С этими словами я сунула кувшин с зельем донельзя удивленному мужчине.

— Да вы будете бесценной рачительной хозяйкой, таинэ! — восхитился он, а усталые серые глаза вспыхнули искрами веселья.

— Непременно, таир, — величественно кивнула я.

Вложив свои пальцы в протянутую руку рыжего мага, я сошла с порталного круга. И сразу за спиной вспыхнули яркие всполохи. Я не успела оглянуться, как Ворон исчез.

А едва рассыпались последние искры угасающей порталной арки, как в зал вбежали чрезвычайно возбужденные воины в кирасах личной королевской гвардии. Из светских хроник я знала, что все они были весьма одаренными магами-универсалами. Замыкала группу весьма живописная троица в черных облачениях, выдававших принадлежность их носителей к темной магии. Самый старший из магов мне оказался знаком: старый менталист, магистр Нейсон. Он проверял меня еще в замке Ворона. Правда, тогда я носила другой облик и имя.

Но самым главным тут оказался не он, а пренеприятный тощий тип лет

пятидесяти, с мелкими черными бусинами глаз, крупным горбатым носом и залысинами в полуседых волосах. В руках он сжимал палку весьма подозрительного вида, то ли клюку, то ли магическое оружие.

— Где он? — гулко рявкнул горбоносый.

Все воззрились на пустой порталный круг, на меня и рыжего мага.

— Улетел, — пожал плечами Грентар. — Расследовать какое-то нападение.

— Почему не задержал?

Рыжий неприязненно сощурился, отчеканил:

— Не было приказа, архимаг Махен.

— Задержать ее! — Мелкоглазый солдафон показал на меня клюкой. Ее наверху полыхнуло, выстрелив уже знакомой магической ловчей сетью, не причинившей мне ни малейшего вреда: сеть напоролась на мгновенно вспыхнувший вокруг меня световой ореол и сгорела.

Ну и день! Вот и свадьбу справили. С фейерверками.

— Что вы себе позволяете? — надменно вздернула я подбородок. — Я здесь по приглашению его величества!

— Нам приказано арестовать вас и препроводить в допросную.

— Э-э-э... Махен, — попробовал остановить его магистр Нейсон. — Нам приказано обследовать таинэ Ориар на предмет ментальной магии, об аресте речи не было.

Эти идиоты меня доконают.

— А мне приказано подготовиться к королевскому ужину, и никто не смеет сейчас помешать мне... поправить прическу! — сверкнула я очами. Если у Тиррины была репутация чуть ли не людоедки, должно сработать.

И действительно, гонору у горбоносого поубавилось, а в маленьких глазках мелькнуло удивление.

— Ты тоже это видел, Нейсон? — Он оглянулся на коллегу. Старый менталист кивнул. По его невозмутимому лицу ничего нельзя было понять. — И как ты мог такое не заметить?

Нейсон пожал плечами, и по его фиолетово-черной мантии эффектно метнулись серебряные сполохи.

— А ты разве заметил, когда вошел? — спросил он. — Абсолютно нейтральный фон, как у всех пустышек.

— Но ты говорил, что обследовал ее после похищения! — продолжал наезжать на мага Махен. Его пальцы раздраженно отбивали дробь по магической дубинке.

Я переводила взгляд с одного на другого, отлично понимая, что речь идет обо мне. В моем-то присутствии! Кто их тут учит этикету?

— Магистр Грентар, — повернулась я к рыжему магу, старательно отводившему взгляд от коллег. — Мой таир, граф Ориар, просил вас проводить меня в наши апартаменты. Будьте любезны...

— Конечно, конечно, леди! Простите за непредвиденную задержку, — восторженно рыжик, пригладил пятерней вечно торчавшие вихры и, поклонившись, направился к дверям, заставив посторониться вредного Махена. — Ступайте за мной, графиня.

Но радовалась я рано. Махен, пропустив меня вперед, тут же пристроился слева и чуть сзади, Нейсон вынужден был присоединиться, а их подчиненные составили нам то ли конвой, то ли почетный эскорт.

— Получается, вы всем нам морочили головы, леди Тиррина. Такой щит, как у вас, даже магистр Нейсон не смог не то что пробить, а даже заподозрить о его существовании. Интересненько! И сколько лет вы притворяетесь? — Поскольку я проигнорировала вопрос, Махен разговаривал сам с собой. — Вы обучались в Школе Ока с семи лет, и никаких зачатков ментальной магии у вас не было. Я лично принимал вас, не пропустил бы. Да и наши мощные артефакты обнаружили бы малейшую искру. И впоследствии, при таком строгом контроле вашего отвратительного темного дара, кто-нибудь да заметил бы. Значит, позже. Так?

Он принимал? Лично? Явно какая-то шишка в Школе. Не удивлюсь, если Махен подгрел под свой тощий зад директорское кресло.

Я гордо молчала, едва поспевая за торопливо шагавшим впереди рыжим магом, поэтому ответил Нейсон:

— Махен, мы все смотрели девочку после катастрофы. Как бы ни был удивителен ее щит, он не мог удержаться, когда она была без сознания. Не было ничего.

Горбоносый отмахнулся:

— Ты и две недели назад был уверен, что она...

— Кхм, — многозначительно кашлянул менталист.

— И вчера ты так же был уверен, — не растерялся архимаг, а я поняла, что ему известно о моем маскараде с изменением личности и имени на Тайру. — Теряешь квалификацию?

— Ты бы ее тоже потерял, столкнувшись со столь удивительным случаем, — не растерялся менталист. — Махен, есть единственное правдоподобное объяснение: дар леди Тиррины дарован Небесами во время церемонии наречения. Такое редко, но случается. Только Небеса видят все в наших душах. И только они могут сделать такой подарок жениху или невесте.

Вау-вау, какой умный ход! — восхитилась я про себя. Поди проверь! Ура, Нейсон на нашей стороне и действительно друг Дэйтара, в отличие от распинающегося о дружбе и братстве короля.

— Может быть, — скрепя сердце согласился Махен. И вспомнил о моем присутствии: — Мы все выясним, леди Тиррина, не сегодня, так завтра. И вам уже не отговориться королевским ужином в честь начала вашего бракосочетания, потому что сам король изъявил желание присутствовать при вашем допросе.

— В таком случае не смею вас задерживать, архимагистр Махен, — величественно кивнула я, так и не повернувшись к нему даже из вежливости.

Он крикнул от моей наглости и, хихикая, выдавил:

— Вот что в тебе совсем не изменилось, так это стервозный характер, маленькая колючка. Жаль, очень жаль, что ты уже не сможешь вернуться в мою Школу. Карцер и полоса препятствий по тебе соскучились.

Тут уже я не могла игнорировать его слова. Остановилась, смерила взглядом долговязую фигуру.

— Господин архимаг, к счастью для вас, я не помню ни вас, ни вашу Школу, ни ваши методы. Проблемы с памятью, знаете ли. Но не забывайте, что колючки растут. Могут вырасти и до осинового кола в зад.

— Вот теперь я узнаю острый язычок прежней Тирры! А то как снулая рыба. Давай, девочка, рассерди меня! — потер руки непробиваемый черный маг.

— А если у вас тоже проблемы с памятью, напомню вам, что вы разговариваете не со своей ученицей, а с графиней Барренс, тайнэ Ориар, и, главное, с воспитанницей короля. Обращаться на «ты» к членам королевской семьи и приравненным к ним особам — привилегия, которую вам никто не давал.

Маг, пропустив мимо ушей мою отповедь, жадно разглядывал что-то над моей головой. Потом, махнув рукой как на пустое место, восторженно заявил менталисту Нейсону:

— Ух, как сверкает! Хороша! Интересненькая задачка нам предстоит. Надо амулеты напитать под завязку.

И, развернувшись на каблуках, быстрым шагом отправился прочь.

Я перевела недоуменный взгляд на менталиста. Он тут же поспешил откланяться:

— Леди Тиррина, не пугайтесь. Махен не перейдет границ дозволенного, да и я буду контролировать. Простите за сегодняшнюю неожиданную проверку, она была необходима.

— Так это вы меня проверяли?

— Непрерывными ментальными атаками, — кисло улыбнулся маг. — Вы их даже не почувствовали. Встретимся за ужином, я приглашен как ваш наставник.

— Наставник?

— Вы же хотите обучаться владению ментальным даром?

— Не знаю. Я не чувствую в себе никакого дара.

— Вот как? — удивленно вздернул он бровь. — Это интересно. Думаю, мы сообща справимся с этой проблемой.

За разговорами я и не заметила подробности дороги от королевских личных апартаментов к гостевым. Рыжий маг остановился, распахнул черную с золотом дверь.

— Ваши комнаты, леди. Камеристка уже ждет, чтобы помочь вам подготовиться.

Первая, кого я увидела, переступив порог, была Лисси. Она сделала книксен, улыбнулась, но в глазах было очень нехорошее выражение: торжество, любопытство и очень глубоко затаенный страх.

— Миледи, — пискнула она.

Я резко развернулась к Грентару:

— Магистр, передайте его величеству, что я прошу заменить мне камеристку. Эта... очень неумелая.

— Не получится, — вздохнул рыжий маг. — Кандидатура Лисси на это место одобрена Советом Ока. Менять ее мы не будем.

Пока я набирала в грудь воздуха для гневной отповеди, он поспешно сбежал и дверь не забыл за собой прикрыть.

Я осталась с глазу на глаз со служанкой.

— Не сердитесь, госпожа! — Лисси поспешила лицемерно заломить бровки домиком и бухнулась на колени. — Не знаю, чем я провинилась перед вами!

— Не знаешь?! — возмутилась я, но... она ведь и правда не знает, что я видела, как мой бывший опекун, барон Гинбис, ее, хм, пользовал. Прошипела: — Где фамильные драгоценности моей матушки?

— Тут, в вашей спальне. — Девка метнулась к двери в глубине зала. — Я всё-всё собрала и привезла, всё, до последнего камушка!

Я последовала за ней в роскошную спальню, выдержанную в нежных золотисто-персиковых тонах.

Лисси, подбежав к стоявшему на резном туалетном столике большому ларцу, раскрыла его, высыпала на кружевную салфетку ворох футляров и стала поочередно их раскрывать. Комната озарилась ослепительным

сиянием бриллиантов. Разумеется, я их все и не помнила, но реликвии рода Барренс невозможно было не узнать.

Вот только вопрос: какие заклинания на них успели навесить королевские маги?

— Оставь вот этот гарнитур из белого золота с бриллиантами, остальное убери, — приказала я, отодвинув в сторону футляр со сверкающим украшением в виде тонких листьев. — Проверю все позже, и горе тебе, если недосчитаюсь какого-нибудь колечка. Мое платье для ужина готово?

Можно было не спрашивать: вечернее серебристое платье, отделанное изысканным кружевом и вышивкой, висело на манекене в дальнем углу покоев.

Но сначала — ванна и массаж, чтобы снять усталость. И тут умения Лисси были непревзойденными. Именно ее искусство массажистки поднимало меня на ноги в первый год после катастрофы, в результате которой моя душа заняла чужое тело.

Потому пусть пока девица остается. Перетерплю. Потому что знаю ее слабые места и смогу надавить, а устрою я скандал с требованием вышвырнуть мою камеристку, все равно приставят новую и уже незнакомую мне королевскую шпионку. Или Лисси работает не на короля?

Да какое мне дело? Я не собираюсь задерживаться в этом мире. Поскорее бы отбыть брачную повинность и вернуться домой! И пусть змеи этого мира без меня разбираются, кто из них ядовитей.

Глава 7

КОРОЛЕВА И СТАРЫЕ ТАЙНЫ

— Видите, как на нас смотрят? — Король, отложив столовые приборы, промокнул губы салфеткой и склонился к моему уху. — Догадываетесь почему? Завтра вся столица, а послезавтра все королевство будут сплетничать о сходстве наших лиц и подозревать родство. И то, что вы вдруг стали воспитанницей королевской семьи, лишь укрепит подозрения сплетников. Потому, дорогая, я решаю вам воспользоваться ситуацией.

— Что вы имеете в виду, сир?

— Сегодня все высшие семейства поторопятся предложить вам пылкую дружбу. Вас будут считать универсальной отмычкой и к вашим опекунам и к вашему нареченному. Будет глупо, если вы не извлечете из этого выгоду.

Ох, неспроста король завел этот разговор. Если кто и намерен извлекать выгоду, то это мой высочайший собеседник. Я отпила разбавленного вина, вернула бокал на стол и ответила после паузы:

— И чью дружбу я должна благосклонно принять, а чью — отвергнуть?

— Умница! — довольно блеснули его желтые глаза. — Думаю, первой к тебе подкатится герцогиня Имасская, наперсница и наушница моей матери. Это вон та старуха в лиловом платье.

— Ее величество так больна, раз ее фрейлина готова схватиться за новый рычаг влияния? — еле слышно прошептала я. Королевы до сих пор не было и уже не будет, раз ужин начался без нее. — Я думала, ее отсутствие демонстрирует вам недовольство моим браком.

— Скорее, недовольство присутствием вашего нареченного. Она его за что-то люто ненавидит. Это и хорошо, что ее нет. Пусть сначала до ее ушей дойдут слухи о нашей с вами похожести. А там, глядишь, и сходство лиц уменьшится.

— Почему? — с замиранием сердца спросила я. Неужели предложит еще одну операцию?

Но король оказался не настолько жесток:

— Я уверен, что это не ваше настоящее лицо, леди Тиррина, а результат поспешной операции по возвращению вашего облика, иначе мне давно бы донесли о вас. А это значит, ваш истинный облик вернется со

временем.

— Так это на вас шпионит моя камеристка? — улыбнулась я, заложив Лисси с потрохами.

Я не смогла расшифровать брошенный на меня задумчивый взгляд. Но вот холодный прищур, доставшийся моему жениху, сидевшему напротив меня по левую руку короля, вполне поддавался расшифровке. Ворон, краем уха слушавший нашу беседу, лениво усмехнулся в ответ.

Из этой пантомимы я сделала вывод, что Дэйтар в курсе шпионажа моей горничной, а король, напротив, оказался в неведении. Значит, у него был другой осведомитель в моем доме. А вот вопросов к жениху прибавилось. Будет забавно, если окажется, что Ворон причастен к моему бегству из-под венца две недели назад. Если Лисси работала на него, проверить это он вполне мог. И уничтожить тем самым ненавистную Тиррину Барренс.

Да, размышляла я, пока слуги меняли блюда, все сложилось.

И то, что Лисси так охотно помогла мне с бегством, хотя была послушной игрушкой моего прежнего опекуна и действовала явно вопреки его интересам. Да она сама же и запугивала меня, отговаривая от брака с Вороном!

И то, что граф Ориар уже выкупил особняк якобы в подарок невесте.

И то, что он тянул с расследованием моего исчезновения и сделал вид, что не заметил явных следов, ведущих в каморку матушки Зим.

Единственное, что не вписывалось в эту картину — смерть ундины и вызов демона. Но тут налицо схлестнувшиеся интересы Ворона и храма Темных Небес, давно искавших возможность уничтожить древнее логово Зим. Вот этот момент мне еще не понятен, пока я не знаю, что же связывает некроманта и храмовников, что прячут они за показной ненавистью.

И еще возникает вопрос: если Дэйтар тогда хотел избавиться от навязанной невесты, то почему согласился взять меня в жены сейчас, всего две недели спустя?

Словно услышав мои мысли, некромант поймал мой взгляд и так многообещающе улыбнулся, что меня кинуло в жар.

Король тоже заметил и скривился, шепнув мне:

— Не обольщайтесь, дорогая воспитанница. Вы — всего лишь четвертая нареченная Ворона, и не факт, что станете его женой. Если мы с вами не договоримся о взаимовыгодном сотрудничестве, я разорву ваш договор под любым предлогом. У моего подданного еще есть время жениться в пятый раз. И кандидатура подходящая имеется, которую наверняка одобряют Небеса.

— Дайте догадаюсь. Некромантка Лин Игви? — усмехнулась я. — Граф и девица из веселого квартала, убийца аристократов — какой чудовищный мезальянс!

Так вот кто шпионит за Вороном в его замке! Логично. Наверняка Игви отрабатывает королевское помилование. И вот почему Дэйтар терпеть ее не может, но и избавиться от некрмантки не в состоянии.

— На что только не пойдешь, лишь бы не было войны с Нижним миром, — вернул мне король циничную усмешку. — Репутацию Ворона уже ничем не испачкать, но Лин никогда не вошла бы в высший круг.

— Разумеется. Кто бы ее принял?

— Если бы принял я, то приняли бы все, — отрезал король. — Но дело не в ее низком происхождении и профессии, миледи. Она преступница. Поскольку разводов у нас не существует, то после двадцатипятилетия Дэйтара я привел бы отсроченный приговор в исполнение. Ради торжества справедливости.

— Но она уже наказана! Вы это называете справедливостью?

Я ужаснулась и, наверное, побледнела, потому что Ворон кинул обеспокоенный взгляд сначала на меня, потом на моего соседа по правую руку и моего наставника с этого дня — менталиста Нейсона. И, видимо, ответный жест старшего друга его успокоил.

— Именно справедливостью, миледи! — сверкнули хищные желтые глаза короля. — Она отбывает наказание за убийство. Но ее не наказали еще за одно, более тяжкое преступление. Я отложил это дело, но скоро оно будет завершено. Видишь ли, Тирра... Как ни велика вина преступника, никто в моем королевстве не может приговорить человека или мага к казни, кроме королевского суда. И никто не может исполнить приговор, кроме королевского палача. А Лин приговорила и убила. Потому, если девица Игви в ближайшее время не погибнет в Ориар-Дерте, осенью она будет казнена за узурпацию королевской власти.

Как ни была неприятна зловредная некрмантка, но стало ее жаль. Каково это — жить, зная, что обречена, и казнь лишь отсрочена на неизвестный срок? Ее не казнят, пока она полезнее королю живой, чем мертвой.

И тут до меня дошло, почему король вспомнил о Лин. Это даже не намек. По сути, он показал, что меня ожидает, если я не соглашусь шпионить за Дэйтаром. Казнь. За убийство настоящей Тиррины Барренс.

Я судорожно глотнула вина. Пальцы дрожали, и я поспешно поставила бокал обратно. Спокойно, Тамара. Это для человеческого блага надо, дабы прорыв демона не пропустить.

— А если ваш обряд не завершится, дорогая графиня, — шепнул король, добивая меня, — то и Ворон не обязан будет соблюдать все пункты брачного договора, особенно написанные в самом конце. И тогда только я смогу помочь тебе вернуться восвояси, но цена для тебя будет другой.

— Какой же? — обреченно спросила я.

— Постель, — просто сказал он. — Может быть, я даже признаю тебя официальной фавориткой.

Сволочь.

— Зачем вам именно я?

На жениха я боялась поднять взгляд. Кто-то за столом провозглашал очередную здравицу, но я даже руки не протянула к бокалу. Виночерпий успел наполнить его до краев, и я боялась пролить, так дрожали руки. Король же едва прикоснулся губами к вину и отставил бокал в сторону.

— Одиннадцать лет назад, — глухо сказал он. — Это началось одиннадцать лет назад, когда одна белокурая девочка только принесла свою первую магическую клятву. Она была отмечена королевским Советом Ока, как наилучшая кандидатура в невесты принца. Тут сыграли свою роль и благородная кровь, и необычная магическая сила, и обещанное благословение Небес. Ее и воспитывали, как будущую королеву. И даже то, что она обладала темным даром, не стало препятствием. Наоборот, оба ордена Небес согласились, что это уравновесит светлую силу царствующего рода. Все равно наши дети всегда наследуют силу царского рода. Всегда. Но Темные и Светлые Небеса объединялись бы в этом браке. А единение и равновесие — лучшие опоры для трона. Принц, увидев избранницу, согласился ждать свою маленькую белокурую принцессу.

Злую ведьму, — чуть не сорвалось с языка. Вы с ней были бы отличной парой! Но я молча кивнула, и король продолжил:

— Препятствия появились позже. Во-первых, девчонка вбила себе в голову, что она и только она станет женой лучшего друга принца, названного брата. Это упрямство было не страшно, потому что друг ее не любил. Неодолимым препятствием стала ее невесть откуда проявившаяся кровь айэ. И принц, точнее, уже король, отказался от своей прекрасной белокурой мечты.

— Тогда я тем более не понимаю вашего желания, сир.

— Но теперь мечта ожила. Чистая и невинная. Трогательно слабая. И она уже не сходит с ума от страсти к моему другу. И пусть в ней умерла темная магия, пусть она уже не может стать моей королевой, зато айэни Зим поклялась, что и айэ Тиррины мертва.

— Не только ее айэ, но и ее душа.

— Это не важно. Так даже лучше. У моей мечты был ослепительно-светлый облик и непроглядно черная душа. Не стань она айэ, она все равно была бы сломана и очищена. Королева не может быть чудовищем, хотя я иногда сомневаюсь, — тут он наверняка вспомнил свою мамашу. — А сейчас, дорогая моя, все сложилось еще лучше. Восхищавший меня облик остался, и он еще прекраснее прежнего. — Он обласкал взглядом золотых глаз мое лицо. — Твою душу не надо очищать. А твоё тело... — Он судорожно вздохнул и сжал в кулаке тонкую ножку бокала. — Тело уже очищено. Важно, что в моих наследниках и даже бастардах не может быть ни малейшего следа крови айэ. Даже мертвой айэ. Потому детей у нас не будет, Тиррина.

Я искоса взглянула на королевскую ехидную улыбочку и не удержалась от колкости:

— Разумеется. Потому что у нас с вами ничего не будет, сир.

— Совсем ничего? Ни за какие деньги?

— Ни за какие.

— И ни за какие привилегии?

— Не интересуется.

— Помните, драгоценная моя подопечная, королям не отказывают. Но я не стану приказывать вам, это неинтересно. Так что же может заинтересовать вас больше, чем деньги, статус и привилегии? — Артан Седьмой сделал вид, что на миг задумался. — Может быть, знания? Например, как благополучно вернуться живой и невредимой в свой мир? Вы ведь потому согласились подарить руку и все остальное тело Тиррины моему Ворону. Потому что Дэйтар — сильнейший из моих некромантов, а только некромант может стать проводником для вашей залетевшей так далеко души.

Я невольно проследила взгляд Артана, направленный на моего хмурого жениха. Пожала плечиком:

— Тот факт, что граф Ориар — некромант, не помешал мне бежать от него две недели назад.

— И что же изменилось с тех пор?

Я улыбнулась: Ворон, словно услышав, что о нем говорят, поднял голову, поймал мой взгляд и ответил ободряющей улыбкой.

— Может быть, то, что я узнала его ближе и оценила его благородство? — ответила я королю, не слишком приглушая голос.

Серые глаза вспыхнули. Услышал.

А королю я сказала почти беззвучно:

— Иногда лучше отпустить мечту, сир, чтобы на ее место пришла

другая, еще прекраснее. И может быть, вы тоже окажетесь ее мечтой. А если ее место рядом с вами окажется занятым, вы рискуете упустить свою судьбу, играясь чужими судьбами.

Неожиданно справа прозвучало:

— Достойная отповедь, ваше величество. Не хватит ли мучить девочку? Она на ногах еле держится. Признайте, наконец, что леди Тиррина выдержала испытание.

— Магистр Нейсон, — недовольно поморщился Артан Седьмой. — Кто позволил вам вмешиваться в мою беседу?

— Совет Ока, само собой, — глазом не моргнул старый менталист. — Кроме того, я уже устал держать над вами купол тишины. Слышать вас никто не слышал, но могли прочитать по губам. Ручаюсь, мой ученик Дэйтар ни слова не упустил.

— Вот и славно, — ничуть не расстроился государь. — Продолжим завтра, графиня. А сейчас в качестве извинения и поздравления с наречением примите кое-какие безделушки от королевской семьи. — Он встал, привлекая всеобщее внимание, и следом за ним с шорохом шелка и постукиванием брошенных на тарелки приборов спешно поднялись все гости. — Герцог Анжер, пора вручить нашей подопечной подарок к ее наречению.

Бородатый черноволосый мужчина, сидевший рядом с Дэйтаром, сделал знак слуге за своей спиной. Тот поднес ему подушечку с коробкой, похожую на конфетную, но высокую и обитую богато вышитым золотом белым атласом. Королевские цвета.

Взяв шкатулку, герцог прошел на мою сторону и, преклонив колено перед королем, открыл. Ослепительно сверкнули каменья. Как неоригинально, вздохнула я, выдавливая улыбку.

— Вручите, герцог, — внимательно осмотрев подарок, распорядился король.

Шкатулка переключивалась в мои руки. В ней оказалось изысканное ожерелье, серьги и диадема. Зачем мне еще один бриллиантовый ошейник?

— Благодарю, ваше величество, за такой щедрый дар.

Я слабо разбиралась в местных драгоценностях, тем более что мой первый опекун быстренько постарался меня ограбить, но могла понять, что блеск у камней явно неестественный.

— Это не простые бриллианты, леди Тиррина, — шепнул мне на ухо магистр Нейсон. — Это амулеты, создающие ментальный щит.

Хм, а разве моего собственного ментального щита недостаточно? — приподняла я бровь. Или государь приготовил подарок, еще не зная о моем

даре, открывшемся только в храме Небес?

— И у него еще не один секрет, леди, — добавил Нейсон. — Но их вам откроет король.

Артан, поджав губы, бросил недовольный взгляд на менталиста, потом вздохнул:

— Идемте, леди Тиррина, мы покидаем столь изысканное общество, пусть пируют без нас. Дэйтар, разрешаю тебе сопровождать нареченную в ее покои. Магистр Нейсон, составьте молодым компанию. Пока у вас нет компаньонки, леди Тиррина, ее роль мы отдадим леди... — Его взгляд пробежался по жадным женским лицам. Многие леди подались вперед, даже старая статс-дама королевы невольно поддалась всеобщему порыву, но взгляд короля остановился на остроносом личике темноволосой женщины в весьма скромном вдовьем платье с минимумом драгоценностей. Лет ей навскидку было чуть больше двадцати, но под глазами темнели усталые круги, а в уголках губ притаились скорбные складки. И она, кстати, не рвалась в блистающие ряды моих компаньонов. — Леди Наисса, не соблаговолите ли вы принять на себя труд быть компаньонкой для моей подопечной, пока она пребывает во дворце?

«Вот и королевская шпионка ко мне приставлена, — мрачно разглядывала я маленькую фигуру с сутулой спиной. — Или у нее горб?»

— Я? — Дама растерянно моргнула, но сразу подобралась и склонилась в поклоне. — Благодарю за честь, ваше величество! С радостью!

Что-то никакой радости в ее голосе я не почувствовала. Наоборот, уловила, как она, низко склонив голову, скорбно вздохнула и поморщилась. Дамы, прикрывшись веерами, что-то шипели друг другу и неприязненно оглядывали компаньонку с ног до головы.

Я с радостью покинула этот террариум земноводных. Король, пожелав тихой ночи, удалился, так и не расколовшись, какие еще секреты защиты в его подарке. Не стал признаваться при Дэйтаре.

Мы с женихом направились куда-то по длинным коридорам. Надеюсь, Ворон знает расположение моих комнат, потому что я понятия не имела, как туда добраться.

А Нейсон и Наисса шествовали сзади и старались не наступать нам на пятки.

Внезапно дорогу нам перегородила герцогиня Имасская. За спиной старухи маячили еще две женские фигуры.

— Прошу прощения, граф, графиня... — Герцогиня ни на миллиметр не склонила голову в белом парике, украшенном бантами и жемчужными

нитьями, но приветственно взмахнула наполовину сложенным веером. — Ее величество королева-мать желает видеть леди Тиррину.

— По данному мне слову его величества, таинэ Орияр передвигается вне своих покоев только в моем сопровождении, леди Дофия, — непреклонно заявил Ворон. — Королева-мать готова принять и меня вместе с моей невестой?

Накрашенные брови старухи взлетели вверх, лоб избороздили морщины, толстый слой белил треснул и осыпался на длинный мясистый нос.

— Я... я доложу ее величеству о непредвиденном осложнении, — пробормотала она.

И дамы исчезли с нашего пути на удивление бесшумно. А «непредвиденное осложнение» тихо рассмеялось, взяв меня за руку. Дейтар погладил мое запястье большим пальцем и, поднеся руку к губам, поцеловал в середину ладони. Очень интимный поцелуй.

— Я не позволю белой ведьме вклиниться между нами, таинэ, — улыбнулся он. — Хватит с нас ее венценосного сыночка.

Позади послышался испуганный женский вздох и сдержанное мужское покашливание.

— За что вас так ненавидит ее величество? — поинтересовалась я, сожалея, что нас подслушивают уши короля и Совета. — Или это секрет?

— Известный всему Риртону секрет. — Ворон откинул со лба черные пряди, упавшие во время поцелуя, и я сразу вспомнила иллюзию в храме Небес, когда его прядь превратилась в черное перо и закружилась в воздухе. Миг рождения волшебства обряда. Привиделось даже какое-то мерцание, заструившееся вокруг наших рук — Дэйтар не торопился отпускать мою ладонь. Но сияние тут же развеялось, когда некромант нахмурился. — Во-первых, королева Риата никогда не благоволила к Ориярам. Во-вторых, в Школе Ока я был первым и не уступил ее сыну во время выпускных состязаний. Впервые за последнюю тысячу лет на главном ристалище победила не белая сила, а темная. Дурной знак.

— А я просил тебя уступить, Дэйтар, — вступил в разговор менталист.

— Зачем? Большая дружба рушится с маленькой лжи.

— Так от дружбы все равно ничего не осталось. Она уже была разрушена благодаря... хм... одной негоднице. А с маленькой уступки начинается взаимовыгодный союз.

— Он заключен, магистр. Иначе меня бы здесь не было.

— Но неужели только ваша победа стала причиной вражды королевы? — удивилась я.

Маги переглянулись, посмотрели по сторонам, скрестили взгляды на моей бледной компаньонке. Молодая женщина сначала стушевалась, потом решительно вздернула подбородок.

— Это ни от кого не секрет, лорды. Все знают, что королева Риата уверена: настал последний срок проклятия Орияров. Простите, ваше сиятельство. Не только ее величество, все мы боимся демонов Нижнего мира. Боимся за нашего короля. Потому что только он сможет встать на вашем... на пути вашего... если вас... не станет.

— Смелее, леди. Если демон займет мое тело, вы хотели сказать. И воспользуется доступом во дворец и дружбой с королем, чтобы убить его.

— Да. — Наисса покраснела так густо, что на ее глазах выступили слезы.

— А моя клятва, что я никогда не причиню зла королю, вас не успокоила?

— Нет. Ведь вы поклялись от своего имени, а вас... вас уже не будет.

— Да, это сложно — взять клятву верности с давно умершего демона, который каким-то чудом возродится в своем потомке, правда? И вы, конечно, не знаете, что душа настоящего демона — не бессмертна. Он если мертв, то мертв надежно, потому что разрушаются все его тела — и физическое и тонкие. Поэтому никакой истинный демон не может возродиться, даже его душу невозможно призвать. Откуда вам, наивным доверчивым неучам, это знать? Да и как поверить, если вдруг узнаете? Это же не так трагично и сказочно, как страшный миф о жутком проклятии, придуманный специально для таких, как вы! — Голос некроманта уже гремел, глаза метали молнии, в гневе он не замечал, что несчастная дама вот-вот упадет в обморок.

Я коснулась руки Ворона:

— Это правда?

— Что? — опомнился некромант.

— Что никакого проклятия нет, и миф еще в древности придуман политическими врагами твоего рода?

— Правда. Нет проклятия, таинэ. Я это знаю точно. Но все, даже король, предпочитают верить в удобную сказку.

Но длинную паузу перед ответом я оценила. Врет и не краснеет мой жених. Не стал бы король поднимать такую бучу, если бы его левой руке ничего не угрожало.

— Простите, леди, если напугал вас. — Дэйтар поклонился Наиссе и, подхватив меня под руку, направился вперед. А магистр Нейсон щелкнул пальцами. То ли создал полог тишины, то ли, наоборот, снял.

— Чем королю и королеве выгодна сказка? — спросила я. Не люблю, когда чего-то не понимаю. Особенно когда от этого зависит моя жизнь. — Чтобы перехватить контроль над Орияр-Дертом, когда сочтут нужным?

— Не заморачивайте свою прекрасную головку политикой, моя леди. Она вас никогда не интересовала.

Намек ясен: я вышла из роли Тиррины Барренс.

— Да, меня всегда интересовала магия и ничего, кроме нее. Но во время пожара мой дар выгорел. У меня не осталось других интересных игрушек.

— Попробуйте вышивать.

Меня порадовало презрительное фырканье Наиссы, но компаньонка соблюдала этикет и не встревала в разговор.

Увы, мы уже пришли. Я узнала двери, ведущие в мои скромные апартаменты. Менталист, просканировав меня напоследок, сказал, что мой организм в полном порядке, но нуждается в усиленном отдыхе. Дэйтар намек не понял и вошел в мои покои на правах жениха. Встречавшая нас Лисси старательно отводила от него глаза, чем окончательно убедила меня в догадке, кому она на самом деле служит.

Проверив комнаты на наличие посторонней магии, некромант пожелал мне тихой ночи и направился к выходу.

— Миледи, нуждаетесь ли вы сейчас в присутствии леди Наиссы? — спросил он напоследок.

Я отрицательно качнула головой. В чем я отчаянно нуждалась, так это в ванне и в мягкой подушке.

— В таком случае я ее у вас забираю, у меня есть к вашей новой подруге пара вопросов. — Решительно подхватив пискнувшую компаньонку под локоть, Ворон ретировался вместе с ней за дверь, но бросить какое-то заклинание на порог не забыл. Оно осыпалось тонкой вязью на дерево, словно змейка свернулась.

Бедная Наисса. Если кто узнает, что она ушла наедине с Вороном... А судя по блеску глаз Лисси, об этом пикантном происшествии наверняка кто-то из слуг узнает, как только камеристка переступит порог.

— Милая Лисси, — обманчиво ласково сказала я, вынимая из ушей серьги. — Если ты не хочешь получить заклинание отсохшего языка, ты никогда никому не будешь болтать о том, что видишь и слышишь в моих покоях. Никому. Кроме меня и моего жениха, разумеется. От него мне скрывать нечего.

— Но...

— Если хотя бы слово будет сказано, магистр Нейсон с удовольствием

попрактикуется на твоей глупой голове, а матушка Зим по моей просьбе наложит такой отворот, что все мужчины будут от тебя шарахаться.

— Госпожа, да я... — залепетала девица, но в ее бесстыжих глазах не мелькнула и тень страха. Еще бы, кого ей бояться с такими покровителями?

Я раздвинула губы в улыбке.

— Это легко: всего лишь превратить внутреннюю гниль человека в наружную. Я даже помню это заклинание, Лисси. — Я щелкнула пальцами, и бесстыжая камеристка вздрогнула. — Ты перестала бояться меня. Думаешь, с выжженным даром Тиррина Барренс перестала быть опасной? Но еще не знаешь, что если Небеса что-то отнимают у своих избранных, то только затем, чтобы дать более ценный дар. Берегись моего недовольства, Лисси.

— Да, госпожа, — поклонилась она, изображая священный трепет. — Никому ни слова, я поняла. Давайте я помогу вам снять платье.

Но едва я успела переодеться в ночную сорочку и накинуть пеньюар, как в дверь громко постучали. Лисси метнулась в гостиную, узнать, что случилось, и вернулась через несколько секунд, возбужденная и слегка испуганная.

— Госпожа, там... королева Риата!

— Ну конечно, Риата, как будто в Риртоне есть другая королева! — С этим насмешливым возгласом в мою спальню вошла высокая и очень красивая статная женщина, выглядевшая слегка за тридцать. Золотистые волосы вились, обрамляя совершенное лицо. Больная королева? Да здоровья и бодрости в ней на семерых хватит!

За ее плечом стояла с непроницаемым лицом старая герцогиня и сонно моргали еще две фрейлины, гораздо моложе и симпатичнее старой гримзы.

— Все вон! — приказала королева, и ее свита спешно удалилась за дверь. К моему удивлению, Лисси осталась, словно не слышала приказа, но ее, притаившуюся в углу, будто и не заметили.

— Прости за столь позднее вторжение, моя дорогая. — Королева, сверкая голливудской улыбкой, протянула ко мне руки. Я опустилась на колени и поцеловала перстень на ее по-девичьи гладкой руке. Не знаю, почему я так сделала, но прикоснуться к натянутой и блестящей как у манекена коже было как-то брезгливо. Женщина усмехнулась: — Ничего не изменилось в твоих несносных привычках, моя милая. Ты по-прежнему не прикасаешься ко мне своими очаровательными нежными губками.

— Это кощунство — касаться такого совершенства, — прошептала я. Голос куда-то пропал.

— И все такая же безупречно прекрасная, разве что твоя красота

расцвела и стала глубже. И острее. Она режет по сердцу. — Королева обвела кончиком ногтя абрис моего лица, и я едва не взвыла: кожа была еще чувствительной к малейшему прикосновению, и мне показалось, с меня ее опять заживо содрали. — Ах, какая из тебя вышла бы королева для моего сына!

— Вы так добры, ваше величество, — еле выдавила я сквозь невольный стон. — Разве я, ничтожная, могу сравниться с вашей божественной красотой?

— А я боялась, что ты меня забыла, моя девочка. — Королева наклонилась ко мне и коснулась лба опаляюще жаркими губами. Словно клеймо выжгла. Не знаю, как я сдержала крик.

— Кого угодно, только не вас, — с легкостью солгала я. Ведь королева-мать не обладала вживленным под кожу осколком Ока Истины.

— Это хорошо, моя милая. — Ведьма дунула мне в лицо, и его словно льдом сковало и тут же разбило на тысячи осколков. — Как видишь, я тоже не забыла свою несостоявшуюся невестку. И меня не остановит глупое условие твоего чудовищного жениха, раз уж мой сын оказался так слаб, что дозволил ему такую дерзость. Если ты не можешь посетить больную королеву-мать, то я смогу из последних сил оказать тебе честь своим визитом.

— Я так счастлива, моя королева...

— Твоя, девочка, конечно, твоя. — Ее пальцы вцепились в мои волосы, оттягивая их, поднимая мое лицо вверх, чтобы я встретила взглядом с ледяными, как сосульки, почти прозрачными глазами коронованной белой ведьмы. — Пока твоя. Но ты предала меня, Тиррина. Ты разбудила айэ.

Боже, и угораздило же меня обзавестись именно этим телом! Неужели во всем мире Айэры в тот момент не нашлось ничего попроще?

— Айэ уже нет во мне, — прошептала я.

— Знаю! — Хватка ведьмы усилилась, словно она хотела вырвать мне волосы. — В тебе нет ничего! А о чем я тебе говорила? Что ты, если не сумеешь стать женой Дэйтара, станешь его любовницей и разбудишь свою проклятую кровь только в его постели. И не где-нибудь, а в сердце Ориар-Дерта. Ты должна была сдерживать свою гниль, пока не доберешься до проклятого Дэйтара в Лаори-Эрле. Только там.

— Но он не желал меня!

— Тогда ты должна была стать женой его лучшего друга и моего сына. Разве трон и корона королевы — малая цена для тебя? Это был прекрасный, безукоризненный ход! Королева вне подозрений. Моего амулета хватило бы, чтобы ослепить Совет Ока, даже сами Небеса! Никто

не узнал бы до поры о твоём мерзком изъёме. Я даже разрешила Артану связать его покои порталом с ненавистным Лаори-Эрлем. Ради чего? Ради того, чтобы ты, став королевой, проникла в Лаори-Эрль и уничтожила его. И ты поклялась ради любви ко мне! Помнишь?

Нет, я ничего не помнила. Но я осторожно кивнула. Белую стерву это не удовлетворило.

— Я доверилась малолетней пустышке! Ты не только потеряла все дары, ты позволила, чтобы о твоей дрянной крови айэ узнал и Дэйтар Орияр, и мой сын, дура! — Королева попыталась меня ударить, но кольцо Ворона ей помешало, окружив щитом. Однако сила у Риаты оказалась так велика, что удар отбросил меня к ногам замершей в углу камеристки.

И сквозь шок я не сразу поняла, что предательница Лисси вместо того, чтобы помочь подняться, схватила меня и держит за плечи.

Королева, приблизившись, одобрительно кивнула камеристке и снова вперилась в меня безумными бесцветными глазами.

— Итак, что произошло три года назад, Тирра? Дэйтар узнал о моем маскирующем амулете и сорвал его. Так? Это он спровоцировал твоё пробуждение. Никто больше не смог бы!

— Я не знаю. Не помню. Клянусь!

— Не помнишь? Я напомню! — И она, повернув кольцо с шипом на своём пальце, попыталась наотмашь ударить меня по второй щеке. Щит затрещал, засверкал искрами, но устоял, а ледяные глаза королевы яростно сверкнули. — Он защитил тебя! Но ничего, ничего... Я доберусь! Ответь правду: мой сын уже пытался затащить тебя в постель?

Я молчала, глядя округлившимися от изумления глазами на первую леди королевства, которая вела себя хуже портовой шлюхи.

— Молчишь? Я знаю, что он пытался. Ты, бездарная глупая дрянь, слушай и запоминай! — рявкнула женщина. — Ты могла стать королевой, но теперь я не потерплю тебя в фаворитках моего сына. Отравлю самым мерзким ядом. Это первое. Второе. Ты можешь поиграть в тайнэ Орияр, но чем скорее ты убьёшь своего жениха, тем лучше. Род Орияр должен прерваться не позднее осеннего равноденствия. И наконец, ты разобьёшь сердце Лаори-Эрля. Мне все равно, что ты сделаешь в первую очередь — убьёшь Ворона или вырвешь сердце замка. Одно без другого не существует. Но ты сделаешь это до двадцатипятилетия Ворона. Запомнила?

— Да. Но... как мне это сделать? — прохрипела я.

— Я передам тебе нужные амулеты так, чтобы твой жених ничего не заподозрил. Он слишком проницателен, потому ты получишь их не здесь и не сейчас. Лисси поможет. Ты возьмёшь её с собой в замок.

Я подняла голову, встретила с пустым и равнодушным взглядом служанки. Или она гениальная актриса, или она сейчас находится под мощным ментальным воздействием.

— Будь послушной девочкой, Тирра, и я тебя прощу, моя сладкая. — Королева, протянув руку, легко преодолела щит и потрепала меня по щеке, едва не отправив в новый обморок. — Но помни, у меня длинные руки. Они достанут тебя везде, и стены Орияр-Дерта не спрячут тебя от мести, если ты меня предашь. У тебя еще два месяца жизни. Потом ты умрешь, если Дэйтар не будет к тому времени мертв. А если ты справишься, я подумаю, не сделать ли тебя все-таки королевой. Мой давний приворот еще действует на моего мальчика, он тебя все еще любит.

Я едва поверила глазам, когда королева вдруг повернулась и ушла.

Несчастный Артан... Вот оно в чем дело, оказывается. В матери, для которой единственный сын — лишь инструмент для закулисной игры. Знает ли он о том, что отравлен?

Что ж, магистр Нейсон, у вас не будет более прилежной ученицы, чем я. Это мой единственный шанс остаться в живых в этом мире.

Едва дверь за королевой закрылась, Лисси пошевелилась. Я не заметила в ее пустых глазах ни злорадства, ни сочувствия.

— Позвольте помочь, госпожа.

— Ты! Ты ее шпионка! — Я оттолкнула ее руки и с трудом, но самостоятельно поднялась.

— Она так считает, — пожала плечами служанка.

— А на самом деле?

— А на самом деле я шпионка и у королевы, и у короля, и у Ворона, и у барона Гинбиса. Кто прикажет да страшнее пригрозит, у того я и шпионка. Что я могу? Только крутиться, как ерш на сковородке. Я не маг, не айэ, не демоница. Простой человек. А жить-то хочется и простым.

— Жить хочется всем. И кого из своих хозяев ты сильнее боишься?

— Ворона, — выдохнула Лисси. — Он страшнее. Ему душа и после смерти подвластна.

Я покосилась на служанку.

— Чем он тебя так запугал? И давно?

— Давно, госпожа. И не пугал он вовсе, но... Не знаю, все равно боюсь, как посмотрит такими грозowymi глазами. Это он помог мне когда-то в ваш дом попасть прислугой. И это я ему доложила, что у вас на шее амулет появился, который вы ни днем, ни ночью не снимали, под сорочкой прятали. В мешочке запечатанном. Только на печати-то — лилия королевы-матери. А уж когда ваш батюшка приказал вам за короля выйти,

вы скандал устроили... Батюшка-то ваш тот еще деспот был. Черный маг. Грозился вам родовую силу своей волей замкнуть, если не послушаетесь. А он давно уже свыкся с мечтой, что в семью королевскую хоть боком, да войдет. Да у вас свой страх был. Королевы вы боялись пуще всего на свете, плакали по ночам, что лучше смерть, чем во дворец к ней попасть, что там вас от нее и король не защитит. Тогда и случилось все, когда ваш отец рассвирепел и начал вашу силу отнимать заклинанием. Как вы кричали от боли! Видно, тогда-то чужая кровь и вскипела в вас, ведьмин амулет не смог удержать. А Ворон позже прилетел, но только вас и успел вытащить из пламени.

Звучит правдоподобно. Вот только...

— Откуда ты это все знаешь, Лисси? Там же не осталось свидетелей, никто не выжил.

— Так я видела, когда в вас сущность айэ проснулась и вы в дракона огнедышащего превратились, да и убили всех. Сожгли. А потом сами испугались и сознания лишились. И тоже сгорели бы, кабы не лорд Дэйтар. Я и позвала его в ту ночь.

Онемев, я молча взидала на служанку. Ее спокойствие поражало. Нет, не спокойствие. Тупая обреченность, когда уже все равно. Что воля, что неволя. Что королевская, что некромантская. Интересно, по чьей воле она спала с двоюродным братом и первым опекуном Тиррины?

— Как ты могла это видеть, Лисси, и выжить?!

— Я не там была, батюшка ваш в тот раз в городе меня оставил, платья ваши новые велел от швеи забрать. А мне королева накануне двойное зеркало дала, велела наблюдать за вами денно и ночью. Одну половину зеркала вы с собой увезли в родовое поместье, а вторая у меня осталась. Вот я и видела все. Только сказать никому не могла, кроме королевы. И Ворона. Он-то о зеркале знал. Он все знал. О вас и королеве. И о ее кознях.

Это хорошо, что Дэйтар знал. Меньше рассказывать.

— А ты как думаешь, Лисси, если разрушить врата в Нижний мир, это спасет нас от демонов?

— Я простая служанка, госпожа, что я могу знать? — Она пожала плечами. — Только сдается мне, если ворот на месте не будет, то любой сможет туда-сюда ходить, без всякой преграды.

То-то и оно. Королева не производила впечатления глупой женщины, значит, ее план гораздо хитрее. А чтобы помешать ей, нужно знать, что она задумала на самом деле. Или положиться на чистое везение, которого у меня пока совсем немного в этом мире.

Глава 8

СОВЕТ ОКА

Я уже засыпала, но меня мучила мысленная заноза, не дающая мне покоя: если все так, как рассказала Лисси, то почему в драконьем пламени не сгорело зеркало-транслятор, через которое она будто бы наблюдала?

И второе. Как и почему моя душа оказалась в теле Тиррины?

Тут не могло обойтись без демонов. Только Нижний мир — общий для всех миров, если верить магам и ученым Айэры. Нижний мир — центр мировой сферы, на поверхности которой рождаются и умирают мириады Вселенных Верхнего мира.

Моя душа никак не могла миновать территорию демонов в перемещении между мирами. Не по Верхним же мирам она перелетела, это невозможно: прошла бы вечность, даже если наша Вселенная и вселенная Айэры расположены рядом.

А я переместилась почти мгновенно. И заняла бессознательное, обгоревшее, но еще живое тело.

Нет, все мое чутье, развившееся за три года жизни бездаря среди магов, говорило мне, что без демонов не обошлось. Но в рассказе служанки для них не нашлось места.

Кому ты служишь на самом деле, тройной агент Лисси?

Ворон ей не доверял.

Каждый раз, когда он приходил, он кивком головы указывал камеристке на дверь, и Лисси безропотно исчезала. И некромант сразу разбрасывал магический невод, вылавливающий посторонние заклинания, и блокировал «улов».

Это стало уже ритуалом.

В первое же мое утро в королевском дворце он пришел перед завтраком на правах жениха, выгнал Лисси и брезгливо взял двумя пальцами ожерелье, подарок короля.

— Оно тебе очень дорого, моя таинэ?

— Безумно.

Ворон окутал сверкающее чудо облачком тьмы и убрал в карман.

— Мой таир, весь комплект понадобится для демонстрации моего доверия и признательности его величеству, — попыталась я его вразумить.

— Тогда придется над ним тщательнее поработать. Портал, ментальный щит и возможность экстренной связи оставлю. А вот маячок и непрерывный передатчик перенастрою так, чтобы никто ничего не заподозрил. К ужину верну. Не возражаешь?

— Нет.

— А твои фамильные ценности тебе жизненно необходимы, графиня Барренс? — Некромант потянул бриллиантовую нитку из моего ларца.

— Ты же знаешь, это не мои фамильные ценности, но будет выглядеть странным, если я вдруг перестану их носить.

— Ну почему странным? Теперь ты можешь носить мои родовые артефакты. К тому же это ускорит адаптацию наших магий.

И Дэйтар жестом волшебника — собственно, он волшебник и есть — достал из другого кармана черную атласную коробочку, похожую на гробик. В ней на черной же бархатной подушечке лежало серебряное кольцо с очаровательным черепом на подвеске, а также браслетная пара готического вида с острыми камнями-вставками и сережки, похожие на факелы с черным пламенем. К такому набору нужно бальное платье из кожи. И плетка вместо веера.

— Не нравится? — сощурились серые глаза.

— Нет. Это больше подходит для королевы Риаты.

Дэйтар на миг замер, а затем с тревогой спросил:

— Когда ты успела с ней увидеться?

— Она приходила вчера.

Некромант нахмурился и через миг метнулся к порогу двери, ведущей в мои покои, провел по нему пальцами и брезгливо стряхнул серую пыль.

— Моя охранка уничтожена. Да так, что я даже не почувствовал. Плохо. Она стала сильнее.

— Какая у нее магия?

— Риата — белая ведьма из рода Нимирея, или Белой Цапли, одна из лучших учениц пансиона при храме Светлых Небес. У них свои тайны, недоступные даже Школе Ока. К примеру, она не менталист, но владеет небесной харизмой, умеющей подчинять. Она не эмпат, но умеет внушать безоглядную любовь, вплоть до обожествления. Сейчас она — главная попечительница пансиона для девиц, в основном аристократок. Надо ли говорить, что все они — белые ведьмы, боготворящие королеву? Ее тайная армия.

— Почему она хочет убить тебя? Почему натравливала Тиррину на убийство и разрушение Ориар-Дерта? Чем ты ей так мешаешь?

Дэйтар, положив футляр с украшениями на столик, отошел к окну и

встал, заложив руки за спину. Голос его звучал глухо:

— Ты ведь не успокоишься, таинэ?

— Нет. Я должна понимать, во что втянута.

— Это долгий разговор, а нам нельзя опаздывать на завтрак.

— Хотя бы вкратце.

— Хорошо. Риата объявила сыну, что сможет, убив хранителя врат, обрушить их и замуровать проход между мирами так, чтобы его невозможно было открыть ни в какую сторону.

— А это возможно?

— Теоретически — да. Она демонстрирует благие намерения — обезопасить королевство и весь мир Айэры от физического вторжения Нижнего мира.

— Но какой смысл, если любой черный маг может вызвать демона?

— Не любой. Для этого нужно обладать очень большой силой и знаниями, иначе глупец погибнет, не успев дочитать заклинание. А единичные прорывы можно отследить и быстро ликвидировать, чем и занимается мое тайное ведомство Черного Ока на пару с орденом Темных Небес. Темнорясники отслеживают ментальные прорывы, проще говоря, одержимость. При тотальной религиозности Риртона и обрядности, проникшей во все сферы жизни, они контролируют почти все население. Я же устраняю физические проникновения и отлавливаю черных магов-недоучек, возомнивших себя повелителями тьмы и демонов.

— Понятно. Получается, с мелочью могут справиться и без тебя темнорясники, а врата Ориар-Дерта — самая главная угроза для Айэры и прежде всего королевства Риртон? То есть твоя смерть — благо для мира, а королева Риата просто патриотка и самая решительная королева за последнее тысячелетие?

— На первый взгляд — так, — печально улыбнулся некромант. — Но королева не учитывает, что у крышки, накрывающей кипящий котел, должен быть клапан, иначе котел взорвется и разнесет все вокруг. Ориар-Дерт — не просто крепость между мирами. Это — клапан, предохраняющий миры от взрыва. Если уничтожить крепость со спрятанным в ней сердцем Лаори-Эрля, некому будет защищать Верхний мир от ментальных атак. Одержимость станет массовой. А расшатав ментальные слои, демоны примутся за физические. И прорывы станут повсеместными. Темный орден и черные маги просто не справятся, их сметут.

— Королева не показалась мне глупой. Неужели она это не понимает?

— Ярость и жажда утраченной власти ослепляет, моя таинэ. Риата

мечтает о единовластии белой магии. Она надеется, что потрясения уничтожат храм Темных Небес и всех темнорясников заодно с черными магами, и во всем мире Айэры останется только один безукоризненно белый храм Светлых Небес, и она — их верховная жрица. Любая власть стремится расширяться до бесконечности. Но не все понимают, что в этом ее конец. Идемте, миледи, нельзя заставлять короля ждать.

Я приняла его руку, и мы направились в королевскую трапезную.

— Артан знает о планах матери? — продолжала я расспрашивать Ворона.

— Конечно. И не поддерживает их. Поэтому отсек Риате почти все рычаги влияния. Еще бы пансион у нее отнять и вырвать белой кобре клыки. Но всему свое время. Кстати, ваша новая компаньонка как раз выпускница пансиона Белой Цапли под патронажем королевы-матери. Говорят, леди Наисса устранила своего мужа по приказу ее величества. Несчастный отказался продать по дешевке заливные луга, граничившие с пансионом. Луга сменили хозяина через месяц после его смерти от разрыва сердца.

— Мало ли отчего это могло произойти! Почему же обвиняют леди Наиссу?

— Бедняжка сама призналась на допросе. Сейчас она прошла процедуру покаяния и беззаветно служит королю в обмен на помилование. Не так ли, леди Наисса? — внезапно развернулся он на каблуках.

Бледная как смерть молодая женщина, как оказалось, неслышно вынырнула из-за поворота коридора и стояла поодаль, не решаясь приблизиться. Губы ее дрожали, а большие карие глаза были полны слез.

— Да, милорд, — прошептала она.

— Леди Наисса — неглупая женщина, — не глядя на нее, усмехнулся Ворон, — но эмоционально неустойчивая и потому ненадежная. Будьте с ней осторожны, таинэ.

По бледной щеке несчастной покатилась слеза. Я бросила гневный взгляд на Ворона, но тот натянул на себя непроницаемую надменную маску.

— Зачем вы так, граф Ориар? Это не по-рыцарски!

Конечно, в языке риртонцев был другой термин, обозначающий «благородного воина, защитника слабых», и мой язык произносил слово «рирт», от которого, кстати, и образовано название королевства Риртон, но память упорно подставляла земное слово.

— Затем, моя леди, что я недоволен назначением мужеубийцы в ваши компаньонки. И не только мне видится в этом насмешка короля надо мной. И вы не отказались!

Мертвенная бледность Наиссы сменилась пунцовым цветом на щеках.

— Кто бы посмел отказаться? — возмутилась я и, подойдя к компаньонке, взяла маленькую вдову за руку. — Не бойтесь, леди Наисса, я не дам вас в обиду. Лорд Орияр немедленно попросит у вас прощения, иначе он будет виноват не только перед вами, но и передо мной.

Ворон лишь злобно фыркнул. Боже, мне никогда не понять этого мужчину! Что на него нашло? Хотя... Да, король ясно дал понять этим назначением, что осведомлен о планах королевы. Наисса была предупреждением, а не насмешкой. И прежде всего предупреждением для матери-королевы. Гнев графа Орияра можно понять, но я не могла его принять.

— Милорд, — процедила я, — вы могли возразить вчера королю, но вы промолчали. А теперь... Вы всегда отыгрываетесь на слабых и зависимых от вас женщинах?

— Моя тайнэ, леди Наисса — не слабая женщина, если смогла угробить своего мужа. Я просто предупреждаю вас быть с ней осторожной. А вашу компаньонку прошу хорошенько подумать, прежде чем она решится причинить вам зло.

— Ваши сиятельства! — Обессиленная женщина споткнулась и почти упала на банкетку, вовремя подвернувшуюся ей под ноги. — Прошу вас! Лорд Орияр, не делайте из меня чудовище!

— Какое вам дали задание? — навис над дамой злобный Ворон. — Вчера вы упали в обморок, как только я начал ваш допрос. Но сегодня не вздумайте повторить уловку. Отвечайте!

— Как обычно, докладывать о гостях леди Тиррины и об ее разговорах.

— И только? Что вам велели подложить в ее покои?

— Н-ничего...

— Не вынуждайте меня прибегнуть к ментальной магии, леди. Думаю, вы слышаны о моих методах. Мы рискуем опоздать на завтрак!

— Ничего особенного мне не велели, милорд. — Наисса вся тряслась от ужаса. — Все как всегда. Подслушивающий амулет и...

— И что еще? — поторопил ее некромант.

— И легкое приворотное зелье в питье. Которое расположило бы вашу невесту... к сотрудничеству.

— Дайте! — Дэйтар требовательно протянул руку.

Женщина стащила с пальца и положила на его раскрытую ладонь перстень с крупным непрозрачным камнем в оправе. Некромант провел над ним левой рукой — раздалось змеиное шипение и повалил белый вонючий

дым. Мы с компаньонкой дружно раскрыли веера, отгоняя отраву.

А Ворон, повертел в пальцах обезвреженный перстень и протянул его Наиссе.

— Теперь можете надеть, иначе кое-кто заметит его отсутствие. Пусть ваш покровитель считает, что вы уже использовали зелье.

— Я не смогу ему солгать.

— И не требуется. Он маг, и он не сможет не заметить изменившуюся ауру камня. За вас солжет перстень.

— Но если он спросит о деталях?

— Его никогда не интересовали такие мелочи. Главное, чтобы он видел результат. — И некромант, отвернувшись от раздавленной и деморализованной королевской шпионки, вперил в меня грозные очи. — Вам ведь нравится наш король, таинэ?

— Безусловно, — с ехидцей улыбнулась я, поняв с полупамека, что от меня требуется. — Короля нельзя не любить. Это долг каждого подданного.

Серые глаза удивительным образом потеплели, словно сквозь дождливую хмарь прорвались яркие солнечные лучи.

Дрожавшая Наисса с обреченным видом надела перстень на палец и сморщилась так, словно он ее укусил.

— Не бойтесь, виконтесса, — смиловился Дэйтар. — Никто ничего не узнает о сегодняшнем происшествии. Если вы заметили, в такое оживленное время ни одна живая душа не заглянула в этот коридор. Вы по-прежнему будете нести службу при моей невесте. Но у меня к вам предложение. Видите ли, я знаю, что вы не убивали вашего мужа, но добровольно взяли на себя чужую вину. И я смогу обелить ваше доброе имя в глазах всего света, леди Наисса.

Кровь опять отхлынула от лица женщины, в глазах вспыхнула безумная надежда, но тут же погасла. Она отрицательно качнула головой и потупилась.

— Милорд, я благодарна вам. Но не стоит. Никто не поверит.

— Но ведь король поверил в вашу невиновность?

— Да, но... — замялась она.

— Разумеется, иначе он казнил бы вас за покушение на его привилегию казнить и миловать. Но он предпочел держать вас на крючке.

— Зато я жива, — отвернулась несчастная.

— Надолго ли? Вы — живой свидетель чужого преступления. За вашу жизнь и разум я гроша ломаного не дам.

— Что же мне делать? — прошептала окончательно раздавленная женщина.

Ворон задумчиво покрутил на пальце одно из многочисленных колец-оберегов. Снял его и протянул даме.

— Пока носите вот этот амулет, не снимая. Знающие поймут, что вы под моим покровительством. А там видно будет. Если вы решитесь дать показания против настоящей убийцы, я спрячу вас так, что никто не достанет, и вам никто не сможет угрожать до самой вашей старости. Вы сможете начать новую счастливую жизнь. Ведь вам всего двадцать лет?

— Двадцать один исполнится через месяц.

— Как мы вовремя познакомились поближе. Ваша окончательная инициация совсем скоро, мы успеем подготовиться.

Неожиданно дама сползла с банкетки и как простолюдinka бросилась перед некромантом на колени, пытаясь поймать и поцеловать его руку.

— Я буду до конца дней благодарна вам, милорд!

— Не мне. Моей тайнэ. Только ради нее я готов помочь вам.

Я усмехнулась. Ну и ради показаний против настоящей убийцы, до которой иначе не добраться. Имени преступницы никто не называл, но догадаться совсем не трудно.

Вот вам и «королева не может быть чудовищем». Артан явно покрывал свою преступную мать. Что ж, не мне его осуждать. Мой родной отец тоже закрывал глаза на похождения моей биологической мамы, только отправил ее подальше за границу.

За завтраком, к моему удивлению, не было ни короля, ни королевы. Последнее понятно: Риата демонстрировала гнев на сына за приглашение Ворона во дворец. А чем был занят король? Дэйтар определенно нервничал, поглядывая на пустующие кресла.

А после трапезы жених сопровождал меня в зал Совета Ока, где и обнаружился Артан Седьмой в окружении десятка магов. Все верно: кто еще засвидетельствует мою правдивость, как не живой полиграф, король-которому-не-лгут?

Ворон, обменявшись поклонами с магами, занял высокий черный стул за овальным столом. В навершии кожаной спинки был вырезан глаз с лучами, почти как у наших иллюминатов, а вместо радужки вставлен крупный черный камень.

Король сидел напротив в белом кресле, инкрустированном белым камнем с эффектом «кошачьего глаза». У остальных магов камни отливали яркими цветами радуги от красного до фиолетового. Вместе их было ровно двенадцать, но расположились они не как цветные карандаши в коробке, а хаотично на первый взгляд. Магистр Нейсон занял кресло с фиолетовым

оком, рыжий Грентар — с оранжевым, а долговязый и крючконосый Махен, как ни странно, с синим. Остальных магов я видела впервые.

— Вы готовы, леди Тиррина? — спросил король.

— Да.

Простое деревянное кресло для меня поставили между белым королевским и желтым Оком. Желтым оказался совсем молодой маг с взъерошенной пшеничной шевелюрой, и он мне задорно подмигнул.

Допрос длился не очень долго, но я ощущала, как меня непрерывно касались невидимые нити, пытаюсь проникнуть под кожу или ввинтиться в череп. Маги не церемонились, проверяя мои щиты на прочность.

— Опустите щиты, леди, — проворчал Махен.

— Не умею, — призналась я.

У меня поинтересовались, когда я обнаружила в себе ментальный дар.

— Простите, но я до сих пор его не обнаружила, — покаялась я.

— Невероятно! — воскликнул желтый маг. Ювелир-артефактор Лиор, как выяснилось, когда он обследовал мои амулеты, подаренные Вороном. Лиору подчинялись драгоценные металлы и минералы.

После часового допроса меня признали психически здоровой, имеющей собственную волю и не представляющей угрозы трону. Низкий им поклон.

Магию айэ во мне не нашли, зато утвердились в убеждении, что за щитом я скрываю сильный ментальный дар, и меня необходимо круглосуточно обучать, желательно в Школе Ока. Ректор (так я перевела довольно сложное название этой должности, Главный Блюститель Раскрывающих Око) — архимагистр Махен уже потирал лапки, когда его обломали и король и Ворон.

— Моя невеста должна быть рядом со мной, магистр Махен, — мертвенно бесстрастным тоном заявил некромант. — А ваше учебное заведение я уже давно окончил.

— Для нас важнее не еще один менталист, а консумированный брак графа Орияра, — веско произнес Артан Седьмой.

— Жаль, жаль, такие перспективы... — пробормотал горбоносый, хищно на меня поглядывая маленькими черными глазками.

— Может, у меня за этим непонятным щитом — полная пустота, — предположила я. А про себя подумала: или это просто свойство моей чужеродности.

Но мой иномирный секрет и после такого «обследования» остался известным только двоим из Совета Ока — королю и Ворону, и они не собирались его раскрывать.

Под конец совещания король переключился на моего жениха, требуя отчета о расследовании по нападению на нашу карету. Но Ворон только руками развел: мол, слишком мало времени ему дали на поимку злоумышленников.

Напрасно я надеялась, что на этом мои мучения закончатся. Король распустил Совет, но оставил меня и Ворона. Точнее, некромант сам остался, даже бровью не повел в ответ на раздраженный взгляд государя.

Артан задумчиво побарабанил длинными изящными пальцами по столу.

— Что ж, Дэйтар, — нахмурил он светлые брови, — раз ты намерен так строго блюсти этикет, будь любезен, поставь полог тишины.

Я с любопытством проследила за манипуляциями некроманта. Он не стал эффектно трясти руками и декламировать глубоким красивым голосом малопонятные заклинания. Протянув руку, Ворон нажал на несколько драгоценных камней на своем широком браслете, больше похожем на стильный дистанционный пульт, чем на украшение.

От браслета веером разлетелись бриллиантовые блики, и отделилось серебристое облачко тончайшей пыли, осев на двенадцати стрельчатых окнах и высоких резных дверях.

— Вы видите заклинания, леди? — Король внимательно наблюдал за моим лицом.

Признаваться почему-то не хотелось.

— Я люблюсь сиянием драгоценностей, — безмятежно улыбнулась я. — Это всегда так завораживает.

Половина правды — это ведь не ложь?

— Женщины одинаковы во всех мирах! — Король вернул мне улыбку.

— У нас даже песня есть: бриллианты — лучшие друзья девушек.

— Вот о вашем мире я и хотел бы узнать подробнее, леди Тамара.

Словно невзначай, рассеянным жестом Артан повернул кольцо на своем пальце, а затем коснулся желтой сверкающей серьги в ухе. Камень в ней был не черным, как у некромантов, а золотистым, но в его глубине пробежали неяркие искорки, как при активации амулета. Интересные у них тут диктофоны.

— Спрашивайте, сир. Я не знаю, с чего начать.

Судя по заинтересованному блеску в серых глазах некроманта, мой жених тоже настроился на откровения.

— География и климат нас пока не интересуют, — начал король. — Понятно, что естественная среда приближена к нашим условиям обитания, иначе вы не смогли бы так легко приспособиться к новому миру.

Дэйтар снова кашлянул. Где он успел простудиться? В Нижнем мире? Но там, наоборот, было жарковато...

— Не забывай, Артан, у леди Тамары другое тело, как раз приспособленное к нашему миру. И у нее было три года для адаптации.

— Наши миры действительно во многом очень похожи... — начала я рассказ.

Я давно приготовилась к этому допросу и выработала единственную, как мне казалось, верную тактику. Никакого профессора я изображать не буду и ни о каких технологиях нашего мира, отличных от мира Айэры, особенно о вооружениях, рассказывать не стану. Иначе король никогда не выпустит меня из своих лап, пока он и его менталисты не выжмут мою память досуха.

Да и что я, филолог, знаю о технологиях? Почти ничего. Лингвистика — совершенно бесполезная для прогрессорства наука. Хотя есть же у нас технологии нейро-лингвистического программирования. Но отец говорил, чтобы я в ту степь даже не совалась: это оружие необратимо изменяет сознание в обе стороны. Достаточно посмотреть на политиков, которые прибегают к приемам НЛП — в них почти не остается человеческого. Мыслящие машины власти.

Потому для рассказа я выбрала период нашей истории, отстоящий весьма далеко от моего двадцать первого века. Я представила себя дочерью знатного купца из вольного Новгорода периода Новгородского веча. Тем более что мой отец с матерью действительно родом из тех древних краев, а папин бизнес легко можно назвать купеческим.

Я балансировала на самом краю правды и лжи, ни на миг не забывая, что имею дело с живым полиграфом.

Никаких ядерных бомб и даже пороха, только мечи да луки со стрелами. Никаких самолетов, только телеги да сказочные ковры-самолеты, добытые у волшебного народа. Никаких телевизоров и мобильных, только волшебное яблочко на блюдечке. Утраченные технологии древности, конечно. Ушли волшебные существа вместе со своими секретами. Откуда я знаю, почему ушли?

Я уже охрипла, отвечая на каверзные вопросы. Глаза двух высших магов сияли от любопытства, как звезды, золотые и серебряные. Хотя в золотых с каждой минутой все больше появлялось разочарования.

Наконец, король сжалился:

— Хватит на сегодня, леди. Жаль, что у вас такой отсталый мир, да еще и без магии. Ничего нового я для себя пока не открыл, хотя ковры-самолеты — это перспективно. Значит, вы никаких подробностей их

изготовления не знаете?

— Не знаю. Я не волшебница, увы.

— Но если у вас нет магии, как вы пользуетесь волшебными вещами?

— Есть справочники и инструкции к ним. Это как ваши артефакты: необязательно быть магом, чтобы нажать на кнопку.

— Мы еще поговорим о вашем мироустройстве, но я уже понял, что толку от вас будет немного. Что ж, друг мой, — повернулся он к Ворону, — похоже, ваше пребывание во дворце действительно будет не таким долгим, как я надеялся.

Ура! Победа!

Но я ничем не выдала своей радости, сосредоточившись на разглядывании шипастого браслета на своей руке. Показалось или нет, что во время моего рассказа он едва уловимо вибрировал? Что за странный эффект?

Провожая меня в покои, Дэйтар был странно задумчив.

— Что-то не так? — не выдержала я.

Он покосился на мою дуэнью, не отходившую ни на шаг с тех пор, как мы вышли из дверей Совета.

— Леди Наисса, оставьте нас на минутку.

Молодая женщина поклонилась и отошла подальше, но глаз с нас не спускала. Работа есть работа. Ворон склонился к самому уху и шепнул:

— Мне кажется, мэйс Тайра Вирт не совсем покинула вас, моя тайнэ.

Я ошеломленно хлопнула ресницами:

— Что? Это как?

— Ваш ментальный рисунок иногда раздваивается, словно откликается эхо. Не пугайтесь, пока ничего страшного не происходит. Это выглядит как дополнительная защита, оставленная вам в подарок. Например, от неудобных вопросов.

— Но это же хорошо?

Ворон отрицательно покачал головой:

— Любое ментальное вмешательство — плохо. Я понаблюдаю. Мне кажется, подарок как-то на вас влияет. Ваш характер изменился. Вы потеряли ту жизнерадостность, которая мне так нравилась. С этим нужно что-то делать.

Я почувствовала, как вспыхнули мои щеки.

— Милорд, я не могу веселиться там, где чувствую себя, как раздавленный таракан под стеклянным колпаком!

И ушла, хлопнув дверью. Характер ему мой разонравился, видите ли! Мне его деспотический характер вообще никогда не нравился, но я же не

высказываю претензий? Нам недолго придется терпеть друг друга, переживет!

Глава 9

ВТОРОЕ ПАДЕНИЕ

Допросы продолжались каждое утро.

День отводился сверхскоростному обучению самым азам ментальной магии, пока только защитной и целительской. Да-да, на Айэре считалось, что все болезни — от дурных мыслей, зависти и ментальных атак, или, по-русски, сглаза.

Еще я слушала краткие лекции по истории и структуре магии, о различии «животной» магии айэ и «разумной» человеческой, о причинах взаимной ненависти.

Все как всегда: две разумные расы не поделили мир.

Айэ считали, что они и есть мир, что грубая, изначально чужеродная магия людей убивает природу Айэры и ломает ее естественную энергетическую структуру, потому мир погибнет или непоправимо изменится.

Люди считали, что айэ — магические паразиты, что они питаются магией мира, а человеческую пьют, как лесорубы — виски. Там, где поселяются айэ, люди чаще сходят с ума, их магия приобретает темный и разрушительный характер, прежде всего для самих магов. А иногда сила вырывается из-под контроля и становится проклятием для людей.

Что-то в этом было, если вспомнить историю гибели семьи Тиррины Барренс, купившей в столице дом в придачу с древней старухой, оказавшейся одной из шестнадцати правящих айэни, королевой Зим. После переселения в особняк все леди и лорды Барренс рождались черными магами. И с каждым поколением их магия усиливалась, а характеры портились, пока изменения не достигли апогея в мрачной и стервозной личности Тиррины.

Но все это было мне уже знакомо из книг графской библиотеки и дневников самой Тиррины, а вот практическая магия приводила меня в восторг.

Дэйтар и Нейсон почти непрерывно обучали меня концентрации, укреплению моего ментального щита и даже легким атакам.

И во время этих занятий мы подружились с Нейсоном, что было неизбежно, ведь обучение менталистике требует полного доверия и искренности между учеником и учителем. По этой же причине мы

незаметно сблизилась с моим женихом. Более того, беседы с остроумным и просто умным Вороном стали для меня глотком свежей воды посреди болота. Я просыпалась в предвкушении и засыпала с улыбкой, зная, что завтрашний день раскроет мне еще одну тайну и еще одну грань необъятной вселенной по имени Дэйтар Орияр.

— Чистота помыслов — это идеальное зеркало для любого человека, не только для мага, — говорил мне мой жених. — Ментальный щит мага идеален, пока его душа не преисполнена алчностью, гневом, завистью. До тех пор ты не позволяешь чужим атакам даже коснуться твоей души. Как только ты впускаешь в себя зависть, гнев и прочий негатив, твоя душа становится беззащитна перед всеми пороками мира, не говоря уже о целенаправленных атаках. Это как трещина в плотине. Достаточно самой малой слабину, чтобы напор внешнего мира сокрушил плотину и подмял твою личность. Рано или поздно.

Из этого я делала вполне логичный вывод, что мой сероглазый лорд к своим двадцати четырем годам умудрился не заразиться алчностью, гневом и завистью. Что его помыслы чисты.

— Но разве нельзя прикрыть щитом дурные помыслы? — спрашивала я у наставника Нейсона.

— Можно, но это как листом бумаги закрываться от ливня. Любой, даже слабый менталист в два счета скovyрнет такую преграду. Мы ее даже не заметим. Конечно, если нет амулета, созданного еще более сильным менталистом. Найти такой амулет непросто. Наш дар очень редок в мире.

Да я — избранная! — фыркнула я про себя. Вот только толку от моего будто бы дара никакого. Единственное, что само собой получалось — создавать и держать щит. Причем я понятия не имела, как я его создаю. И как, собственно говоря, держу. Сначала я его даже не ощущала, пришлось поверить на слово менталистам, единодушно утверждавшим, что мой щит великолепен.

Мое достижение за неделю усиленных занятий — я научилась укреплять защиту в случае атаки и даже превращать щит в «ментальное зеркало», то есть отражать силу атакующего. Мантры заклинаний впечатались в память так же легко, как узоры порталных арок. Нейсон был в восторге от скорости обучения.

Но увы, менталист — не только тот, кто защищается, но и тот, кто нападает. А вот с атаками в силу врожденного человеколюбия было куда хуже. Дело сдвинулось, когда на месте наставника я начала представлять врага, переместившего мою душу из тела в тело, с Земли на Айэру — синенького рогатого демона. Потому что никто, кроме демонов, такой

фокус с душами провернуть не способен.

Ментальная магия не была эффектной, ее нельзя увидеть или потрогать, можно только осознать. Но однажды я увидела, как Дэйтар ошестинился тончайшими полупрозрачными, словно ледяной ежик, иглами. В тот момент он как раз показывал мне приемы ментальной атаки. Иглы отделились и рванули ко мне, как притянутые магнитом, но упали, не долетев полметра, и растаяли. А Дэйтар прокомментировал:

— Мысли убивают, таинэ. Это такое же оружие, как меч или магический огонь. Только оно неосязуемо. Оно может быть направлено как наружу, на врага, так и внутрь себя. Самоубийцы — жертвы собственных ментальных атак. Но не всегда саморазрушение заходит так далеко, иногда оно превращается в самоистязание. Постарайтесь, чтобы ваши мысли не мешали вам жить.

Интересно, какие мысли разрушали его жизнь? Очень уж со знанием дела он говорил.

Магистр Нейсон был весьма доволен моими успехами, а я радовалась тому, что три года после катастрофы не предавалась унынию, зализывая раны на чужом теле, а изучала все записи Тиррины, до которых могла дотянуться. Читала, даже если ничего не понимала в магической абракадабре, надеясь, что моя профессиональная память сохранит знания до того момента, когда они пригодятся.

Пригодились.

Даже мои способности видеть магические узоры я развивала втайне от учителей. Ментальная магия для меня не была невидимой. Я начала воспринимать ее как полупрозрачные потоки, похожие на струи горячего воздуха над костром.

Вечерами двор развлекался. Король устраивал балы, концерты придворных певцов, магические представления и состязания вместо рыцарских турниров.

На балах я не танцевала. Ссылалась на то, что умение танцевать исчезло вместе с магическим даром.

На самом деле слащавая музыка вгоняла меня в сон или настораживала откровенным использованием приемов ментальной магии — расслабляющих или даже одуряющих, судя по блаженным улыбкам на физиономиях слушателей.

Эти концерты мой наставник умудрялся превращать в практические задания: различить воздействие и нейтрализовать.

— Неужели маги не чувствуют, что подвергаются ментальной обработке? — поражалась я.

— И чувствуют, и знают, и позволяют себе получать наслаждение игрой мастеров, — улыбался Нейсон. — Вы еще не обученный маг и не можете ощущать, что на самом деле мы видим и слышим на этих концертах, леди. Поверьте, когда вы научитесь вкушать магическую музыку как изысканное вино, ловить малейшие нюансы и использовать их для собственных ментальных узоров, вы удивитесь, как могли жить раньше, не ведая о таком наслаждении.

— Что ж, поверю на слово.

А вот зрелищные магические представления и битвы местных экстрасенсов я наблюдала из ложи с удовольствием, но описывать их такое же неблагоприятное занятие, как описывать неслышимую ментальную музыку.

Каждый день я получала подарки от высочайшей семьи, игравшей роль опекунов. Мой гардероб пополнился огромным количеством платьев, а шкатулка ломилась от драгоценностей. Дэйтар устал блокировать на них хитрые отслеживающие заклинания, но король не унывал, и его маги навешивали следилки на самые неожиданные предметы, от веера до кружев и пуговиц на платьях. Мне кажется, у них это стало негласным соревнованием.

Королева больше не появлялась, даже на вечерних развлечениях, и это жутко настораживало.

Ворон не отходил ни на шаг, но наше общение проходило под взглядами нескольких пар глаз. А если мой таир отходил, тут же нарисовывался магистр Нейсон, мой магический наставник, или перевербованная компаньонка Наисса.

Мы ни разу не остались наедине с моим женихом. Никаких объятий и тем более поцелуев. Сплошная романтика совместных прогулок рука об руку по коридорам дворца или аллеям парка, тайные рукопожатия и вздохи.

Но в этом был свой плюс: я замечала, что блуждающий взгляд сероглазого некроманта все чаще останавливается на моих губах, а его ладонь, случайно оказавшись на моей талии, становится обжигающе горячей.

Через неделю пыток светской жизнью я не выдержала:

— Когда король уже отпустит нас, мой таир?

Мы прогуливались по вечернему саду, подсвеченному разноцветными огнями. Мое пышное голубое платье то и дело вспыхивало наведенными узорами, а на плечи и волосы, забранные в высокую, обнажавшую шею прическу, садились иллюзорные бабочки. Вообще-то красиво, но уже дико

надоело.

Позади нашей пары на расстоянии пяти шагов о чем-то оживленно спорили Наисса с Нейсоном, и старый менталист был настолько увлечен, что казался помолодевшим лет на двадцать.

— Думаю, король отпустит нас, как только убедится в моей лояльности, — ответил мой жених и жестом предложил мне присесть на ажурную скамью, стоявшую в своеобразном эркере — углублении в красиво подстриженной стене кустарника. Наши сопровождающие пристроились на другой скамье в пределах видимости, но уже не обращали на нас никакого внимания, захваченные бурной дискуссией.

— А разве у короля есть основания для сомнений? — удивилась я. Впрочем, король сам высказывал мне сомнения в своем бывшем друге, но ситуация оказалась еще хуже.

— Думаю, да. — Дэйтар, взяв меня за руку, осторожно провел пальцем по украшавшему запястье шипастому браслету. И я вздрогнула, когда его палец соскользнул на обнаженную кожу между перчаткой и рукавом и, невесомо касаясь, начал вырисовывать какой-то знак.

— Почему?

— Потому, моя леди, что мы так и не нашли нападавших на нашу карету в день поименования. Ни единого следа. Более того, маги, исследовавшие место происшествия, утверждают, что портал был открыт изнутри кареты. А это мог сделать только я.

— Но зачем тебе?

— Чтобы избавиться от невесты, инсценировав нападение демонов.

— Но ты же... — Я онемела, с ужасом уставившись на непроницаемое лицо некроманта. В полумраке могло показаться, но я отчетливо увидела усталые круги, залегшие под глазами.

— И теперь меня опять обвиняют в том, что я специально избавился от предыдущих трех невест, — продолжал он. — Уже не только королева, но и король считает, что я под контролем демонов и не отдаю отчета в своих действиях.

— Но это же не так!

— Почему? — усмехнулся он и отпустил мою ладонь. Сразу стало зябко.

— Потому что... — Я хотела сказать какой-то бред, вроде «сердце подсказывает», но вовремя опомнилась. — Потому что у тебя была возможность избавиться от меня там, в Нижнем мире, никто бы никогда не узнал, если бы ты меня там оставил. Но ты этого не сделал!

— Это не доказательство, таинэ. Факт в том, что портал был открыт

изнутри. Но я точно знаю, что я этого не делал.

У меня заледенели руки. Не может же он подозревать меня в чудовищном деянии! Я же не маг! Почувствовав мое недоумение, некромант успокоил:

— А ты тем более не могла, Тома.

— А если это что-то вроде бомбы с часовым механизмом? Какой-нибудь порталный амулет отложенного действия, и его нам заранее подбросили?

— Амулет отложенного действия? — пробормотал Ворон.

— Именно. Как ваше родовое проклятие, которое должно исполниться при определенных условиях... если оно существует. Разве у вас нет таких амулетов, которые можно запрограммировать, то есть настроить на какой-то срок?

— Есть такие заклинания, но к порталам их невозможно применить. Портал открывается только при сознательном воздействии на материю мира. То есть без желания мага его не открыть. А магу в карете спрятаться было негде.

— А айэ? — не сдавалась я. — Эти существа могут спрятаться где угодно. Могли они подействовать?

— Этот вариант тоже проверяли. Следов айэ не нашли.

Я задумалась. Плохо. Не хочу я торчать во дворце до самой осени, пока Дэйтару не исполнится двадцать пять и риск его превращения в древнего демона минует. Если наш брак состоится, конечно.

Нет, тут красиво, кормят как на убой, одевают, обучают, развлекают. Но... мышеловка слишком хороша. Страшно подумать, как придется расплачиваться.

И где-то в глубинах дворца притаилась паучиха-королева.

— Но ведь король вас наверняка лично допрашивал, и ты не мог ему солгать, — нахмурилась я.

Его ладонь снова легла на мое запястье с кожаным браслетом. На мгновение.

— Артан подозревает, что я смог.

Я коснулась пальцем металлического шипа. Вот оно что. Не зря мне показались странности с браслетом. И намек Дэйтара не понять невозможно. А значит, он только что доверил мне одну из своих тайн. И я осторожно дотронулась до точно такого же браслета на его запястье.

— И как нам быть, мой таир?

— Ты доверяешь мне, таинэ?

— Зачем мне выходить замуж за того, кому я не доверяю?

Я подняла голову и утонула в глубоких колодцах его глаз. В сгустившихся сумерках они казались черными безднами. Дэйтар очертил кончиками пальцев овал моего лица, убрал с плеча выпущенный из прически локон.

— Мне жаль, Тома, что мы встретились так поздно. — Его голос стал завораживающе бархатным, вибрирующим, отзывающимся где-то глубоко в сердце сладким эхом. — Если бы не было тех трех девушек... А сейчас я в опале. Я потерял былую власть, и ты никогда не видела и вряд ли увидишь меня во всем блеске моей силы. Здесь, во дворце, я почти узник. Чем дальше я от Ориар-Дерта, тем слабее. И чем дольше я нахожусь вдали от моего замка, тем слабее. Мы связаны. В этом тоже проклятие моего рода.

— Получается, король, удерживая нас здесь, хочет тебя ослабить?

— А чем я слабее, тем меньше у меня сил бороться с искушением. С проклятием Ориаров.

— Значит, оно все-таки есть?

— Это не то, о чем рассказывают в легендах, — уклончиво ответил некромант.

— А если бежать обратно в крепость? — шепотом спросила я и тут же поняла, на какую глупость подбиваю Ворона.

Его просто раздавят между молотом и наковальней, между Верхним миром и Нижним, вместе с замком. Дэйтар предсказуемо отверг эту идею.

— Пока не могу. Хотя бы потому, что мы с тобой еще не прошли второй этап. Для него все равно нужно предстать перед алтарем в храме Небес.

— Но в Ориар-Дерте есть же часовня? — Опять мой язык сработал прежде, чем я осознала последствия моих слов.

— Есть, но она давно заброшена, — улыбнулся мой таир. Протянул мне руку в приглашающем жесте. — Ты готова сражаться вместе со мной с обоими мирами?

Недолго же продлится наш второй этап. Так и до третьего не доживем... И на Землю мне уже не вернуться.

— Если понадобится — хоть со всей Вселенной, — кивнула я и вложила в его широкую ладонь свои пальцы.

Но вместо того чтобы помочь леди подняться, лорд Ориар притянул меня к себе и, пользуясь тем, что наши соглядатаи совсем на нас не смотрели, наконец-то поцеловал.

Именно этот восхитительный момент выбрали королевские маги для фейерверка.

Едва мои губы попали в сладкий плен, а мою талию крепко обняли

сильные руки, как мир озарился мощной вспышкой. А грохот резанул по ушам, заставив меня оторваться и охнуть. От вспышки я едва не ослепла и зажмурила глаза покрепче. Это артобстрел, а не фейерверк!

И тут я почувствовала, что скамья исчезла. От неожиданности я взмахнула руками. Увы, крылья не выросли. Под ногами оказалась бездна, куда я падала с ураганным ветром, молниями и громом. Юбки задрались и закрыли мне лицо, и больше я ничего не видела. Увы, даже парашюта из этого дурацкого платья не вышло.

— Держись, Тома! — кричал где-то Дэйтар.

За что тут держаться? За воздух? Тут даже воздуха не хватало — я задыхалась. Возможно, от ужаса.

Я каждый миг ожидала жуткого удара и мучительной смерти. Но падала и падала, как Алиса в кроличью нору. Очень сырую нору. Одежда быстро намокла, потому что лило со всех сторон.

Сквозь треск молний и гром я слышала какой-то странный звук. Что-то огромное хлопнуло над головой, и тут же я ощутила рывок: Дэйтар исхитрился поймать меня за юбку, на миг задержав мое падение. Материя сразу порвалась, но Ворон успел перехватить меня за руку, потом отпустил и, не успевшая я завизжать от ужаса, ухватил сзади за талию... и меня потащило вверх.

Ветер, сменив направление, откинул остатки юбки с моего лица, и первое, что я увидела — клубящиеся под ногами черные тучи, то и дело озаряющиеся молниями, выступающую далеко впереди, как огромный остров, вершину багровой горы, похожую на разворошенное гнездо, и невероятные, огромные, черные крылья над моей головой.

Крылья Дэйтара Орияра, Черного Ворона, некроманта и моего жениха. Я уже видела их в волшебном свете сердца Лаори-Эрля, обнажающего сущность всех живущих, но тогда на них не играли звездные искры.

На лицо Ворона я боялась смотреть. Вдруг у него зубастый клюв?

Дэйтар тоже молчал — экономил силы. Его руки крепко сцепились в замок на моей талии, а я вцепилась в его руки и мечтала стать пушинкой.

Полет над грозой казался бесконечным, жутким, но прекрасным. Я не заметила, когда мой ужас сменился восторгом. Может быть, в тот момент, когда сквозь сверкающие молниями тучи стали проглядывать феерические ландшафты Нижнего мира.

Дежавю. Только место явно другое, чем виделось в первый раз. Или гора показалась с другого ракурса.

Гора нехотя приближалась. Ее крутые багровые склоны были испещрены прихотливыми и ярко-алыми, как раскаленная лава, узорами.

Может быть, это и была лава, потому что явственно пахнуло жаром.

Ворон не стал подлетать близко к склонам. Нырнув в прореху между тучами, он сложил крылья, камнем упал в грохочущую тьму под хлесткие плети ливня и только у самой каменистой поверхности, видимой под отблесками молний, снова распахнул крыла и плавно опустился, умудрившись аккуратно меня поставить на землю. Точнее, положить. Потому что ноги отказывались меня держать.

Каменистая земля оказалась сравнительно сухой. От ливня ее защищали нависшие, искривленные, как одеревеневшее серое пламя, стволы деревьев с плотными листьями-лопухами. Настоящие шатры.

Рядом упал Дэйтар; он приподнял меня, обняв за плечи, убрал с моего лица растрепавшиеся и мокрые пряди волос.

— Тома, ты как?

— Ж-ж-жива...

Меня начало потряхивать, зубы стучали. Всегда такая реакция после сильного испуга, когда уже все позади и можно расслабиться.

Но, как оказалось, расслабляться рано.

— Раздевайся, — приказал лорд.

— Что?

— Быстрее!

— А клюв не треснет?

— Что? — Настала его очередь неметь. Нет, никакого натурального клюва у некроманта пока не было замечено, но собственную честь как-то защищать надо. Пока я пыталась прожечь в наглom Вороне дыру, он вздернул меня на ноги и начал раздевать.

— Что ты себе позволяешь?! — Я попыталась вырваться, но не преуспела в этом.

— Тома, тебе не кажется странным, что при каждом нашем поцелуе случается катастрофа?

— Не при каждом. В храме не было, — напомнила я.

— В храме мы были под защитой Небес, но наш поцелуй едва не закончился светопреставлением. Это еще можно списать на неподготовленность душ, несовпадение магических потоков или даже на взаимную неприязнь, которой, надеюсь, нет. Но потом?

Убалтывая непокорную невесту, шустрый Ворон попытался развязать узел на шнуровке моего платья, а потом просто вытащил кинжал из ножен, и я тут же перестала дергаться и замерла, как кролик перед удавом.

С кинжалом в руках растрепанный и мокрый некромант выглядел зловеще, особенно в свете далеких молний и близких иллюминаций от

лавы.

— Ну а платье при чем? — всхлипнула я.

— Где-то должна быть спрятана зачарованная вещь, Тома! — Некромант аккуратно поддел узел острием и срезал. Платье охотно разъехалось, открывая нижнюю рубашку. — Ты же сама заподозрила амулет — как ты сказала? — с часовым механизмом?

— Но я со времени происшествия в карете уже десятки раз переодевалась. На мне ни одной ниточки не осталось от той одежды, включая белье. И украшения и обувь...

— Ни одной ниточки, — повторил Ворон и хлопнул себя по лбу — жаль, не рукой с кинжалом. — Я дурак! Ну конечно! Тебя же монашки готовили к обряду, а они те еще искусницы и затейницы! Сядь и наклони голову.

Я сделала, как велено. Ворон сотворил светильник из очередного камня своего замечательного браслета. Просто нажал, и драгоценный камень, сорвавшись с украшения, повис в воздухе и вспыхнул маленькой лампочкой. Затем, пристроившись рядом, Дэйтар убрал кинжал, положил мою голову себе на грудь и, вытащив последние шпильки, начал бережно перебирать мои волосы.

— Как я сразу не догадался? Твои волосы! В такой густой гриве даже Лисси не смогла бы найти подклеенный зачарованный волосок.

Я притихла и молча сопела ему в грудь. Если бы не нервирующая обстановка, дождь и какой-то машинный, озоново-железистый запах чуждого мира, можно было бы расслабиться под такими ласковыми руками.

А через несколько минут мне было уже не важно ни место, ни время, ни дождь, который, кстати, уже прекратился, лишь изредка с нависших причудливых ветвей срывались крупные капли и разбивались с мелодичным звоном, словно под нами был не камень, а пустой изнутри колокол. Тучи ушли, небо чуть посветлело и приобрело удивительный фиолетово-сиреневый цвет.

Дыхание некроманта тоже изменилось, стало частым и прерывистым. Он ворошил мою гриву, умудряясь между делом приласкать подушечками пальцев мочку уха, легонько повести по скуле, скользнуть ладонью по шее и плечам...

— Ох! — вздрогнула я, когда Ворон дернул меня за волос. — Нашел?

— Вот он. — Дейтар, усилив сияние магического «ночника», показал находку, держа ее двумя пальцами. Тонюсенький металлический волосок с неровной намоткой из светлых ниток. Выглядел он крайне неопрятно, как

мох.

— Странно, что Лисси эту гадость не увидела. — Я брезгливо поморщилась. — Ты уверен, что моя горничная на тебя работает?

— В конечном итоге, на меня. Но увидеть эту гадость она не смогла бы. Он хорошо маскировался. Я его скорее почувствовал, чем увидел.

Вдруг волосок ярко вспыхнул в пальцах Дэйтара и превратился в почти невидимую пыль. Некромант, морщась, отряхнул пальцы.

— Но как он действовал, этот амулет? — спросила я. — Наш поцелуй его активировал?

— Да, но это не порталный амулет. Заклинания переноса обычно накладываются на более массивную и твердую основу. На камень, реже металл. Такой амулет было уже не просто подбросить, и враги поступили хитрее. Твой «волос» включал более массивный амулет портала, который уже можно было спрятать так, чтобы я не заметил. Если в этом замешана королева, то она могла наspiговать весь дворец порталными камнями, не только карету.

— Чтобы у нее появился повод обвинить тебя в нелояльности?

— Чтобы у нее появились доказательства моей нелояльности. Чтобы обвинить меня в связи с Нижним миром. Мне запрещено здесь появляться без сопровождения. Это считается нарушением тысячелетнего договора.

— И что теперь будет?

— Самому интересно. — Усмехнувшись, Дэйтар запустил пальцы в мои волосы и притянул меня к себе. — Проверим, таинэ, все ли вражеские амулеты нейтрализованы?

Я подставила губы, прикрыла глаза...

И тут же подскочила в испуге.

— Арде ар кхатт! — вдруг раздался чудовищный рев, совсем рядом.

Да ёшкин же кот!

Дэйтар мгновенно сориентировался: спрятал меня за спину, выдвинулся вперед и, выхватив кинжал левой рукой, правой активировал защитную сферу.

За ее слабо брезжущими голубыми кружевами стоял демон, каким его обычно рисуют в компьютерных играх. Огромный, жуткий, с алыми глазами, черными крыльями и нереально гигантским мечом. Разглядеть его вытянутую морду со стальным клювом можно было, только задрав голову.

Демон, подняв меч-кладенец, со всей дури шарахнул по сфере. Та брызнула снопом искр, но устояла.

— Гахрр-арр! — Ворон не остался в долгу и рывкнул так, что в ушах зазвенело.

— Кахраг? — отпрянуло чудище и даже от удивления опустило меч. — Эрр вашр кахраг?

— Кейр! — сказал некромант уже гораздо спокойнее.

Его слова возымели поразительный эффект: демон ошеломленно моргнул, попятился и... испарился. Дэйтар еще постоял с полминуты, прислушиваясь к далеким громовым раскатам ушедшей грозы и озираясь по сторонам. Потом, оглянувшись на меня через плечо, спросил:

— Испугалась?

— Нет. Кто это был? Кто именно из демонов?

— Страж. Почувствовал нарушение границы и пришел с проверкой.

— А почему сбежал? Мне показалось, он тебя испугался.

Ворон дернул плечом, но не повернулся, а в его ответе слышалась фальшь:

— Да с чего ему меня бояться? Я лишь сказал, что нарушение случайное, безвредное, никаких враждебных намерений не имеющее, что я просто хотел показать своей тайнэ необыкновенный закат Нижнего мира и что мы уже уходим.

Я расхохоталась:

— Милорд! Ты сказал ему всего два слова: «гахрр-арр» и «кейр»!

Некромант развернулся на полкорпуса — он явно не хотел упускать из виду населенные демонами окрестности.

— Моя тайнэ, я лишь приветствовал стража вслух и попрощался, так полагается по этикету. В остальном мы общались с помощью мыслеречи.

Я обескураженно замолчала. Пришлось проглотить, потому что вывести Ворона на чистую воду я не могла, хотя чувствовала, что меня пытаются обвести вокруг пальца. Не может приветствие звучать так жестко, словно Ворон отдал приказ «расстрелять».

— Уходим, миледи, пока сюда еще кто-нибудь не явился. Пусть я и обладаю дипломатической неприкосновенностью и смогу доказать свой статус, но мне могут не дать на это времени. Наши миры все-таки враждуют, пусть пока противостояние и не перешло в горячую фазу.

Он протянул мне руку, и я поразились, какими ледяными стали его пальцы.

— Разве не перешло? — удивилась я. — А почему тогда демоны нападают на Ориар-Дерт?

— По привычке, — сверкнула белозубая улыбка лорда Ориара. — Они всегда будут проверять мою крепость на прочность.

И опять мы ушли вовремя. Ворон уже раздавил в пальцах амулет портала, а появившаяся рамка начала наливать фирменными цветами,

когда нас со всех сторон начали окружать чернокрылые фигуры демонов.

— Стой, Дэйтар! — крикнул один из них на чистейшем риртонском наречии. — Клянусь, мы не причиним зла ни тебе, ни твоей избраннице. Давай поговорим!

— Не о чем! — припечатал Ворон и, шустро подхватив меня на руки — я и ойкнуть не успела, — прыгнул в портал.

— Проклятый предатель! — яростно донеслось вслед, и портал схлопнулся.

А я с радостью узнала фрески главного порталного зала Лаори-Эрля. Ура! Вырвались!

Глава 10

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ОРИЯР-ДЕРТ

Никто не ждал в ту ночь возвращения хозяина с невестой.

И это хорошо. Слишком велик был бы контраст между той надменной блистательной красавицей Тирриной, которую помнили графские слуги, и чумазой растрепанной замарашкой в рваном платье, которую Ворон притащил на руках в порталый зал.

Ее сиятельство леди Тиррина, графиня Барренс, таинэ Орияр должна быть безупречна.

Мой позор видел только старый дворецкий, чьей обязанностью было встречать каждого, кто пользовался стационарным порталом замка. Он быстро справился с изумлением и поклонился со всем почтением:

— Леди Барренс, добро пожаловать в Орияр-Дерт!

Я выдохнула. С усилием выпрямилась и постаралась забыть, какое чучело сейчас видит перед собой старик.

Мне нужно было срочно решить, какую Тиррину теперь изображать. В замке ненавидели юную графиню и не верили, что она могла кардинально измениться после пожара, унесшего ее семью в могилу.

И в то, что она потеряла память, тоже не верили. Слишком резкое изменение нрава злючки и гордячки могло вызвать подозрения у сильных магов. А в Орияр-Дерте их полным-полно, целое войско магов, и даже дворецкий был магистром черной магии.

Впрочем, дедушка Чесс, взявший меня под духовное покровительство еще в облике Тайры Вирт и ставший свидетелем при заключении моего брачного договора с графом, был единственным из слуг замка посвященным в истинное положение дел... и тел.

— Таинэ Орияр, к вашему сведению, мэйстр Чесс, — сказала я твердо и обозначила улыбку уголками губ. — Рада видеть вас в добром здравии. Жаль, что я совсем все забыла о прежней жизни. Говорят, я была не очень доброй? Постараюсь это исправить. Надеюсь, вы не таите на меня обид?

Энхем Чесс кинул быстрый взгляд на графа, поправлявшего на мне обрывки платья, и отвесил новый поклон, еще более почтительный:

— Нет, миледи. Вы были ребенком. А я слишком стар, чтобы забивать свою память обидами, для меня теперь главное — не забыть бы добра.

Вот мы и расставили точки над «й» и провели через них линию

поведения. Никакого панибратства в присутствии третьих лиц.

— Боюсь, покои для таинэ Ориар не готовы, милорд, — обратился старик к хозяину.

— Почему? — нахмурился граф. — Я еще неделю назад распорядился! Щеки дворецкого слегка порозовели.

— Это мой недосмотр, милорд. Не успел вам сообщить. Покои были подготовлены, но у мэйс Игви случился приступ... Виноват, недосмотрел.

— Приступ? — Льду в голосе Дэйтара мог бы позавидовать полюс холода.

— Заклинание праха. Все истлело, милорд. До ниточки. И вместо мебели — труха. И запах...

— Ясно. Принеси моей таинэ плащ и проводи пока в гостевой флигель, — распорядился граф. Дворецкий ушел, а Ворон повернулся ко мне: — Я вынужден вернуться во дворец, объясниться с королем, Тома. Теперь ты здесь хозяйка, и завтра Энхем представит тебе слуг, как полагается. Я вернусь, как только улажу скандал с нашим исчезновением.

Он снова активировал портал, блеснувший бело-золотыми сполохами. Но арка, не успев сформироваться, тут же погасла.

Дэйтар нахмурился:

— Хм... Похоже, Артан сейчас не желает меня видеть. Либо что-то произошло.

Мне стало тревожно:

— Тогда стоит ли возвращаться, милорд? Может, лучше подождать, когда он сам призовет тебя?

— Не тот случай, миледи. — Дэйтар тоже выглядел встревоженным. Даже провал в Нижний мир не обеспокоил его так, как запертый портал. — Я имел право войти в королевский портал в любое время суток. Никакие ссоры, козни и даже опала не лишали меня этой привилегии. Я все еще вассал, Черное Око его величества, глава королевского Ордена некромантов и черных магов. Никто не лишал меня ни прав, ни обязанностей. Если личный портал короля заблокирован, для того должна быть серьезная причина, о которой меня поставили бы в известность. Я обязан быть там.

Он снова активировал порталный камень, но на этот раз узор существенно отличался, хотя в нем по-прежнему преобладали бело-золотые тона.

Я постаралась запомнить и его на всякий случай. Это получалось легко, спасибо натренированной за годы обучения зрительной памяти. А вот способность видеть секретные зашифрованные узоры — «адреса», как и магические плетения заклинаний, — это, как я поняла, моя уникальная

способность, связанная с ментальным даром. И этот секрет я пока никому не открою.

Когда Ворон улетел, вернулся дворецкий с плащом в руках.

— Ну, с возвращением, внучка! Лаори-Эрль ждал тебя.

И мне сразу стало легко и спокойно. Что бы ни случилось, мы справимся. Я тут не одна.

— Дедушка Энхем, думаешь, меня примут с такой-то рож... физиономией? Слуги не разбегутся? Помнится, они все хотели уволиться, если злючка Тиррина Барренс станет женой их любимого хозяина.

— Ну, женой ты пока еще не стала, таинэ Ориар, хотя я не сомневаюсь, что у вас все получится. Сердце замка не ошибается. Со временем это поймут все обитатели. К тому же леди Тиррина сильно изменилась после утери памяти. В лучшую сторону, не так ли?

— Конечно, — улыбнулась я.

И мне радостно ответили улыбками все фрески и гобелены со стен portalного зала. Милота сплошная, — подмигнула я скалившемуся во весь клюв зубастому ворону на ближайшей картине.

Завернувшись в плащ и даже накинув капюшон, чтобы не светить растрепанной и легко узнаваемой белокурой шевелюрой, хорошо знакомой тем, кто помнил Тиррину, я шагала за дворецким, наслаждаясь ощущением такого тепла, какое бывает только тогда, когда возвращаешься домой. В любую погоду.

Удивительное чувство. И странное, если учесть, что мой родной дом — невысказанно далеко, неизвестно в каком измерении и даже неизвестно в какой вселенной.

Но почему-то здесь я даже по родине тосковала меньше. Замок Лаори-Эрль ощущался словно близкий друг, который никогда не предаст. Как жаль, что его хозяин пока не стал мне таким другом.

Странные у нас складываются с Вороном отношения.

Меня тянуло к нему. Мне нравился его ум, нравилась его сила, и не только физическая. Мне нравилось, как он целуется, да и мысль о предстоящей близости не пугала. В конце концов, у тела взрослой девушки есть свои потребности, а моя душа, заключенная в этом теле, старше и опытнее, о сексе я знаю почти все... в теории.

И я чувствовала, что тоже нравлюсь Дэйтару и желанна как женщина... когда он закрывает глаза и забывает о своей ненависти, о которой постоянно ему напоминает лицо Тиррины.

Но в то же время мы оба закрыты друг для друга. Возможно, нам

просто не давали возможность узнать друг друга ближе, но было ли желание?

У меня точно не было. Я не хотела привязываться к некроманту и узнавать его больше необходимого. Я избегала вопросов и всего, что могло бы напугать меня или показаться отвратительным. Ведь Ворон — не только некромант, воюющий с демонами и поднимающий трупы, он — глава тайной службы, он проводит жесткие допросы и наверняка пытается врагов королевства. Об этой стороне его личности я ничего не хотела знать.

И меня устраивало, что мы оба понимаем подоплеку нашего брака и готовы отпустить друг друга сразу, когда король убедится, что после своего двадцатипятилетия его вассал не превратился в демона.

Но кроме разума были еще чувства. И основное — тоска. Вот он ушел, и мне хотелось плакать от одиночества, от желания касаться его руки, почувствовать его то задумчивый, то горящий желанием взгляд.

Запуталась ты, Тамара Коршунова, как птица в силке.

Одно я знала точно: если бы встретила в своем мире этого сероглазого парня, одетого в рваные джинсы и футболку, влюбилась бы только в его улыбку и серебряный отсвет умных глаз.

Я так погрузилась в свои мысли, что не сразу поняла: это Лаори-Эрль меня исповедует. Замок вытягивал из меня воспоминания и признания и в то же время дарил успокоение и утешение. Он бережно держал меня в каменных ладонях, слушал и улыбался невероятно светлой улыбкой, которая ощущалась только сердцем.

— Осторожно, миледи, здесь активированы ночные ловушки, — вырвал меня из размышлений голос дворецкого. — Мы со вчерашней ночи решили перестраховаться.

Оказалось, я опередила его на несколько шагов и совсем не смотрела по сторонам.

К моему удивлению, старик Чесс повел меня в гостевой флигель не тайком, коридорами для слуг, а господскими залами, пустыми и тусклыми, которые вызывали ощущение заброшенности. Даже на перилах парадной лестницы лежал легкий слой пыли, а углы подозрительно чернели, явно превратившись в жилье для пауков.

— Нас не было всего неделю, дедушка Чесс. Что тут случилось за это время?

— Тсс, — испуганно оглянулся он, прислушался к чему-то, склонив голову к плечу, затем сотворил полог тишины, накрыв нас слабо мерцающим в темноте шатром. Шатер двинулся, стоило старику сделать шаг. — Надо было сразу сделать... Я стал рассеян на радостях, простите,

миледи. А ведь мало ли, кто не спит! У вас, леди Тиррина, здесь настолько плохая репутация, что никто не поверит, будто я мог предложить вам покровительство старшего. Это в высшей степени подозрительно, учитывая, что я не так давно уже обременил себя духовной обузой, взяв во внучки молодую особу. Вы и так можете вызвать слишком много подозрений тем, что душою ничуть не похожи на себя прежнюю. Понимаете?

— Понимаю. Хорошо, мэйстр Чесс.

Полог тишины мгновенно исчез. Мудрый маг явно не хотел, чтобы кто-то заметил, что мы более близки, чем полагается слуге и новоиспеченной хозяйке.

— Так вот относительно вашего вопроса. Не справляемся, — горестно вздохнул старик. — Из горничных остались только Ани да ее мать. Что странно, поскольку девочка уже была задета ментальным вмешательством. Да еще парочка неумех, остальные, кто уцелел от атак, разбежались. Тем не менее оставшиеся еще держатся на ногах. Но много ли они могут?

— А Лин?

— Эта девица слишком распоясалась, наотрез отказывается помогать с сомнамбулами. Да и она все-таки не служанка и нужнее командующему гарнизонам. Гринд сильный некромант, но без милорда нам долго не продержаться против демонов. Они как озверели за эту неделю, непрерывно атакуют. Мы ежедневно докладывали милорду.

А король удерживал нас, в то время как Ворон был нужен здесь. Специально? Но какая выгода Артану, если падет Ориар-Дерт?

— Демоны разозлились из-за нашего успешного обряда с графом?

— Несомненно. И еще из-за потери голема Оллы.

Я остановилась, словно наткнувшись на невидимую стену. Именно голем, прикидывавшийся безобидной юродивой девицей, оказался лазутчиком демонов и проводником их ментальных атак на обитателей замка. Создание уничтожил Ворон, но уже тогда он заподозрил, что Олла была не одна. Значит, подозрения подтвердились.

— Минутку, магистр Чесс. Но как тогда они добрались до горничных, если потеряли проводника? У Оллы действительно был сообщник? Выяснили кто?

Старик тоже остановился, задумчиво потерев пыльную бакенбарду.

— Пока нет. Мы, увы, даже не сумели отследить остаточные нити заклинаний. Единственное, что несомненно: нити рассыпались с такой скоростью, словно их накладывал некромант. А их два десятка в крепости, и все до сих пор были вне подозрений.

Олла тоже была у них вне подозрений.

— Включая Лин? А что она сделала с предназначенными для меня покоем? Покажите.

Мы как раз поднялись на второй этаж хозяйского крыла, отсюда начинался крытый переход-галерея в гостевой флигель. Здесь же, рядом с покоем Дэйтара, должны были приготовить и комнаты для его нареченной. Все неудачливые невесты молодого лорда жили именно там. Может, и к лучшему, что Лин их испоганила?

— Не стоит смотреть их на ночь глядя, миледи. — Старик решительно загородил проход в крыло.

— В таком случае посмотрю завтра. Ничего не убирайте, хочу полюбоваться, до какой степени меня ненавидят. Всегда лучше иметь наглядное представление.

— Как вам будет угодно, миледи.

А вот флигель мне не понравился.

Душно. Пыльно. Темно. Пустынно и жутко. Бывшая хозяйка моего тела была бы в восторге, а мне захотелось убежать. Словно я из светлого и одухотворенного Лаори-Эрля попала в затхлый склеп.

— Здесь не прибирали, простите, леди. — Дворецкий хлопнул в ладоши, зажигая магические шары. — Не думали, что вдруг понадобится. Успели только одну спальню подготовить, пока мы сюда добирались.

Отсутствие окон — одна из особенностей всех склепов и гостевого флигеля Воронов, соединенного с величественной громадой Лаори-Эрля закрытым мостиком на уровне второго этажа и подземным ходом для слуг.

Здание изначально строилось то ли как оружейная, то ли как тюрьма — его стены были толщиной с небольшой дом. Тут даже бойницы не предусмотрены, или они так искусно заложены, что не осталось даже воспоминаний.

Внутри царил холод из-за того, что толща стен не прогревалась никогда. И роскошь, вспыхнувшая золотым блеском в свете магической иллюминации. Хотя и не такая изысканная, как в гостевых апартаментах короля на четвертом этаже Лаори-Эрля.

Я возненавидела и флигель в целом, и отведенные мне покои сразу, стоило переступить порог. Никогда не страдала клаустрофобией и манией преследования, но просторное помещение спальни, освещенное лишь магическими шарами, жутко давило, несмотря на высоту потолков, и я сама себе казалась ничтожной козявкой под микроскопом.

Ощущение чужого недоброго взгляда не покидало меня даже во сне.

Впрочем, уснуть не удавалось. Наскоро сполоснувшись еле теплой водой, я стучала зубами в огромной ледяной спальне на необъятной кровати, накрывшись одеялом с головой. И не подумаешь, что за четырехметровыми стенами лето в разгаре. Тут даже камина не было — зачем магам камин? А магический свет совсем не давал тепла, да и оставили мне лишь один шар, тусклый, как свеча.

В его свете едва угадывались синие шелка настенной драпировки, а рисунки на гобеленах были совсем неразличимы. В углу угрожающе темнел огромный гардероб. Даже массивный туалетный стол с забытой на нем книгой казался притаившимся хищником. Золотой переплет книги отчего-то очень ярко отражался в зеркале. Все остальное расплывалось тусклым пятном, а переплет прямо светился.

Не выдержав, я поднялась, взяла канделябр с магической свечой и, укутавшись в одеяло, которое волочилось по коврам, как мантия, направилась к зеркалу.

Но была остановлена звуком, от которого сердце ушло в пятки: дверца гардероба, скрипнув, начала открываться.

И замерла.

Я трусиха. В детстве я боялась темноты и заставляла няню сидеть рядом, пока не усну. А еще лучше — папу. Но он приходил домой поздно, страшно уставшим и засыпал первым, бережно держа меня за руку. Наверное, именно это в конце концов избавило меня от страха и научило ответственности: я уже не боялась, ведь папа рядом, но сторожила его сон от неведомых врагов, притаившихся в темноте под кроватью и в углах.

Удивительно, но стоило вспомнить о папе, как страх прошел, и я решительно направилась к шкафу. Подняв светильник повыше, распахнула дверцы одну за другой и провела рукой по развешанной внутри одежде.

Ее было немного: короткая черная мантия, которая вряд ли бы на меня налезла, и несколько платьев небольшого размера и скромного подросткового покроя. Первое и самое разумное предположение: именно в этих покоях и жила Тиррина Барренс, когда ее семья навещала Ориар-Дерт с дружеским визитом. Последний раз она тут была, когда ей еще пятнадцать не исполнилось.

Самая перспективная ученица таинственной Школы Ока, где учили сильнейших магов королевства. Да, вот и эмблема на мантии — череп в пентаграмме, окруженный рунами, точнее, разрезанной и потрепанной бахромой на их месте. словно кто-то специально убрал опознавательные и защитные знаки, оставив самое важное. Глаза черепа и линии пентаграммы слабо светились.

Странно, что вещи Тиррины все еще здесь. Или девчонка до такой степени успела запугать здешних слуг, что они побоялись сунуться в ее отсутствие? Лишь белье перестелили и по поверхностям быстренько прошлись тряпкой. То-то здесь так пахнет пылью — ковры уже три года никто не трогал.

В шкафу пусто, но отчего дверца открылась?

Тихий звук, словно кто-то осторожно поскреб по стеклу, донесся из-за спины, и я стремительно оглянулась.

И успела заметить, как исказилось в зеркале отражение золотого переплета, словно на него плеснули кровью. Пламенной, ярко-алой. А в следующий миг в глубине мутного стекла проступила ужасная рогатая рожа, оскаленная, с высунутым и свешенным набок языком, с которого капала зеленая ядовитая слюна.

Я вздохнула — ну совсем детский сад. Да меня в детском лагере отдыха страшнее пугали! И в этот момент мерзкая рожа ожила, подобрала язык, сглотнула капавшую слюну и заговорила:

— Ты вернулась, хозяйка.

Вот оно что. Только пятнадцатилетней черной магичке и придумывать такую охранку для своей потрепанной мантии. Чувство собственности было у Тиррины просто кошмарное. Девчонке плевать, что это гостевые покои в чужом замке.

— Может, ты уже освободишь меня? — Выпученные алые зенки на роже жалобно моргнули. — Я тут торчу уже три года, три месяца и три дня.

Я молчала, боясь себя выдать. Наверняка зазеркальный монстр почувствует, что и голос у меня уже не тот, и черной силушки не наблюдается.

— Я верно сторожил эту комнату, твою книгу и твои заклинания, хозяйка. Следил, чтобы они исправно работали и чтобы их никто не нашел и не разрушил. Разве я не отработал долг крови? — Интонация монстра стала жалобной-жалобной, а в зеркале появились мощные лапы с чудовищно острыми когтями. Он провел кончиками когтей по стеклу, и меня передернуло от омерзительного звука.

Что же делать, Темные Небеса? Что мне делать?

И не потому ли Лин разгромила покои невесты Дэйтара, чтобы меня по привычке поселили именно здесь? Нет, бред. Тогда она должна знать о подмене души. Хотя... необязательно. Для ее мести достаточно знать о том, что Тиррина Барренс лишилась темного дара и уже не в состоянии справиться с ею же поставленным «стражем».

Заметив мою реакцию, монстр оскалился и еще разок провел когтем

по стеклу. И еще.

Показалось или нет, что на стекле появилась легкая царапина?

— Прекрати! — рявкнула я.

— Выпусти! — Демон, раззявив пасть, клацнул внушительными клыками.

— Помочь? — послышалось у входа. Противный язвительный голос Лин я ни с чьим не перепутаю.

Ну почему, почему первая, с кем я сталкиваюсь в Ориар-Дерте — именно эта блондинка с замашками бой-бабы и шлюхи? И одета она опять в шокирующее неприличное платье, закрывавшее сверху только соски, а снизу расходившееся полупрозрачными лепестками. Или это у нее такая порочная ночнушка?

Отступив на шаг к стене, я повернулась так, чтобы не выпускать из виду ни зеркального демона, ни незваную гостью.

— Кто позволил тебе явиться без зова, служанка? — вздернула я подбородок.

— Я не служанка, девочка, — скривилась Лин. — Я темный маг. Или ты меня забыла? Впрочем, у тебя же проблемы с памятью, погасший светоч Школы Ока! Очень большие проблемы. Ты, боюсь, даже с собственным охранным заклинанием теперь вряд ли справишься. Ни магии у тебя нет, ни памяти.

— Хрраум! — плотоядно облизнулась рожа в зеркале. — Это правда, хозяйка? То-то я чувствую...

— Заткнись! — Некромантка резко взмахнула рукой, и в зеркало полетел серый комок, развернувшийся в тончайшую серебристую сеть.

Она плотно облепила стекло и даже золотую узорную раму, и демон тонко и обиженно заскулил и съежился.

О, да у них тут полное взаимопонимание! Как я помнила из Тирриных книг по теории магии, чужое заклинание — как мина. Ее можно либо подорвать и разрушить (то есть заставить сработать), либо подчинить — обезвредить, аккуратно отрезав от питающего источника и распустив по нитям, как вязание. А то, что расплетено, легко сплести заново.

И это значит одно: Лин Игви подчинила «стража», поставленного Тиррой, и сделала ловушку. И так замаскировала, что его не обнаружил, по всей видимости, никто, ни Дэйтар, ни магистр Энхем Чесс.

— Ловко! — насмешливо фыркнула я, кивком показав на зеркало.

— Я знала, что ты оценишь, как я продвинулась в темном искусстве. — Глаза женщины лихорадочно блестели.

— Это уже не темное искусство, магичка. Кстати, запомняла твоё

имя.

— Лин Игви.

— Даже не мэйс Игви? — усмехнулась я, но не пренебрежительно, успею еще позлить, а даже с некоторым сочувствием. — Ко мне можешь обращаться таинэ Орияр.

— Таинэ Орияр? — насмешливым эхом отозвалось зеркало. — Какая прелесть!

А вот некромантка скривилась, глаза ее загорелись ненавистью.

— Не думаю, что ты долго пробудешь в этом статусе! — прошипела она.

— Не думай, — разрешила я. — Лучше думай о том, как будешь наказана мной за дерзость. А лордом Орияром — за предательство. Иметь демона на службе могла себе позволить я, но не ты. Твоя обязанность — уничтожать их. И мое охранное заклинание ты должна была уничтожить, а вместо этого...

— А вместо этого я сделала ловушку для наглой белобрысой выскочки, — не хуже демона оскалилась Лин. — Три года назад я хотела всего лишь немного наказать тебя за то, что ты проходу не давала Дэйтару, за то, что ты в отместку за его пренебрежение такой дурой, как ты, испоганила красавицу-башню Лаори-Эрля. Но ты, маленькая дрянь, добилась своего и стала его невестой! И теперь... Никогда, никогда он не будет твоим! Ты не выйдешь отсюда живой!

Я сделала еще шаг назад, чтобы брызнувшая слюна не попала на мое лицо. Наткнулась на кресло и села в небрежной позе уставшей аристократки.

— Искаженный шифр портала — твоих рук дело? — спросила я, пропустив мимо ушей ее истерические выкрики.

— Что? — опешила женщина. Поморгала, непроизвольно потирая ладонью натруженное воплями горло. — Какой еще шифр?

— Личных апартаментов короля.

— С чего ты взяла, что его кто-то искажил?

Не объяснять же ей, что пока я ворочалась под сырым одеялом, моя фотографическая память отыскала в архивах картинку порталной арки, через которую мы неделю назад, перед ритуалом, перемещались с четвертого этажа Лаори-Эрля во дворец. И рисунок арки немного не совпадал с сегодняшним, когда Дэйтар пытался пройти к королю.

Мог ли Ворон забыть шифр?

Исключено.

Мог ли кто-то создать магические помехи при использовании шифра?

Вполне. Я еще так мало знаю о магии Айэры, что любое предположение покажется правдоподобным. Поговорить бы об этом с кем-нибудь, кроме неуравновешенной некромантки, свихнувшейся на почве неразделенных чувств и неудовлетворенных амбиций. Но так, чтобы не выдать себя.

Я уже точно знаю из занятий с Нейсоном, что моя способность очень редкая: шифры на то и тайные, что никто не способен увидеть их узоры со стороны, они рисуются только в мыслях мага и защищены блоками от «подглядывания». Может, я и на самом деле сильный, но еще неумелый менталист, не зря король с такой подозрительностью отнесся к известию о моем неожиданном даре?

Однако, пока я тут рефлексирую, психопатка Лин совсем потеряет терпение. И я шепотом, будто преодолевая бездну сомнений, «призналась»:

— Мэйстр Чесс высказал такое предположение, что ключ специально подпорчен. И если это сделала ты, не думаю, что Дэйтар будет тебе благодарен.

Некромантка побледнела, но, сжав кулаки, огрызнулась:

— Это не я! А тебя благодарность Ворона скоро не будет заботить! Труп у все равно.

Я покосилась на ухмыляющуюся рожу в зеркале. У демона даже уши подросли, чтобы лучше нас слышать. Заметив мой интерес, мерзавец с предвкушением облизнулся. И еще я заметила, что серебряная паутинка местами почернела. Что это означает, думать было некогда. Главная опасность — это Лин. И я, помня торопливые наставления магистра Нейсона, начала осторожную ментальную атаку:

— Хм, вот ты еще не труп, Лин, но тебе уже все равно, что кто-то под твоим носом посмел расставить ловушку на милорда?

Укол достиг цели: некромантка начала думать о чем-то еще, кроме своей ненависти к очередной невесте графа Ориара.

— Это невозможно! Ты действительно забыла все, чему тебя обучали в Школе Ока? Шифр портала можно либо блокировать, либо перенастроить в точке прибытия. Проще говоря, в первом случае запереться, а во втором — сменить замок на двери. Или разрушить сам портал, но тогда и арка не появится.

Меня удивила четкость ответа. У молодой женщины даже лицо изменилось — злобные морщины разгладились, глаза прояснились. Ведь может же она быть нормальной, когда не озабочена!

Я закрепила успех:

— Хорошо, оставим это. Дэйтар все равно ушел во дворец, но если

король его арестует?

— За что?

— За измену. Нас дважды выбрасывало к демонам. Без сопровождения. Дэйтар подозревает в этом происки королевы. Сможешь ли ты, раз уж собираешься убить меня, пройти во дворец и подать прошение о помиловании? Дать свидетельские показания перед менталистами, что граф Ориар не специально отправился к демонам без присмотра, чтобы заключить с ними союз против короны?

И я добила своего — Лин растерялась:

— Э-э-э... Нет! Я не смогу даже выйти за стены крепости! — Она потеряла тяжелый стальной браслет, охватывавший ее левое запястье.

— Королевская семья — мои опекуны. Я имею право в любой момент просить аудиенции, и мне не откажут. И я — единственная свидетельница того, что граф Ориар не вступал в контакты с демонами.

Ну, почти. Перерывание со стражем даже менталисты-дознатели не сочтут контактом.

Лин бросила нерешительный взгляд на приунывшего в зеркале демона. Тот немедленно встрял:

— Дорогуша, тебя пытаются надуть! Ты что, не знаешь мою хозяйку? Бывшую, — тут же поправился лукавый монстр. — Обманет в два счета! Давай уже покончим с ней быстрее, сколько можно ждать. Выпусти меня, я все сделаю аккуратненько.

— Я не лгу и могу поклясться даже перед сердцем Лаори-Эрля, — поспешно проговорила я, пока яд сомнения, впрыснутый некромантке, не начал действовать. — Если ты убьешь меня, то уже не увидишь Ворона. Королева добьется его уничтожения. И разрушит Лаори-Эрль. Что тогда станет с тобой? Со всеми осужденными, кто отбывает тут наказание? Король просто приведет отсроченный приговор в исполнение.

Некромантка прикусила губу. На ее хорошеньком лице отразилась целая гамма чувств.

— Я не могу отпустить тебя — я стала тебе открытым врагом. А твоя мстительность известна во всей стране. Тиррина Барренс всегда уничтожает своих врагов. Ты найдешь способ расправиться со мной.

— А если я поклянусь, что не буду мстить за сегодняшнее недоразумение? Никто не узнает о твоём покушении, если ты поклянешься впредь не причинять мне зла.

— О нем и так никто не узнает, — усмехнулась Лин.

Я проиграла.

Не умею еще держать врага под ментальным контролем. Зацепила, но

не удержала! Теперь вся надежда на кольцо Дэйтара с усиленной защитой.

Но моя врагиня тоже сделала ошибку. Она решила поиграть, похвастаться своей силой и властью.

— Никто не знает о том, что я здесь, — хищно улыбнулась Лин, картинно разминая пальцы. — Считается, что меня посадили под замок. Ха! Все забыли, что старый граф Орияр так доверял своей ученице, что у меня есть все ключи от всех замков в этом доме, а магические путы я давно научилась снимать. Никто не знает о том, что твоя ловушка не уничтожена, а перенастроена. Я-то знала, что ты все равно вернешься к Дэйтару под любым предлогом, даже несмотря на его ненависть. Тиррина Барренс всегда добивалась своей цели. И я подготовилась.

Пока она болтала, я тоже успела сосредоточиться и усилила ментальный нажим. Моя воля должна, обязана подавить ее волю. Тем более что магичка не знает о моем новообретенном даре, пусть даже я не умею толком им пользоваться.

— Дэйтар, — твердо сказала я, глядя за плечо преступницы.

Лин вздрогнула и оглянулась. Все, начало положено, в ее напоре появилась трещина.

— Дэйтар узнает, если выживет. Лаори-Эрль знает и расскажет хозяину все.

— Если он вернется, — пробормотала соперница.

— А это моя задача, чтобы он вернулся, — сказала я и улыбнулась, слегка разведя раскрытые ладони и демонстрируя кольца. — Ты напрасно считаешь меня совсем уж беспомощной. Видишь, как Ворон усилил мою защиту? Даже вдвоем с демоном вам не справиться. Полог тишины слетит при активации защиты, сбежится весь гарнизон на прорыв, и тебе уже не скрыть, что ты совершила клятвопреступление, вступив в сговор с демоном Нижнего мира вместо того, чтобы его уничтожить. — Я сделала вид, что не услышала гневного рычания из зеркала. — Для меня он — добытый в честном магическом поединке раб. Он был полностью подчинен заклинанию. А для тебя этот демон — уже не раб, а союзник. Ты не подчинила его, а договорилась с ним. А это уже предательство. Глупо. Даже младенец знает, что демоны всегда нарушают любые договоры. И твои заклинания сети держатся на ловушке только потому, что демон еще не решил, что ему выгоднее.

— Умная девочка, — промурлыкала рожка в зеркале. Его огромный коготь, без труда преодолев заколдованное стекло, высунулся и скovyрнул с рамы серебряные тенета. Заклинание рассыпалось искорками. Демон проворчал: — Так-то лучше! Не люблю грязь.

— Сидеть! — рявкнула Лин непонятно кому, а в ее ладонях завихрились два одинаково мерзких электрических клубка.

Лин до одури боится демонов, — вспомнила я. И одновременно она боится показывать свой страх. До какой же степени ей хочется уничтожить Тирру, то есть меня, занявшую вакантное место невесты, раз она сумела договориться с собственным ужасом! Вот только ее и без того неустойчивая психика пошла в разнос.

— Полегче, детка, укушу! — выдал демон развязным тоном гопника.

Вот дурак! Разве можно дразнить душевнобольную?

— Зря... — только и успела я сказать.

Лин метнула заклинания с двух рук. Я шарахнулась, опрокинув кресло и прикрыв голову, но оба огненных сгустка полетели в демона. Тот оказался все-таки не дурак, успел подготовиться, пока некромантка демонстрировала силу, и закрылся щитом, самым банальным магическим щитом — зеркалом. Тем более за основой для заклинания далеко ходить не пришлось.

Первая молния отразилась от зеркала и, задев мою развернувшуюся от кольца защитную сферу, срикошетила в Лин, не успевшую даже моргнуть. Девушка, хрипя, упала навзничь.

Я бросилась к ней, судорожно вспоминая Тиррины тетрадки с лекциями о правилах оказания первой помощи. Но я ничего не могла сделать. Как помочь при ударе током, я помнила еще со времен универа. А тут даже искусственное дыхание не сделать — тело Лин, охваченное пламенем заклинания, мерцало. И я ничем не могла помочь!

— Дыши, Лин! Держись! Я позову Чесса. И лекаря.

— Нет! Нет! — Ужас пробился сквозь маску боли на лице несчастной. — Дай мне умереть... прошу.

— Но почему?

— Ус-та-ла... Гадалка... предсказала... — медленно, с длинными паузами прошептала магичка. — Что умру... от руки демона. В муках. И я так боялась... А я... сама... убила себя...

По ее щеке изо рта потекла струйка крови.

— Молчи! Тебе нельзя говорить. Чесс! — заорала я, удивляясь, что на такое магическое возмущение никто не бежит сломя голову. Да и замок мог бы позвать хранителей. Или Лин сумела так заблокировать флигель, что его и штурмом не взять?

— Чесс! Лекарь! — Я бросилась к дверям.

— Нет... это... — Лин тряслась все сильнее, клацая зубами. — Сожги. Не дай им...

Вдруг ее скрутила страшная судорога, агония длилась несколько секунд. Магичка замерла, глядя широко раскрытыми глазами в потолок.

И в миг смерти Лин рухнули ее заклинания: и полог тишины и барьер. Я услышала мощные удары. Дверь, запертая изнутри на замок, затрещала. А зычный голос рыцаря Гринда орал:

— ...немедленно! Мэйс Лин! Миледи!

Я перевела взгляд на треснувшую стену над обугленным туалетным столиком. Похоже, Лин добила-таки союзника: второй огненный шар, за которым я физически не могла уследить в момент удара, попросту испарил и демона, и зачатое зеркало, и книгу.

Глава 11

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ТАИНЭ

Маги по свежим следам изучили магический фон в моих покоях и озабоченно переглянулись.

— Миледи, вы в состоянии рассказать о случившемся? — участливо спросил магистр Чесс, сбросив маску дворецкого.

— Вполне.

— Полагаю, это лучше делать не здесь. Мои коллеги сейчас займутся телом, вам на это лучше не смотреть. — Некромант дал знак лекарю, уже констатировавшему смерть, и тот уступил место Гринду, тоже некроманту.

— Думаю, для леди Барренс тут нет ничего нового, она и сама не чужда темным ритуалам, — не очень-то любезно усмехнулся Гринд.

Я поняла, что маги будут допрашивать труп Лин Игви и, для порядка одарив Гринда надменным взглядом, поспешно сбежала из разгромленной комнаты.

Дворецкий, чуть задержавшись, поставил вояку на место:

— Держи берега, Гринд! Девочка потеряла память, она, считай, чистый лист, и не стоит марать его старой грязью.

Он говорил тихо, но я, остановившись в коридоре и прижав пылающий лоб к ледяному камню стены, все слышала.

Ох и нелегко мне будет в замке!

«Никогда не носи чужой одежды», — ругал меня отец за наши обмены с одноклассницами. Наверняка он имел в виду «не прокипятив как следует», а не то, что он мог купить мне любую тряпку. Потом, когда разбогател.

Видел бы он меня сейчас — убил бы. Но как прокипятить чужое тело?

Иногда мне кажется, что Тиррина, сбежав из собственного тела в мое, оставшееся на Земле, оставила мне не только своих врагов, но и прокляла напоследок. Иначе не объяснить, почему с тех пор, как она сбежала, освободившись от блока, за мной тянется шлейф неприятностей.

На остаток ночи дворецкий решил было поселить меня в графских покоях, но вовремя вспомнил, что они все еще запечатаны до возвращения хозяина. Да и невеста — еще не жена, не по статусу мне, да и не принято у высших аристократов иметь общую спальню.

— Не мучайтесь, мэйстр Чесс. Если покои секретаря еще свободны, я могу занять их.

И заодно проверю, как там поживает мой клад в тайнике.

— Что вы, миледи! — в ужасе воскликнул старик. — Негоже графине спать в крыле для слуг! Тогда уж лучше отведу вас на четвертый этаж, в малую спальню.

— Но это же покои для короля.

— Не только, моя госпожа, не только. Это апартаменты для всей королевской семьи, буде она изволит осчастливить визитом наш скромный дом. А вы, чай, не простая графиня теперь, а королевская воспитанница. Член высочайшей семьи.

— Да, точно. А почему вы сразу не предложили этот вариант?

Спина шагавшего впереди старика чуть согнулась, плечи опустились. Он остановился и отвесил поклон, пряча виноватый взгляд.

— Простите, таинэ, расстроен был, запамятовал. Мы ведь, старые люди, больше за прошлое держимся, за традиции, а семья Барренс всегда занимала гостевой флигель после того, как вы в детстве башню попортили. Вот и не сообразил. Да и старшая горничная сразу во флигель побежала прибираться. А Лин, дабы искупить вину, сомнамбул туда отправила. Недосмотрели мы за ней, моя вина.

— Мне очень жаль, что так получилось, — вздохнула я. — Пыталась ее остановить, но я еще слишком слаба в магии. И этот демон...

Дворецкий распахнул двери в королевские апартаменты, зажег светильники и ответил мне только после того, как, пропустив меня вперед, закрыл створки.

— Вот это самое странное, внучка, — добродушно подмигнул Энхем. — Да, здесь мы можем говорить свободно. Защита тут получше, чем даже в покоях у самого графа Орияра. Так вот, сама Лин никогда не смогла бы вступить в переговоры с демоном. Ее кто-то надоумил. Научил. Причем давно. А вот и свободные спальни, выбирайте.

Я указала на первую попавшуюся дверь. За ней оказалось просторное помещение с теплыми абрикосовыми обоями, щедро присыпанными позолотой. Изящная белая мебель, обилие драпировок не оставляли сомнений, что комнаты предназначены женщине.

— Надеюсь, здесь не покои королевы?

— Нет. Ее величество никогда не посещала Орияр-Дерт, и вряд ли это случится. Мы храним эти комнаты в неприкосновенности со времен бабушки Артана Седьмого, вот та королева любила Лаори-Эрль. А эта... — Дворецкий выразительно поморщился.

Я зевнула — очень уж насыщенная выдалась ночь, — и старик заторопился:

— Отдыхай, внучка. Скоро уже рассветет, а о будущей хозяйке будут судить по первому ее дню в замке. У тебя темное прошлое, но будущее только в твоих руках.

Прекрасно. Я должна думать о том, какое впечатление произвести на слуг?

— Дай мне знать, дедушка Энхем, когда вернется милорд.

— Непременно. Мне бы не хотелось без него опрашивать таинэ Ориар о ночном происшествии.

Выспалась я отлично всего за три-четыре часа. Мне снился наш великолепный замок, даже те уголки, в которых еще не успела побывать, когда числилась экономкой. Он разворачивался перед взглядом, как дивный цветок, лепесток за лепестком. И его лики отличались от тех, которые я помнила, яркостью, свежестью и мощью — Лаори-Эрль показывал себя юным и сильным.

Красовался.

Тосковал о былой силе и славе.

О какой-то непонятной мне цельности, словно он был всего лишь забытым осколком чего-то еще более прекрасного и величественного, что невысказанно даже представить.

И страдал. Страшно страдал от одиночества, длящегося тысячелетия.

И радовался, что может говорить со мной во сне, хотя бы вот так.

С этой мыслью я и проснулась. Потянулась на мягком, пружинящем ложе и... чуть не закричала от испуга: на стульчике у дверей неподвижно сидела незнакомая пожилая женщина в чепце горничной, из-под которого выбивались седые пряди. Подбородок был опущен на грудь, ладони лежали на коленях. Глаза ее были стеклянными, вытаращенными, как у куклы, и не моргали. А кожа мертвенно-желтая, словно вымоченная в формалине.

Это был труп.

На мой сдавленный вопль, придушенный ладонями, женщина резко вскинула голову. Медленно поднялась со стула и так же медленно поклонилась, расправив юбки черного форменного платья горничной.

Труп оказался говорящим.

— Миледи... — Такой глухой, деревянный голос мог бы принадлежать треснувшей цветочной кадке, если бы она заговорила. — При жизни я носила имя мэйстрес Дженни Чесс и была женой мэйстра Энхема Чесса. Сейчас я охраняю и прибираю четвертый этаж Лаори-Эрля. Дворецкий

велел помочь вам с платьем и прической.

Позволить мертвым холодным рукам трупа касаться меня? Ни за что! Никогда! Я боюсь трупного яда!

— А что мэйстрес Тимусия или ее дочь? — спросила я, невольно попятившись.

— Заболели.

Эпидемия, не иначе. Под названием «саботаж».

Утро, если оно начинается с беседы с трупом, не назовешь добрым.

Я взяла себя в руки. Аристократы даже перед мертвыми слугами должны показывать совершенное самообладание и выдержку.

— Мэйстрес Дженни Чесс, благодарю вас. Но я не могу утруждать почтенную мэйстрес еще и посмертной работой, когда в замке есть живые руки. Передайте мэйстру Чессу, чтобы отправил ко мне Белинку.

Мертвая не двинулась с места.

— Простите, госпожа, но это невозможно. Здесь запрещено появляться живым слугам, кроме дворецкого и — в случае военной опасности — командира гарнизона.

— Кем запрещено?

— Еще первым графом Орияром. И отменить запрет может только его потомок.

— А кто прислуживал королям, когда они здесь появлялись? Неужели... мертвые? — обескураженно спросила я.

— Да. Но короли обычно приезжали со своими слугами.

За время этой беседы я немного привыкла к ужасному виду бедняжки, которой и после смерти не было покоя. Но этот запах! Почему я раньше не замечала, что в Лаори-Эрле пахнет мертвечиной? Ведь я знала, что граф использует мертвых, но они не попадались мне на глаза и никаких следов некромантии я не встречала.

— Ясно.

— Если вы позволите, ваше сиятельство, я кое-что объясню. — Бесстрастные глаза не мигая следили за тем, как я взяла расческу и провела ею по волосам.

— Что именно?

— Я в некотором роде голем, миледи. Мой бывший муж похоронил мое прежнее тело и создал новое из глины и воска как вместилище для моего духа.

Удивительно, но сладкий трупный запах мгновенно исчез после этих слов, а вместо него появился тонкий медовый аромат. Вот что значит самовнушение!

Впрочем, големам я доверяла столько же, сколько поднятым трупам. Ни то, ни другое не имело своей воли. Я отложила расческу и строго посмотрела на отражение служанки в зеркале.

— И все же, мэйстрес Дженни, я не буду повторять второй раз сказанное мной. До тех пор, пока милорд не решит проблему с моей горничной или не будут готовы мои покои, я освобождаю вас от обязанности помогать мне.

— Как будет угодно миледи. — Голем жены дворецкого медленно поклонился и ушел на негнущихся ногах.

Надо ли говорить, что через пять минут я уже проклинала свою брезгливость? С принесенным Дженни платьем оказалось невозможно справиться без подсказки и второй пары рук.

Отшвырнув платье с немыслимым количеством юбок, шнурков и крючков, я принялась обшаривать покои. Может, в штору завернуться? В шелковую простыню? Впрочем, комнаты были настолько женскими — даже туалетный столик с пудреницами и духами имелся, — что я не сомневалась: где-то должна быть и гардеробная.

Она обнаружилась за ширмой в углу. Небольшая дверца вела в просторную светлую комнату с зеркалами, вешалками и манекенами для особо нарядных платьев, давно вышедших из моды. Казалось, здесь собраны одеяния всех эпох. И главное — некоторые были совсем простого покроя, зато с роскошными вышитыми и инкрустированными драгоценностями поясами. Такое и я смогу надеть без посторонней помощи.

Особенно мне понравилось перламутровое струящееся платье, словно сотканное из лучей нежного утреннего солнца. Никакой отделки, только драгоценная ткань и элегантный покрой. К эффектной внешности Тиррины оно бы очень подошло.

Но я выбрала другое, почти в цветах графского герба Орияров — серебряное с фиолетовым лифом, которое подчеркнуло бы мой новый статус таинэ Орияр. А обязательный черный штрих добавила, повязав черный пояс. Символично. Черный пояс — высший в единоборстве — я, можно сказать, заслужила, выдержав три года борьбы в ином мире. Разве я не мастер по выживанию?

Пока я мерила платья и переодевалась, поняла, наконец, что меня так сильно поразило в словах горничной-зомби, что даже естественный для любого живого и разумного человека страх почти прошел. На мой вопрос, кем запрещено появляться здесь живым слугам, Дженни ответила: «Еще первым графом Орияром. И отменить запрет может только его потомок».

Потому что этот запрет пахивал скрытым бунтом. Или насмешкой. В любом случае его сложно оправдать мерами безопасности высочайшей персоны королевства.

А что я знала из истории войны Верхнего и Нижнего мира? Что первый граф Ориар был демоном. И не простым, а чуть ли не повелителем своей сферы, граничившей то ли со всей Айэрой, то ли только с Риртоном. Он попал в плен и предал своих — перешел на сторону врага, получил унижительный графский титул. И пусть титул был дарован вместе с рукой королевской сестры, но не ответил ли бывший повелитель демонов на эту подачку своеобразным унижением риртонского короля?

И то, что ни один потомок не отменил запрет на живых слуг, тоже о многом говорило.

А озноб, пробежавший по позвоночнику, подсказал, что я догадалась о чем-то очень важном. Я давно заметила за собой такую особенность. И еще знала точно: мой отец точно так же ёжился, когда переживал озарение. Правда, у него это касалось только бизнеса.

Наконец я справилась и с прической, и с одеянием, и с чувствами.

Позвонила в колокольчик. Явившейся на зов бедняжке Дженни велела сообщить мэйстру Чессу, что я готова принять приветствия всех жителей замка, и выразила надежду, что мэйстрес Тимусия с дочерью уже поправились. Ведь крепость Ориар-Дерт всегда славилась своими лекарями, способными и мертвых поставить на ноги.

Жаль, что мой парадный выход как будущей хозяйки Ориар-Дерта состоится без поддержки Ворона. За неделю, проведенную во дворце, я привыкла к его постоянному — за исключением ночей — присутствию в пределах видимости.

Сразу за дверями меня встречал дедушка Энхем, нарядившийся в праздничную ливрею с гербами Ворона, и командир гарнизона Гринд, тоже в парадном мундире с генеральскими и магическими нашивками.

— Миледи, мы рады приветствовать вас в крепости Ориар-Дерт.

Никакой радости на лице вояки я не заметила, равно как и на мрачных физиономиях всех без исключения магов, рыцарей и слуг, толпившихся внизу лестницы. Маги, за исключением лекаря и архивариуса, смотрели кто опасливо, как на ядовитую букашку, кто презрительно. А лекарь с товарищем — подчеркнуто равнодушно.

Кухарка, полудемоница Шой, и вовсе отвернулась, сверкнув ненавидящим оком.

Мырма Тимусия с дочерью стояли картинно-белые — наверняка

мешок муки на себя вытряхнули, поддельвая болезненную бледность — и делали вид, что с трудом держатся на ногах. Белинка так низко опустила голову, что ее лица и не разглядеть под пенными кружевами чепца.

И только искренняя улыбка зеленоглазого Кенза светилась, как одинокая свечка среди надгробий на ночном кладбище.

Я сделала попытку улыбнуться, но мышцы лица вдруг воспротивились как чужие, и, похоже, ухмылка вышла несколько зловещей.

— Я потрясена вашей радостью и приветливостью, — с легким удивлением услышала я свой звонкий и весьма ехидный голос.

И ничего не могла поделать: мне до жути хотелось бросить камень в эту молчаливую неприязненную стену. И никакое благоразумие и мысленный пинок, что графине не пристало такое поведение, не помогли.

Меня завела эта демонстративная неприязнь и даже нескрываемая ненависть. Как бы ни насолила им Тиррина, она была лишь жестоким ребенком, а эти взрослые и даже старые люди и маги собрались ей мстить? Благо Ворон далеко и не видит, а Тиррина, как уже всем известно, лишилась магии?

Сколько чужого зла мне придется исправить! — вздохнула я.

Но сначала нужно поставить себя так, чтобы никто не смел даже помыслить о мщении или неповиновении.

— Сэр Гринд, вы осведомлены о моем новом статусе в этом доме?

— Так точно.

— Тогда почему вы не объявили об этом во всеуслышание? Вы, как первый после лорда Орияра в его отсутствие обязаны сделать это по всем правилам. Предоставляю вам второй и последний шанс.

Стервами не рождаются. Их бережно выращивает окружение.

— Простите. — На щеках сэра рыцаря вспыхнули алые пятна. Аллергия на Тиррину, не иначе. — Леди Барренс, таинэ Орияр, мы рады приветствовать вас в замке Лаори-Эрль. Отныне это и ваш дом, как и вся крепость Орияр-Дерт.

— Принимаю, сэр рыцарь. — Я протянула ему затянутую в перчатку руку, подхватила юбку и, поддерживаемая рыцарем, двинулась к ступенькам. — Вы, наверное, уже извещены, что я потеряла память. Я, увы, не помню ничего и никого, и ваше имя знаю лишь из-за ночного происшествия. Прошу вас представить мне остальных присутствующих.

— Слышали? Она называет смерть Лин всего лишь происшествием! — прошипел кто-то из слуг.

Я постаралась запомнить имя, когда мне его представил сэр Гринд: Кайо Брис, помощник конюха, сирота. Серые волосы, на удивление

серокожее лицо, какое бывает у затворников, но никак не у помощников конюхов, серая мешковатая одежда на нескладной тощей фигуре. Ничего особенного внешне: отвел глаза и забыл. Может, ему нравилась Лин как женщина? Может, он мечтал о ней?

Не имеет значения.

Стоя на возвышении, я обвела взглядом людей и магов. Их было не больше трех десятков. Ничтожно мало для такой огромной крепости, как Орияр-Дерт, и ее главного замка Лаори-Эрля. Правда, гарнизон был представлен одним человеком — сэром Гриндом. Остальные были заняты в карауле или отдыхали после смены, и их сон командир не считал нужным тревожить из-за очередной графской нареченной.

И только сейчас, в этот миг я могла сделать решающий шаг, и если не обрушить, то расшатать эту стену. И еще одна задача была у меня, куда более важная.

Поймав неприязненный взгляд главной кухарки, душевной тетушки Шой, я решилась.

— Три года назад Небеса дали мне шанс начать новую жизнь, — сказала я тихо, словно размышляла вслух, а не держала «тронную речь». — Без магии, без семьи. Когда я лежала обгорелым полутрупом, много дум передумала. Наверное, это расплата за то, что раньше виконтесса Тиррина Барренс жила без сердца. — Отступив на шаг к стене, я провела ладонью по резной раме волшебной картины. На ней царило затишье перед грозой — хмурое небо с набухшими тучами готово было обрушиться дождем и громом над серыми холмами. — Ничего не вернуть, что было отнято. Ни добра, ни зла. Но Небеса подарили мне новую семью и возродили сердце. Значит ли это, что они меня простили? А если простили Небеса, то простят ли люди и Лаори-Эрль?

И вдруг картина ожила под моими пальцами, озарилась солнечными лучами, брызнувшими из-за туч. Серые холмы расцвели красками, а на самом высоком взметнулись знакомые контуры Лаори-Эрля.

Слуги ахнули. Белинка подпрыгнула от неожиданности, а кухарка Шой вздрогнула и отвела глаза, но я успела заметить, как ненависть в них сменилась изумлением.

А дедушка Энхем незаметно погладил стену позади себя, словно кошку. Молодец, мол.

«Спасибо, сокровище мое, Лаори-Эрль», — улыбнулась я про себя.

— Простим, госпожа, — поклонился дворецкий.

А следом, — неохотно, мучаясь сомнением, — эхом откликнулись и поклонились слуги. Но это были лишь слова. А взгляды обещали:

«Посмотрим. Может, опять лжешь, притворщица».

Конечно, я не надеялась на народную любовь. Дешевый популизм — не наш метод. Все было затеяно ради пары взглядов, которыми украдкой обменялись двое: сероволосый конюх Кайо Брис, которого я старалась не выпускать из виду, и дочь архивариуса Тиа. Я бы не придавала переглядываниям большого значения, если бы не помнила, что Тиа и Лин были подружками. А Энхем был уверен, что Лин действовала не самостоятельно.

Кто? — скользнула я взглядом по согнутым в поклоне спинам и головам. Кто из вас — кукловод, игравший големом Оллой и даже некроманткой Лин? И почему Дэйтар, если он такой сильный маг, не может вычислить врага в своем гнезде?

Глава 12

ПЕРВЫЙ БОЙ ТАИНЭ

Дэйтар все не возвращался, и это обстоятельство заставляло нервничать. Не потому что я чего-то боялась в его отсутствие. Хотя да, боялась. Я чувствовала себя загнанной в ловушку и не понимала, как бежать из Орияр-Дерта, если что-то случится непредвиденное. Да и куда?

— Вы ведь поддерживаете связь с милордом? — спросила я у Энхема, выразительно глянув на чеер в его ухе — серьгу с заговоренным черным камнем, через который некроманты могли держать связь друг с другом. Точнее, не через сам камень, а через заключенный в нем дух.

— Увы, миледи. С тех пор как его сиятельство ушел порталом, он не давал о себе знать и не отвечает на мои обращения.

— Это означает, что-то случилось... плохое?

— Необязательно. У графа, как Черного Ока его величества, слишком много обязанностей при королевском дворе, бывало, милорд неделями забывал о доме, если не случалось чего-нибудь экстренного или особенного.

Но разве таинэ это не особенный случай? — нахмурилась я, но промолчала. Посмотрела по сторонам. Пусто. Даже стражи нет, сэр Гринд почти всех забрал для охраны рубежей от демонических вылазок. Нижние пока не нагнали, но, как ворчал вояка, потеря сильной магички Лин Игви ослабила наши позиции.

Слуги после утреннего представления разбрелись по своим делам. Шой занялась подготовкой к праздничному обеду, горничные убежали приводить в порядок покои невесты, так не вовремя разгромленные Лин. Или, наоборот, вовремя? Откуда некромантка могла знать, что Дэйтар вернется с невестой именно в тот вечер? Мы и сами не подозревали, что покушение выбросит нас в Нижний мир, а оттуда... Стоп. Демоны. Только они могли знать, где мы находимся. А Лин была связана с демоном, якобы заключенным в зеркало Тиррины. А это значит, что все это — звенья одной цепи, опутавшей Дэйтара и теперь меня, как его таинэ.

— Мэйстр Чесс, проводите меня в библиотеку, — попросила я и очень тихо поинтересовалась: — А кто обычно сопровождает графа Орияра в Нижний мир, например, на переговоры?

— Корпус лучших королевских магов. Не меньше десятка магистров,

половина из которых — белые, миледи.

— Очень напоминает конвоиров. Короли Риртона настолько не доверяют своим родственникам и вассалам Ориярам?

— Они настолько не доверяют демонам, госпожа. Спускаться в Нижний мир милорду одному — это безумие, учитывая ненависть демонов к роду Воронов, которая не угасла за тысячи лет. Без охраны его сразу попытаются растерзать.

Что-то не заметила я особой жажды убийства со стороны Нижних. Наоборот, мне показалось, они пытались вступить в переговоры.

— А что будет Дэйтару за визит в Нижний мир без конвоя? — спросила я.

Энхем побледнел, нервно дернул пушистую бакенбарду.

— Если он вернется живым, этот визит будет считаться нарушением тысячелетнего договора. Если будет доказано, что визит состоялся по доброй воле, а не вследствие трагической случайности или похищения, графу грозит казнь за измену. Но почему вы спрашиваете, миледи?

Значит, Ворон не счел нужным сообщить о наших приключениях дворецкому или не успел. Но больше мне узнать не у кого. Мне придется почти во всем полагаться на Энхему, пока единственного моего союзника в замке.

И я кратко рассказала о двух наведенных порталах — в карете и в королевском парке, — из-за которых Дэйтар стал невольным клятвопреступником.

— Единственная его вина, что он вернулся во дворец лишь после того, как отвел меня в Ориар-Дерт, — закончила я. — Но я не понимаю, почему меня до сих пор не вызвали к королю как свидетельницу?

Дворецкий остановился как громом пораженный.

— Простите, госпожа, — пробормотал он. — Мне надо проверить каналы связи с замком. Вчера оказались испорченными не только покои таинэ, но и арка личного королевского портала. Вполне может быть, это не все неприятности.

— Ступайте, мэйстр Энхем, я сама доберусь в библиотеку.

— Нет, нет, миледи! — Старик дотронулся до чеера и заговорщически подмигнул. — Вы же потеряли память, можете заблудиться в наших лабиринтах. Сейчас подойдет сэр Кенз и сопроводит вас.

Мой бывший партнер по бизнесу примчался менее чем через минуту.

— Госпожа, к вашим услугам, — поклонился рыцарь так низко, что светлая челка растрепалась и свесилась на лукавые зеленые глаза.

— Разумеется, сэр Кенз, — холодно произнесла я, поймав

выразительно долгий взгляд парня, брошенный на мой помолвочный перстень. — Ступайте, Энхем. Доложите мне о результатах проверки.

— Непременно, миледи, — откланялся дворецкий и удалился с такой поспешностью, что рыцарь в изумлении поднял бровь.

Едва старик скрылся, Кенз выпалил:

— Миледи, могу я спросить?

— Можете.

— Что делать с боевыми петухами?

— Какими петухами? — Я еще не выработала свою линию поведения с этим чересчур догадливым прохиндеем, потому решила от всего отпираться, даже если припрет к стенке. Помнила я этот хитрый и понимающий взгляд Кенза, брошенный на мое кольцо, когда оно еще было на руке Тайры Вирт.

— Боевыми, — растерянно моргнули зеленые глаза. — Бывшая домоправительница собиралась их дрессировать и устраивать петушинные бои, но мэйс Вирт покинула замок неделю назад и никаких распоряжений насчет своих питомцев не оставила. Бросила на меня птичек, а я не знаю, чем их кормить. Мэйс Вирт говорила, что у боевых петухов особая диета.

— Но вы чем-то их кормили эти дни?

— Рубленным мясом, они же хищники. Но мэйс Вирт упоминала какие-то специальные травы.

— Вы полагаете, сэр Кенз, эта проблема сейчас для меня самая важная, чтобы ее решать прежде всех других дел? — Я склонила голову набок, с интересом наблюдая, как появляются красные пятна на лице рыцаря.

— Полагаю, да, — кивнул он. — Окна ваших новых покоев как раз выходят на птичник, а мы уже неделю тут недосыпаем из-за этих треклятых птиц! Они орут почище демонов, причем каждые четыре часа. В окрестных деревнях коровы доиться от страха перестали, а свежее молоко необходимо Шой для утреннего пудинга. Да и сомнамбулы хуже себя чувствуют, беспокоятся.

А вот это уже интересно. Жертвами ментальных атак демонов стали почти все девушки Ориар-Дерта от шестнадцати до двадцати пяти лет только потому, что несчастные теоретически могли стать невестами графа. По всей видимости, аристократические родословные для демонов ничего не значили, и они насылали сонное заклятие на любых особ женского пола и подходящего возраста. На что только они не шли, чтобы оставить Дэйтара без невесты из Верхнего мира!

Огромная крепость, состоявшая из множества зданий, лишилась почти

всей женской прислуги. Остались только те, кому некуда идти, да преступницы, сосланные в Орияр-Дерт на каторгу. Правда, в главный замок их не допускали. Лин Игви была исключением.

Сомнамбулы не реагировали ни на что, кроме магических приказов менталистов. Еще ими можно было управлять с помощью амулетов, созданных магами Ворона. Если бы не приказы извне, девушки попросту умерли бы от истощения, так как они даже есть не могли без приказа, только дышать и бесцельно бродить по замку, рискуя свернуть себе шею.

И вот — впервые жертвы начали проявлять признаки самостоятельной жизни!

— А теперь подробнее, сэр Кенз, насчет сомнамбул, — ухватила я за мелькнувшую мысль. — В чем выражается их беспокойство?

Через пять минут его рассказа я решила, что библиотека с архивариусом могут и подождать, а вот если нам удастся снять с несчастных девушек сонное проклятие с помощью дивных риртонских петухов — лучшего свадебного подарка я не могла бы преподнести своему жениху, да и самой себе. В конце концов, даже на Земле считалось, что петушиный крик прогоняет нечистую силу.

Правда, эти огромные, как орлы, радужно-яркие птицы, которые в мире Айэры назывались «петухами», не кукарекали, а истошно орали, переходя в ультразвук. Но это даже сильнее должно подействовать на демонов!

— Сэр Кенз, — спросила я, — кто в замке кроме Лин Игви руководил сомнамбулами?

— С помощью амулетов любой мог это делать, необязательно маг. Даже домоправительница Тайра Вирт.

Мое предыдущее имя рыцарь произнес с нежной дрожью в голосе, да еще и подмигнул и опять красноречиво покосился на мое кольцо-артефакт. Но я сделала вид, что не понимаю его двусмысленных намеков.

— А без амулетов только менталисты могли управлять спящими?

— Тут чистый менталист не справится, — посерьезнел Кенз, — эту магию можно применить только к живому существу, находящемуся в полном сознании. То есть погрузить разум в сон они могут, а вот управлять — тут уже другого рода магия нужна. Власть не столько над разумом, сколько над душой. Это уже ближе к некромантии, миледи.

— А Лин была некроманткой.

— Очень сильной, — кивнул Кенз.

— А некроманты могут создавать записывающие амулеты?

Ответом мне был взгляд, полный недоумения, и я спохватилась. Кенз

не должен догадаться о том, что я — душа чужого мира. Этот вопрос я задам Дэйтару.

— Если вы имеете в виду самопишущее стило, то оно уже существует, госпожа. — Взгляд рыцаря был полон жалости.

— Сэр Кенз, мне нужно, чтобы сомнамбулы непрерывно слышали петушиный крик, пока не свихну... не проснутся.

Веселая усмешка мелькнула в зеленых глазах и исчезла. Рыцарь в задумчивости взъерошил светлый чуб.

— Это невозможно, увы, — вынес он вердикт.

Теперь задумалась я, облокотившись на перила лестницы, на площадке которой мы застряли. Отсюда великолепно просматривались коридоры, и никто из слуг не мог нас подслушать. Только маги или сам Лаори-Эрль. А у замка ушки были на макушке, судя по яркости картин, висевших между стрельчатыми окнами лестничной площадки.

Я перевела взгляд на радостный живой пейзаж с лесной опушкой, по которой разгуливал, топорща яркий шипастый гребень и щелкая зубастым клювом, хищный риртонский петух, больше похожий на птеродактиля, чем на птицу. Кстати, о хищных птицах...

— А если девушек поселить поблизости от вольера?

— Не поможет. Петухи кричат четырежды в сутки. Дважды на рассвете и дважды на закате. Девушки в перерывах успевают успокоиться и засыпают еще глубже.

— А если птиц не кормить?

— Не поможет. Они кричат не от голода, а встречают и провожают световой день.

Световой день... Да, это идея!

— А если на птиц надеть непроницаемые колпачки и снимать поочередно, со смещением на час? А по ночам зажигать яркие магические светильники? Тогда для каждого петушка рассвет будет наступать в заданное нами время. Мы можем организовать непрерывный шум. И без всякой магии, не считая светильников.

Зеленые глаза округлились от восхищенного изумления.

— Потрясающе, миледи! Это может сработать. Но кто будет надевать на диких птиц колпачки? И главное, как их закрепить?

Воодушевленная собственной гениальностью, я снисходительно посмотрела на мужчину.

— Как кто, сэр Кенз? Конечно, маги! У нас их целый гарнизон. А наши петухи какие? Боевые! Значит, мы поручим эту военную операцию сэру Гринду.

Представляю, как бритоголового удар хватит!

— Делать нам нечего, только петухам колпаки надевать! — грозно фыркнул командир гарнизона. — Миледи, при всем почтении, но вы пока не в том статусе, чтобы командовать мной и моими рыцарями.

Он обвел взглядом согласно кивавших боевых магов, сидевших за овальным столом в зале совещаний, и довольно усмехнулся. С Гриндом согласились даже три графских лекаря и архивариус. Лишь дворецкий хмурился, отрицательно качнув головой, да мой бывший партнер по бизнесу скромно потупил глаза, воздержавшись.

Я восседала в графском кресле с высокой спинкой, другого места тут не было предусмотрено. Все места за столом были строго ранжированы. Напротив вольготно развалился на стуле мой главный оппонент. По мою правую руку расположились его лучшие рыцари, по левую — остальные маги замка.

Кто-то из них, возможно, предатель. И он постарается сорвать мои планы.

Я велела Кензу молчать об истинной цели птичьих колпачков, подала это как прихоть скупающей невесты, чем вызвала бурю негодования среди магов.

— Мой таир на время своего отсутствия оставил меня хозяйкой Ориар-Дерта со всем его населением. Поэтому, сэр Гринд, ваше неподчинение моим приказам — это бунт не только против меня, но и против его сиятельства.

Повисло тяжелое молчание. Вояка-бунтарь побледнел.

— Это можно и так трактовать, было бы желание, но я взываю к вашему разуму, миледи, — отмер он наконец. — Вы принуждаете нас отвлечься от охраны и расходовать силы на какие-то фокусы. И как раз этой малости может не хватить в случае внезапной атаки Нижнего мира или... — Он осекся и опустил глаза.

— Договаривайте, сэр, здесь все свои.

— Или если все наши силы потребуются нашему господину, — выдохнул Гринд.

— Королю Артану Седьмому? Разве у него своих войск мало? — вскинула я бровь, прекрасно догадавшись, что Гринд имел в виду Ворона. Но в Риртоне не знали феодального закона нашего мира «вассал моего вассала — не мой вассал», здесь все рыцарство подчинялось королю как единственному сюзерену, аристократия играла лишь роль высшего командного звена. Разумно, кстати, во избежание междоусобиц. — Нет-нет, уверяю, что король ни при каких обстоятельствах не будет оголять защиту

Орияр-Дерта. К тому же у нас возникли проблемы связи с дворцом. Кстати, я хотела бы услышать доклад. Чуть позже. Так кто у нас займется птичками?

— Но зачем, миледи? — взмолился командующий и вытер платком заблестевшую от пота бритую голову.

— Хочу! — кокетливо воскликнула я и даже ножкой притопнула. Пусть лучше меня сочтут капризной стервой, чем затаившийся среди своих враг что-то заподозрит. Как знать, может, он присутствует в этом кабинете. — Решайте сами, господа маги. Я не вижу от содержания такой оравы большой пользы. Либо вы вытираете пыль и моете окна, так как горничных у нас почти нет, либо делаете мне «петушиные часы», чтобы они оповещали криком каждый час. То есть надеваете колпачки на птиц и снимаете. Это развеет мою тоску по графу.

«Самодурка! Как была, так и осталась», — неожиданно прозвучало в голове со всей отчетливостью. Я в это время крутила в руках серебряное стило, украшенное россыпью разноцветных камней всех цветов радуги. И черными, разумеется, куда же в замке Ворона без агатов и... чееров? А чееры — камни обратной связи. Если услышала я, то и мои мысли может кто-то подслушать!

Поспешно отбросив самописку, я стиснула пальцы.

— Итак, решайте, господа. Кто готов уделять уборке свое драгоценное время? Бытовые заклинания знают все маги, для этого простейшего уровня не нужна магистерская степень.

— Лучше уж петухи, — проворчал магистр Дэниш, который встречал меня у ворот крепости, когда я носила личину Тайры Вирт. — Полчаса времени зараз, и свободны.

— Всего-то?

— Может, час. Остается только подобрать как-то к плотоядным птичкам, чтобы навесить заклинания. Усыпить придется.

— Вы возьметесь, мэйстр Дэниш?

— Моя смена у верхних врат через три часа. Возьмусь, если мне дадут помощников для отлова птиц.

— Сэр Гринд? — Я посмотрела в упор на командующего.

Тот вздохнул:

— Сколько?

— Двоих, не меньше, — заявил Дэниш. — Не понимаю, зачем милорд повелел притащить этих редкостных чудовищ, да еще в таком количестве?

— Говорят, северяне используют их для отпугивания нежити, — сообщил Кенз. — Приручим и проверим. Может, и найдем применение,

Дэниш. Милорд напрасных приказов не отдает.

Ах, милорд? Примазаться решил! Прикусив губу, чтобы не выдать охватившего меня негодования, я сверлила глазами пройдоху Кенза, но он срочно заинтересовался своим сломанным ногтем.

— Что ж, думаю, миледи, ваш каприз сослужит и добрую службу, — подсластил пилюлю сэр Гринд. — По одному петуху будет легче приручить. Это стайные птицы.

Значит, у нас будут командные бои, — мысленно потерла я ручки.

— Отлично! — воскликнула я. — Видите, сэр Гринд, никаких сложностей. Теперь нам нужно решить вопрос о переселении ваших сомнамбул подальше с глаз. У нас с милордом скоро свадьба, я не могу позволить, чтобы по замку бродили спящие девицы. Если их увидит кто-либо из высоких гостей, это будет скандал.

— Хорошо, переселим их в какой-нибудь пустующий дом, их теперь много в крепости.

— И все они далеко от главного замка, а девушки нужны для уборки, раз уж маги не хотят помогать мэйстрес Тимусии содержать Лаори-Эрль в чистоте. Да и следить за сомнамбулами нужно, мало ли что. Нет, не годится.

— В подвалы? — предложил женоненавистник Гринд.

— Я не чудовище, чтобы обрекать их на такую участь.

В глазах рыцаря читалось «именно что чудовище», но он промолчал.

— Я видела из окна, что на заднем дворе между птичьими вольерами и конюшнями есть какое-то небольшое здание. Что там?

— Сейчас оно пусто. Это бывший склад, миледи.

— Чудесно. Мэйстр Чесс, — обратилась я к дворецкому. — Распорядитесь привести строение в порядок и переселить туда сомнамбул. Освобождаю вас на сегодня от других задач, но чтобы к вечеру все было готово. Там девушки будут и вне замка, и совсем рядом, если понадобятся их услуги.

— Одни? Без защиты? — вскинул бровь командир гарнизона.

— Защитить их — ваша обязанность, сэр Гринд. Караул поставьте. Или магического сторожа. У мэйстра Дэниша получается замечательная защитная сеть, поручите ему ее создание.

Гринд только крикнул, но гневную тираду проглотил, побагровев, как перезрелый помидор.

Дворецкий степенно кивнул:

— Будет исполнено, госпожа.

— В таком случае приступайте, господа маги. Сэр Гринд, задержитесь.

Когда все откланялись, командир гарнизона тоже поднялся, но демонстративно уйти не решился. Я показала ему на кресло. Подождала, когда взбешенный вояка успокоится, и очень тихо сказала:

— Мы теперь одна семья, сэр Гринд, как бы вы ко мне ни относились. Если, конечно, Лаори-Эрль и для вас стал домом и семьей. А потому давайте договоримся: сегодня был первый и последний раз, когда вы поставили мои распоряжения под сомнение в присутствии третьих лиц, кроме графа Ориара. Найдите другой способ сообщить мне о своих сомнениях в правильности моих решений, или я потребую вашей отставки не только у графа, но и у моего опекуна, короля Артана Седьмого.

Вояка побледнел, сжал лежащие на столе кулаки так, что побелели пальцы.

— Шантаж всегда был излюбленным вашим методом, леди Тиррина.

— Я ничего не помню о себе, сэр Гринд, и тем более о моих прежних методах. Я сейчас — чистый холст. И теперь все зависит от людей, которые меня окружают. От того, какой они хотят меня видеть. А что меня окружало? Три года жизни под домашним арестом, три года издевательств над «гадюкой с вырванным жалом» моего жадного двоюродного братца и его матушки, эти три года не добавили мне доброты.

— Может, все дело в том, что вы не умеете быть доброй? — скептически хмыкнул вояка.

— Умению можно научить. Никто не рождается добрым или злым. Душа как зеркало, она отражает тех, кто в нее смотрит. Я надеялась, что Дэйтар и его прекрасный Лаори-Эрль помогут мне стать лучше, раз уж Небеса даровали мне вторую жизнь. Но теперь вы, сэр рыцарь, именно вы вынуждаете меня заново учиться злу. Ваша память не хочет видеть меня иной — не темной, а светлой, не злой, а доброй. Вот и Лин Игви не хотела. Что или кто внушает вам такое ко мне отношение?

На осунувшемся лице рыцаря выразилось смятение, но он еще не сломался. Не так легко преодолеть последствия дурного характера Тиррины Барренс. Я произнесла с задушевной интонацией, но ударила жестко:

— Знаете, кто не дает мне покоя, рыцарь Гринд? Вы. Именно вы много лет отвечаете за безопасность замка, но даже сердце Ориар-Дерта, замок Лаори-Эрль постоянно в опасности. И не снаружи, а изнутри. Вы допустили появление сомнамбул, вы уже трижды позволили случиться несчастью с невестами графа, вы прошляпили голема Оллу и изменения в психике вашей подчиненной, магички Лин Игви. Но самое ужасное — вы, кому мой таир доверял, как самому себе, не заметили, что повреждены все

системы связи замка с Верхним миром. Они ведь повреждены, не так ли?

— Не совсем, — выдавил рыцарь, снова покрасневший, как вареный рак.

— Что значит — не совсем? Совсем, если до сих пор не явился мой учитель, магистр Нейсон, который королевским указом обязан находиться рядом со мной и Дэйтаром для... — Я вовремя придержала язык. Не стоило Гринду знать о моих ментальных талантах. — Для контроля за процессом брачной адаптации. Где сейчас его светлость, вам известно?

— Он не откликается.

— И вас это не беспокоит?

— Бывало и дольше не откликался. Значит, занят.

— А если ему угрожает опасность?

— Не думаю. Лаори-Эрль спокоен.

Я задумалась. Побарабанила пальцами по столешнице и спохватилась, заметив слегка удивленный взгляд командующего. Видимо, такой привычки раньше у Тиррины не было. Убрав руки на подлокотники, я спросила:

— А может ли спокойствие замка объясняться тем, что и сердце Лаори-Эрля экранировано от внешнего мира и, следовательно, от того, что происходит там с графом?

Удивление усилилось.

— Может. А вы действительно изменились, ваше сиятельство, — сказал рыцарь. — Раньше вас только обрадовало бы отсутствие хозяина замка, чтобы ничто не мешало вам устраивать тут мелкие и крупные пакости.

Я пожала плечами:

— Раньше Дэйтар не был моим женихом, теперь нас связало благословение Небес, а крепость Ориар-Дерт стала моим домом. Только глупец будет разрушать стены своего дома, а я никогда не была душой.

Гринда передернуло, но он быстро стер брезгливость с лица.

— Может, миледи, — это ответ на ваш вопрос.

Интересно. Значит, для него благословение Небес — всего лишь предположение? Ну да, учитывая, с какой легкостью кто-то избавился уже от трех невест графа. И ведь Гринд ничего не ответил на мои обвинения в защите, точнее, беззащитности замка. Даже не возмутился.

Это надо было обдумать.

— Так мы договорились, сэр Гринд, что вы прекращаете демонстрировать вашу неприязнь в присутствии третьих лиц и оспаривать мои приказы? А я постараюсь прислушиваться к вашему мнению в

вопросах безопасности крепости. Если, конечно, вы завоеуете мое доверие в этих вопросах. Пока у меня нет причин доверять вам. Поэтому, пока выполняются, как вы изволили выразиться, мои капризы, я лично прослежу за тем, как вы восстанавливаете амулеты связи и порталный зал.

— Вы? Что вы можете там понять? Вы уже не маг! — Рыцарь снова побагровел от негодования.

— Ничего страшного. У меня теперь новые методы.

— И какие же?

Я рассмеялась. Так я ему и призналась. Вряд ли он предатель — не дурак же Дэйтар, чтобы назначить на такую должность непроверенного сердцем Лаори-Эрля мага. Но Гринд может вольно или невольно кого-то покрывать или слишком кому-то доверять. Иначе я не могу объяснить, почему Ворон до сих пор держит этого рыцаря, после стольких провалов.

— Ум, наблюдательность и логика, сэр Гринд, — ответила я. — Магия — это не все возможности человека. Тиррина Барренс была лучшей ученицей Школы Ока не только из-за силы темного дара. Пусть я лишилась его и памяти о прошлом, но мой ум при мне.

В пристальном взгляде Гринда явственно прочиталось «к сожалению».

— Мы начнем с портала, командующий. — Я поднялась и вышла из-за стола. — Если крепость кем-то экранирована от внешнего мира, может быть, граф Орияр просто не может вернуться домой через портал и вынужден искать обходные пути или пробивать новый переход.

— Неужели вы думаете, что мои люди бездельничают? Порталом и прочим мы занимаемся со вчерашнего вечера.

— Тогда идемте, посмотрим на успехи ваших подчиненных.

Глава 13

СТЕНА

Я действительно ничего не понимала ни в амулетах, ни в порталах, ни в магических манипуляциях, необходимых для их восстановления. Но у меня было тайное оружие — ментальная магия. И еще способность видеть магические узоры заклинаний, любые — замаскированные, зашифрованные и скрытые завесой отвода глаз.

И еще привычка к систематизации знаний, вдолбленная в универе.

Потому мне не было нужды разбираться в магических тонкостях. Я рассчитывала просто наблюдать работу магов, фиксировать изменения в узорах, если они будут. Если предатель приложит руку к «ремонту» амулетов или портала, наверняка его работа будет отличаться от остальных. И, не зная о моих способностях, он не будет таиться. Это был хороший шанс вычислить негодяя.

Но мы едва успели дойти до порталной башни, Гринд вдруг дернулся, зашипел и схватился за мочку уха, украшенную чеером. И замер, хмурясь и кусая губы. Выслушав невидимого собеседника, рыцарь попробовал откланяться:

— Прошу прощения, миледи. Вас проводят к portalу, а мне необходимо спуститься на нижний ярус. Демоны нынче чересчур активны.

Не тут-то было!

— Я с вами, — заявила я.

— Невозможно!

— Почему?

— Там опасно. Я не могу рисковать вашей жизнью или разумом.

— Сэр Гринд, сколько веков Орияр-Дерт успешно обороняется от атак? Отчего вы решили, что именно сегодня демонам удастся прорвать оборону?

Вояка смутился на миг, но непреклонно отказал:

— Тем не менее, миледи, одна из предыдущих невест получила ментальный удар именно на такой, с позволения сказать, прогулке. А ведь в тот миг было затишье, поэтому милорд уступил ее любопытству.

— Я приказываю, командующий, — выложила я последний козырь.

Он мученически, душераздирающе вздохнул:

— Милорд меня убьет!

— Не переживайте. Он в любом случае вас убьет, если узнает подробности гибели Лин Игви, — усмехнулась я. — Проворонить демона, сидевшего три года в самом Орияр-Дерте, — это уметь надо!

Победа! Рыцарь молча развернулся и, впечатывая шаг в камень плит, двинулся к неприметной серой дверце в конце коридора. Снял магическую печать, распахнул ее и посторонился, пропуская меня вперед. За дверцей оказалась круглая площадка, испещренная символами.

Я не заметила, последовал Гринд за мной или нет — стоило ступить внутрь каменного круга, он беззвучно ухнул вниз, как в пропасть. Дыхание перехватило, а в теле появилось ощущение невесомости. Хорошо, что я в прошлой жизни привыкла к лифтам, удалось сдержать вскрик. Вот только площадка не соприкасалась со стенами: между ними виднелся зазор в локоть. Может быть, она устроена, как поршень в шприце? Боже, о чем я думаю!

— Потрясающее самообладание, — прокомментировал за спиной хриплый голос Гринда.

Я резко развернулась.

Командир гарнизона возвышался в шаге от меня и держал руку на эфесе меча.

— Вы и в этом изменились, миледи. Раньше вы визжали каждый раз, когда приходилось пользоваться летающей платформой.

— Жаль, что потеря памяти — только мое счастье. Иногда хочется чуть убавить воспоминаний и у других, — криво усмехнулась я. — И часто я услаждала ваш слух визгом?

— При каждом визите. Ваш отец потакал всем вашим капризам, а вы рвались испытать свои таланты темного мага. С одной стороны, мне, как боевому магу, даже жаль, что вы потеряли дар. Здесь бы он пригодился. Потому и спускались вам с рук ваши преступления, что вы были маленьким злым гением Риртона. Даже королева закрывала глаза на ваши кровавые шалости. Но с другой стороны, я рад, что Небеса наказали вас.

Платформа остановилась уже минуту как, но бритоголовый рыцарь не торопился открывать появившуюся дверь, покрытую серебряными пластинами. Мне стало неудобно под его пристальным взглядом.

— Вы злопамятны, сэр Гринд.

— И мстителен, — кивнул он.

— Вы собираетесь мстить мне? Невесте вашего милорда? Что я вам сделала? Лично вам?

— Мне есть за что ненавидеть вас. Вам тогда еще не исполнилось и пятнадцати лет, миледи, но у некоторых преступлений нет оправданий. Вы

помогли убить моего нерожденного сына. — Его пальцы сжались до белизны на рукояти меча. — Вы помогли моей жене избавиться от ребенка и забрали плод для своих чудовищных экспериментов. Жаль, что ваша память теперь чиста и вы не помните своих злодеяний, леди Барренс, Может быть, вы изменились настолько, что совесть и боль проникли и в ваше сердце? Если оно у вас появилось.

Я почувствовала, как кровь отхлынула от лица. Да сколько же можно расплачиваться за чужие грехи! Может, Тиррина виновата даже в том, что жена Гринда сбежала с графским секретарем?

— Мне нечего сказать вам, сэр Гринд. Теперь меня можно обвинить в чем угодно, ведь я-то сама не смогу ничего опровергнуть. Напомню только, что мой брак с графом Ориаром благословили не только Темные Небеса, но и Светлые. А значит, мои страдания и мои потери искупили прежние преступления. Хотя бы частично. Но Небеса не так злопамятны, как люди.

И отвернулась. Гринд при всех его тараканах не из тех, кто способен ударить в спину, иначе Дэйтар давно бы от него избавился. Но ведь держит еще. И закрывает глаза на промахи, как королева закрывала глаза на «шалости» своей куклы Тиррины. Нет, Гринда я не могу подозревать в предательстве, это было бы слишком унижительно для Ворона, а мой жених далеко не глупец.

Рыцарь обошел меня, коснулся раскрытой ладонью серебряной пластины на двери, и тяжелая створка открылась.

— Разве серебро не слишком мягкий металл? — сменила я тяжелую тему.

— Это облицовка. Внутри сплошной стальной щит. Считается, что демон не сможет дотронуться до серебра.

— А с двух сторон зачем? — Я шагнула в темный коридор и ощупала дверь с другой стороны. Стоило пошевелиться, как коридор вспыхнул магическими огнями. Неплохо у них продуманы датчики движения. Жаль, не везде. В моих покоях такого нет.

— Предосторожность на тот случай, если произойдет перерождение Ворона в демона Хаора, — пояснил Гринд. — Он не сможет открыть проходы и воссоединиться с ордами Нижнего мира.

— То есть вы не только командир гарнизона, но и тюремщик? Дэйтар не может вас разжаловать и уволить по своему желанию? Прямое подчинение королю, как я могла забыть...

Гринд потер массивную шею, усмехнулся:

— Так-то оно так, миледи. Вернее, было бы так в любой другой крепости, кроме Ориар-Дерта. Тут иные порядки, и даже король мне указ

только после Ворона. Я давал его сиятельству Дэйтару Орияру клятву верности перед сердцем Лаори-Эрля, Оком Истины, и буду верен моему господину до последней капли крови и магии. А вот демону Хаору я клятв не давал. Прошу, миледи.

За разговором мы прошли по короткому и широкому коридору и уперлись в тупик, но Гринд нажал на круглый серебряный амулет, вмурованный в стену, и стена развеялась, открыв еще один короткий коридор.

— Такие отрезки сделаны, чтобы не могла пройти армия атакующих? — догадалась я.

— Да. Здесь для чужаков еще и ловушки имеются.

— Но если нам понадобится перебросить для обороны внушительный отряд? Магам придется переходить по одному, чтобы их перебили?

— Мы можем передвигаться по длинному пути и крупными отрядами в случае военной необходимости. Но обычно это не требуется. У магов и воинов крепости есть индивидуальные порталы для быстрой переброски. Кроме того, у нас армия необычная, ей не требуются наши переходы. Вы об этом забыли. Но вы увидите, миледи.

Бесконечные перебежки совершенно дезориентировали меня в пространстве и времени. Я уже не понимала, куда мы движемся, может, просто ходим по кругу.

Зато я заметила, что Гринд почти перестал обращать на меня внимание и постоянно касался чеера в ухе. Мысленно переговаривался с кем-то. Решил меня провести во всех смыслах этого слова! Показать будущей капризной хозяйке, кто тут, в подземельях, главный, низко воспользовавшись слухами о потере мной памяти.

— Сэр рыцарь! — Я остановилась в одном из коридоров. — Хватит водить меня по кругу. Вон те две крестообразные царапины мне уже попадались. Открывайте портал и ведите меня на ваш командный пункт. Немедленно. И будьте уверены, мой таир узнает, как вы манкировали моим прямым приказом.

Кончики ушей Гринда слегка покраснели. Он поджал губы и процедил:

— Уверен, леди Барренс, он будет мне благодарен.

— Для вас я сейчас — таинэ Орияр. Запомните.

Бритоголовый поморщился, но слегка склонил голову, признавая мое главенство, и пробормотал:

— Непременно запомню.

Я проигнорировала неприкрытую угрозу в его голосе. Надоело. Все равно решила для себя, что Дэйтару не отвертеться от объяснений, почему

он так плохо проинструктировал своих подчиненных.

— Портал, командующий.

— Извольте. Но только потому, что основная атака уже отбита, миледи. Так, мелочь добиваем, — усмехнулся этот неисправимый солдафон и наконец задействовал порталный амулет на массивном браслете. А ведь мог бы сделать это полчаса назад!

В воздухе появился фиолетово-черный дымок. Замедленно, словно и магия тоже оттягивала момент, сформировались рваные полупрозрачные контуры портала. Внутри набухала тьма, бликовавшая, как вороново крыло. По краям арки пополз столь мелкий и замысловатый перламутровый орнамент, что даже моя фотографическая память отказалась запечатлеть эти бесовские завитушки.

Этот портал сильно отличался от виденных мной прежде, и я на миг засомневалась, стоит ли совать туда мою бедовую голову.

— Следуйте за мной, тайнэ Ориар. — Командующий подал мне руку и шагнул к дыре, наполненной мраком.

Я коснулась его кожаной перчатки двумя пальцами, но Гринд так крепко их сжал, что чуть не раздавил, чурбан с клещами.

На миг в лицо плеснули черные крылья, ослепив, овеяв пронизывающим ледяным ветром и тут же обдав огненным жаром. Это тоже отличалось от ощущений в других порталах и напоминало провалы в Нижний мир. А когда распахнула глаза, я ахнула при виде открывшейся панорамы.

В баgreц и золото одетые... нет, не леса. А облака. Простиравшиеся далеко внизу сплошной пеленой облака. Бесконечное багряно-золотое море до края горизонта, словно мы летели в закат на сверхзвуковом лайнере.

Даже голова закружилась.

Но мы не летели, а стояли в бойнице между огромными иссиня-черными зубцами исполинской стены. Толщина ее была метров шесть, а высоту невозможно представить.

От падения в бездну нас защищал низкий каменный простенок шириной с полметра и высотой по пояс, предназначенный для укрытия стрелков, и причудливо украшенные железные перила на уровне груди — чтобы людей случайно не опрокинуло ветром. А ветер дул ураганный, со спины, и я, вцепившись в завиток перил, порадовалась предусмотрительности Гринда, крепко сжавшего мои пальцы. Беру назад слова о чурбане.

— Держитесь крепче, миледи! — прокричал рыцарь. — И наденьте

капюшон!

Я попыталась, но ветер тут же срывал ткань шелкового плаща и вконец растрепал мне волосы. Вдруг что-то сверкнуло, громыхнуло, и ветер мгновенно стих. Тишина нахлынула такая, что казалось, уши заткнуло ватой.

— Ветер был магический? — спросила я, лишь бы убедиться, что не лишилась слуха. Мой голос прозвучал звонко и испуганно.

— Так точно. И облака — это иллюзия, маскировочная пелена. Похоже, я ошибся, будет вторая волна.

— Как могло получиться, что мы спускались вниз, а оказались здесь на такой высоте?

Словно на сумасшедших картинах Эшера.

— Вы забыли, что Орияр-Дерт находится в нескольких мирах, миледи. И для каждого мира он выглядит иначе.

— Сэр Гринд! — крикнули позади.

Я так резко оглянулась, что в волосах расстегнулась заколка и, сверкнув алмазом, канула в пропасть.

— Ширт! — выругался Гринд. Он метнулся к бортику, сорвал с руки перчатку и, протянув ладонь, как нищий на паперти, призывно пошевелил пальцами, что-то бормоча себе под нос.

Сэр Кенз, а именно он окликнул командующего, укоризненно покачал головой в черном шлеме.

— Эх, миледи! Считайте, что вы подарили демонам ключ. Если ваша вещица попадет в их лапы, будет худо.

— А ничего, что ветер вырвал у меня чуть ли не половину волос? — проворчала я, чувствуя, как кровь приливает к щекам.

— Пару волосков они могут и не найти, их далеко унесет, а вашу заколку мигом найдут, от нее за версту разит магией Ворона.

Я не успела ничего спросить, сэр Гринд снова выругался и обернулся на нас, как разъяренный бык:

— Ширт! Не успел! Перехватили уже, отродья мрака! И так шустро перехватили, словно караулили. Вы специально это сделали, миледи! — рывкнул этот сумасшедший. — Вы для этого и рвались сюда — установить с ними новую связь взамен той, что перенастроила Лин!

Псих. Здесь все психи.

Не знаю, как я сама не взорвалась от ярости. Сжала кулаки и прошипела:

— Возьмите себя в руки, командующий! Я уже не темный маг, зачем мне демоны? Я не самоубийца!

Неизвестно, до чего додумался бы этот ушибленный, но вдруг волшебная багрово-золотая переливающаяся пелена облаков дрогнула, шевельнулась, словно шкура огромного животного, и... развеялась. И я снова ахнула, забыв обо всем.

Над нашими головами светилось золотистое небо, но свет невидимого солнца не достигал раскинувшейся под гигантской стеной долины, и казалось, что под крепостью, венчавшей скалу, расстелили Вселенную.

Представьте лазуритовые и чароитовые поля с причудливыми звездными россыпями, с узорами светящихся аметистовых прожилок и бирюзовых туманностей. Цвета перетекали друг в друга, завораживали. Нестерпимо захотелось раскинуть руки и шагнуть со стены, окунуться в волшебную бесконечность...

Кенз не успел бы меня удержать, а вот командир гарнизона своей железной хваткой...

Очнулась я от тряски. Гринд держал меня за плечи и совершенно бесцеремонно встряхивал, как тряпичную куклу, одновременно успевая и повторять как мантру трехсложное заклинание и переругиваться с подчиненным:

— Ши-иркх-аррум! Да, Кенз, вот теперь убедился... Ши-иркх-аррум!

— Миледи не виновата, Гринд!

— Не ори на командира! Ши-иркх...

— В чем вы еще меня обвиняете? — удалось выговорить и не прикусить язык. — И отпустите уже меня!

Рыцарь прислонил меня к стенке и убрал лапы. И даже извинился:

— Простите, миледи! Я заподозрил вас в сговоре с демонами, но теперь вижу, что ошибся.

— И что вас убедило? — Я заплела растрепанные волосы в небрежную косу и накинула капюшон.

— Будь вы с ними в сговоре, они дали бы вам защиту перед Прелестью. — Он указал на просвет за его плечом.

— Прелестью?

— Так мы называем магию их мира. Не их самих, а именно мира. Он так прекрасен с виду, что неопытные души легко соблазняются этой невыносимой красотой.

Невыносимая красота. Как точно!

Перед моим лицом возник серебряный рог с прозрачной жидкостью.

— Выпейте, — на диво заботливо предложил Гринд. — Это лучшее средство. Непременно два глотка.

Я отпила и тут же закашлялась: горло обожгло чудовищной крепостью

чистого спирта, но голова мгновенно прояснилась.

— Еще глоток! — скомандовал рыцарь и влил силком, надавив на нижнюю челюсть.

И я даже гневаться не стала, поняв, что второй глоток был целительным, и от жжения не осталось ни следа.

— Спасибо, — поблагодарила я. — Но как вы сами справляетесь с Прелестью, если не в сговоре с демонами?

— Мы тут все под присягой, госпожа. И приносили мы ее перед сердцем Лаори-Эрля, Оком Истины. Вы еще не прошли эту церемонию, поэтому даже защиты кольца его сиятельства оказалось недостаточно.

Вроде бы все логично, но не сходится.

— Но ведь я здесь бывала в прошлом, сэр Гринд. Что защищало меня тогда?

— Вы всегда были здесь в сопровождении графа Орияра и вашего отца. Личная магия Ворона — гарантия безопасности. Увы, это качество крови, и в кольцо ее не влить. Только в момент присяги вы можете получить достаточную защиту.

— А остальные невесты тоже не доживали до этого момента?

— Не успевали. Это самый последний этап.

И тут до меня дошло. Я прищурилась.

— То есть, сэр Гринд, вы поддались моим капризам только потому, что задумали испытание? Хотели посмотреть, как я отреагирую на магию Прелести?

Этот бритый жук смущенно отвел глаза.

— Я сомневался, миледи. Если бы не ваша настойчивость, я бы не решился. Желаете вернуться?

— Нет. Желаю посмотреть на демонов.

— Тогда вам придется пережить еще два глотка эликсира. Это приглушит воздействие ментальной магии демонов, и вы сможете полчаса смотреть на Прелесть без последствий для вашей души.

Он сказал — ментальной магии?

Ну конечно! Как я сама сразу не сообразила? Даже в земных мифологиях демоны соблазняют именно разум человеческий. То есть ментальный план — их поле, где они особенно сильны.

А я даже про щит забыла. А ведь мой наставник Нейсон настоятельно требовал, чтобы привычка держать щит стала для меня столь же необходимой, как привычка надевать платье, выходя на люди. Особенно во дворце и в Орияр-Дерте. Для меня эти две точки мира особенно опасны.

Но могу ли я именно здесь, на самой границе миров, продемонстрировать

свои способности? Могут ли демоны засечь мою магию?

Как же мне не хватает магистра Нейсона! Или дедушки Энхема! А особенно Ворона. Кто бы мог подумать, что я могу так соскучиться по его насмешливым серым глазам?

Зажмурившись, я отпила два глотка убойного эликсира.

Огненно-ледяное торнадо скользнуло в горло, снова выжгло и выстудило тело, вышибло дух и прочистило мозги. А когда я открыла глаза, мир потерял половину красок, как если бы я надела солнечные очки.

Волшебные пейзажи, простиравшиеся внизу, уже казались потоками фиолетовой грязи и островками чахлой синей травы. Причудливые узоры с россыпями звезд оказались безлистными и кривыми деревьями, чьи хаотично изломанные голые ветки гнулись под тяжестью каких-то странных черных узлов, похожих на гнезда, а на концах были украшены гроздьями мелких серых плодов, разлетающихся пылью при дуновении ветра.

Внезапно один из черных узлов развязался — взмахнул крыльями и взлетел. Иллюзия окончательно спала, и я увидела, что деревья усыпаны большими нахохлившимися птицами. Очень большими птицами с хищными клювами. Воронами.

Взлетевший ворон пронесся черной стрелой вдоль стены, правда, на значительном от нее расстоянии, словно не решаясь преодолеть невидимую черту. Развернулся и понесся в обратную сторону.

Тишина стояла мертвая, и оттого его полет казался каким-то зловещим.

— Разлетался тут! — проворчал Кенз и вскинул руку, готовясь швырнуть заклинание.

— Не смей! Выдашь наше местоположение, — остановил его Гринд. — Быстрее, уходим, миледи! — Он попытался взять меня за локоть, но я увернулась и отступила к самому бортику.

— Почему?

— Сейчас они атакуют. Я должен не вас развлекать, а быть на командном пункте.

— Ну так идемте на командный пункт!

— Нельзя, ваше сиятельство! Прошу вас вернуться в замок.

— Нет! — Я для надежности схватилась за прут решетки. Не знаю, что на меня нашло, может, опять какая-то демонская магия, но уйти я не могла.

Неизвестно, сколько бы мы препирались, но в это время на стороне противника что-то жажнуло и разлилось мертвенное зеленоватое, как болотные огоньки, сияние, накрывшее куполом огромный круг. Вороны, сидевшие на деревьях, заинтересованно повернули головы, но с места не

снялись. Даже тот, который устроил смотр наших стен, вернулся на ветку.

Снова жажнуло. Земля в круге треснула, разошлась, и из дыры тяжело поднялась стая воронов и крылатых демонов с рогами и хвостами. Все они отличались повышенной костлявостью. Перья и плоть опадали на лету, и в прорехах кости светились тем же болотным светом.

А следом из дыры повалила черная волна бескрылых странных существ и хлынула в нашу сторону. С высоты они казались мелкими козявками.

— Это трупы? — ужаснулась я.

— Да. Я вынужден оставить вас, графиня, — тревожно и отрывисто сказал командующий. — Кенз, головой отвечаешь за миледи! Ни шагу отсюда, я пришлю дополнительную охрану.

С этими словами рыцарь задействовал личный портал, замаскированный так, что я даже порталной арки не увидела. Гринд просто исчез, растаял, как тень.

Как замороженная я смотрела вниз, на поле боя.

— С дальнозорким кристаллом вам будет удобнее, миледи. — Кенз протянул мне увеличительное стекло.

Стоило поднести его к глазам, как картинка приблизилась так, словно я сидела на одном из деревьев, окружавших поле битвы.

Вовремя. Со стороны крепости мелькнула точно такая же болотная вспышка, и навстречу мертвой армии демонов откуда-то снизу хлынула армия человеческих скелетов и трупов разной степени сохранности. И над ними точно так же вились мертвые, когда-то черные птицы, схватившиеся с пришлыми птицами в жуткой схватке.

Это был бой мертвецов.

Но настоящий ужас охватил меня, когда среди армии Ориар-Дерта я увидела застывшие зеленые глаза и взлохмаченные, но хорошо знакомые белокурые локоны Лин Игви.

Она шла среди скелетов деревянным шагом, но остановилась на пригорке и вытянула вперед и вверх белую руку с алым лаком на ногтях. С ее пальца сорвалась черная молния и ударила в ворона, пытавшегося ее атаковать.

— Лин... — прошептала я.

Мертвая словно слышала. Повернула голову, и болотный огонек ее глаз вспыхнул ярче. Озноб куснул мою шею и пробежал вниз по позвоночнику ледяными пальцами.

— Нельзя их звать прежним именем, миледи, особенно во время боя. — Кенз оттеснил меня плечом от перил и протянул вперед руки.

Пальцы его непрерывно шевелились, как у паука, ткущего липкую ловушку. — Может произойти переориентировка цели, если зовущий причастен к гибели лича или был свидетелем смерти. Я поставлю отвращающее заклинание.

— Лича? — Перед глазами вспыхнули картинки из книжки Тиррины Барренс. — Но это же высшая нежить!

— Да. И что? Мы же тут почти все — некроманты. Если умирает маг, его дух продолжает служить делу мира. — Кенз коснулся чеера в ухе. — А его плоть — делу войны. У нашего войска должны быть сотники и тысячники. Ими и становятся бывшие темные маги, а Ли была хоть и глупой, но очень сильной.

— Но... они же мертвецы!

— Конечно. Было бы расточительством воевать с демонами живой силой. Тем более и они воюют с нами с помощью трупов. Сами-то демоняки вон сидят на деревьях и наблюдают, лап не пачкают. Как и мы.

— Тогда чем вы отличаетесь от них?

— Многим, госпожа, — серьезно ответил рыцарь, но без подробностей. — Но пока хватает того отличия, что это не мы атакуем их крепости, а они — нашу. На самом деле настоящая схватка — невидимая, между живыми магами. Кто у кого больше мертвых орудий из боя выведет или перехватит управление. Больше ничего интересного тут не будет. Покрошим друг друга и разойдемся до следующей атаки.

— А какой в этом смысл?

— Во-первых, не расслабляемся, постоянно в тонусе. Во-вторых, тактические победы укрепляют дух армии. Если нам повезет захватить живого или мертвого высшего демона, мы укрепим нашу оборону.

— А если они захватят у нас кого-нибудь важного?

— Если демоны захватят нашего лича, они усилятся. Чем больше у них личей — тем ближе вероятность прорыва.

— Но это бесконечная и бессмысленная война.

— Так и есть, миледи. Настоящая война не там. Она тут! — И молодой рыцарь жестом гладиатора прижал кулак сначала к сердцу, потом ко лбу.

Я не успела выяснить, что имел в виду Кенз.

Пространство позади него сгустилось полупрозрачным червяком в человеческий рост и заговорило:

— Савадх. Сэр Кенз, охрана для миледи.

Что-то они не спешили.

— Мы уж заждались, — проворчал Кенз и взмахнул рукой снизу вверх, словно невидимым ножом пропорол червяка. — Входите, так и быть.

Червяк распался на две части, которые тут же разошлись в стороны и образовали арку. В нее ступили двое: молодой веснушчатый парень в шлеме и черном плаще мага, накинутом поверх доспехов с некромантской бляшкой в виде черепа и... мой седовласый наставник.

— Нейсон! — обрадовалась я. И тут же поправилась: — Магистр Нейсон, рада вас видеть! Вы пришли вместе с Дэйтаром?

— Нет, таинэ Ориар, — помрачнел маг. — О нем я бы и хотел поговорить с вами.

Я посмотрела за решетку, на поле боя. Ничего нового. Одни мертвецы вяло отмахивались от других мертвецов. Обе армии уже значительно поредели, и теперь было видно, что основной бой шел вокруг отряда под руководством свеженького лича Лин — демоны прорывались к ней, явно с целью захватить. Надеюсь, Гринд не допустит такой потери.

Нейсон тоже с интересом присматривался к происходящему. Хотя без увеличительного кристалла он вряд ли что сможет разглядеть, но почему-то захотелось увести его подальше, как постороннего. Пусть он и друг Дэйтара, но слишком уж близок магистр к королю. А король тоже называл себя другом Ворона. И не зря же Гринд сразу избавился от менталиста, отправив его ко мне, подальше от командного пункта.

— Сэр Кенз, сопроводите меня и магистра Нейсона в замок, — распорядилась я. И посмотрела на его соратника. — А вы, сэр...

— Мое имя Бенир. — Маг почему-то покраснел как маков цвет, и стало видно, что он совсем мальчишка.

— А вы, сэр Бенир, можете возвращаться к командующему. У меня надежная охрана, а ваши способности некроманта могут тут еще пригодиться. Хотя, я вижу, атака уже отбита.

— Слушаюсь, таинэ, — поклонился некромант.

Глава 14

КЛЕТКА ДЛЯ ВОРОНА

Едва растаяли контуры порталной арки, перебросившей нас почему-то в холл гостевых апартаментов, я набросилась на менталиста:

— Скажите, магистр, что с графом Ориаром? Он не дает о себе знать уже так давно! Почти сутки!

Тут я преувеличила, но совсем немного.

— Могу ли я сесть, леди Барренс?

В голосе Нейсона чувствовались усталость и легкая укоризна. Я немедленно отвесила себе мысленный подзатыльник. Тиррина Барренс — прирожденная аристократка, у нее хорошие манеры в крови, никакой амнезией не вышибить. И я должна вести себя соответственно.

— Да, конечно, простите, магистр. Вон в тех креслах нам будет удобно, — и я показала на эркер с диванчиком и парой кресел вокруг чайного столика. Оглянулась на замершего за моей спиной рыцаря. — Сэр Кенз, не могли бы вы сообщить мэйстру Чессу, что у нас гость? Пусть распорядится принести нам настой бодрящей эрхе. Если я правильно помню, для менталистов это лучший напиток, освежающий мысли.

— Совершенно верно, — улыбнулся седовласый маг, усаживаясь поудобнее.

Кенз не стал пользоваться личным порталом, а чинно вышел за дверь. И правильно. Кто их знает, этих менталистов. Вот мне почему-то открыты сверхсекретные шифры арок, а я еще совсем слабый менталист.

— Вы к нам надолго? — спросила я, отмечая про себя темные круги под глазами мага. Похоже, он тоже всю ночь не спал. — Распорядиться подготовить для вас комнаты?

— Надеюсь, в этом не будет необходимости. Мне нужно вернуться как можно быстрее, доложить, почему связь с Ориар-Дертом блокирована с вашей стороны.

— Как с нашей? — Сердце екнуло. Если с нашей — это измена. — Не может быть!

— Я уже убедился, миледи, что вы тут — пострадавшая сторона, виновных надо искать не здесь. Но из дворца это выглядит именно так. Его величество в бешенстве. Да еще это происшествие с Вороном... Что он вернулся во дворец добровольно, конечно, смягчает его вину, но... Леди

Барренс, вашему таиру и моему другу нужна помощь.

— Но что я могу?

— Вы — единственная свидетельница вот уже двух его перемещений к демонам. Королева обвиняет Дэйтара в попытке бегства в Нижний мир и настаивает на процедуре полной проверки. Вы знаете, что это?

Я молча дотронулась до виска, напоминая, что память у меня девичья, да еще и потеряна, да и не моя вовсе. Нейсон вздохнул:

— Да, все время забываю, простите. Так вот, полная проверка — это не только исследование крови, но и памяти, и магических потоков. Но если бы Ворону угрожал простой ментальный допрос, я не стал бы беспокоиться. Королева требует полной процедуры допроса Советом Ока в максимальном составе. Это усиление ментального воздействия в десятки раз. Подвергаются такому испытанию только самые опасные преступники, чья вина уже доказана. На моей памяти — только иностранные шпионы высшего ранга, которые не подлежат обмену, и руководители заговоров против короны перед казнью. После такого допроса произойдут необратимые изменения в психике. Дэйтар станет полным идиотом.

Нет, муж-идиот мне точно не нужен!

— Где он сейчас? — спросила я.

— В тайной тюрьме для особо опасных преступников-магов. Это означает такую полную изоляцию, какая только возможна в нашем мире. Его схватили сразу после возвращения. Между нами говоря, зря он вернулся, очень зря.

Вот это Ворон попал так попал... А все из-за своего благородства! Чувство долга, конечно, хорошо, но не тогда, когда его требуют отдать с такими процентами. А королева все просчитала до мелочей, даже возвращение Дэйтара.

Совершенно бесшумно открылась дверь, и в зал вошел дворецкий. Он держал поднос с дымящимся травяным отваром и, поклонившись Нейсону, расставил чашки на столике и разлил ароматный напиток.

— Закройте дверь и присядьте с нами, мэйстр Чесс, — распорядилась я.

— Но миледи, я не могу, — растерялся дворецкий.

— Мне необходим ваш совет, Энхем. — Я твердо посмотрела в выцветшие от старости глаза слуги. — Вам мой таир доверяет, как самому себе. Вы знаете гораздо больше, чем я даже могу себе представить. И мне и графу Орияру нужна ваша помощь. Думаю, что магистр Нейсон согласится со мной: в этом доме вы не слуга, а верный друг семьи, в которую я только надеюсь войти после завершения брачного обряда с лордом.

Во время моей короткой, но блистательной речи даже Лаори-Эрль прослезился: на полотнах с пейзажами рассыпались дождевики и засияли радуги. Лапушка мой! Старик Энхем тоже смахнул слезинку и улыбнулся.

— Благодарю за доверие, моя леди.

— Она умница, друг мой Энхем, — подмигнул Нейсон, глотнув ароматного отвара. Даже причмокнул от удовольствия. — Да, умница. Наконец-то Дэйтару повезло.

Два старых мага обменялись многозначительными улыбками, и я догадалась, что Энхем в курсе того, что случилось с Дэйтаром. Видимо, приятели уже плотно пообщались, пока Нейсон добирался до нижних ярусов крепости на границе с миром демонов. Отлично, можно не терять времени на пересказ.

— Но чем я могу помочь графу, магистр Нейсон? — повторила я вопрос. — Разве мое свидетельство спасет его?

— Ваш статус сейчас очень высок, миледи, — ответил он. — Вы, по сути, ненаследная принцесса.

О! Вот с этой точки зрения я почему-то не рассматривала королевское опекуновство. Расту! Знал бы папа, как высоко взлетела Тамара Коршунова. Больно будет падать.

— А если и ко мне королева потребует применить полную проверку?

— К вам, как к приемной дочери высочайшего семейства, нельзя, — успокоил Нейсон. — Пусть вы и не принцесса королевской крови, но приравненная к ним особа.

— Это посягательство на основы основ! — подтвердил Энхем. — Ни король, ни даже королева никогда не пойдут на такое. Тут важен прецедент. Если окажется возможным подвергнуть вас полному допросу Ока, то почему не королеву?

А вот это хотелось бы. Очень.

— Вот когда вы будете женой графа Ориара и полностью выйдете из-под ответственности коронованных опекунов, тогда вы станете простой смертной аристократкой. — Нейсон усмехнулся так, словно и сам не верил, что жена Ворона может считаться простой смертной.

— А успею ли я дать показания? Если даже Дэйтара сразу арестовали, то позволит ли королева мне выступить в его защиту? Не окажусь ли я еще дальше, чем Ворон?

Маги призадумались. Нейсон даже отставил чашку, чтобы ничто не мешало мыслительному процессу.

— С одной стороны, Артан не допустит вашего ареста, — сказал менталист. — С другой — вы можете просто исчезнуть. Или те, кто так

хочет уничтожить Ворона, постараются сделать из вас овощ. Вы уже теряли память, никто не удивится, если это произойдет снова.

— Миледи нельзя покидать Ориар-Дерт, — веско бросил дедушка Энхем.

— Но надо. Нужно ваше свидетельство, таинэ Ориар.

Вдруг дворецкий радостно хлопнул себя по колену:

— Да! Именно что таинэ! Это может нас всех спасти! — Нейсон покосился на него, как на умалишенного, но старик не потерял энтузиазма и пояснил: — Миледи даст показания, не покидая крепости. Нет более надежного свидетельства, чем принесенное в храме Небес! Сказано: если поверят Небеса, то поверит мир.

Менталист потер подбородок, скептически скривил губы.

— И как ты это себе представляешь, Энхем? Тиррине все равно придется покинуть крепость, чтобы добраться до ближайшего храма. Если бы заговорщиком был я, то предусмотрел бы и это и расставил ловушки на всех выходах.

— И просчитался бы! — весело сощурился дворецкий. — Все, даже я, забыли, что в Ориар-Дерте есть храм Небес. Заброшенный, правда, сразу после его постройки и освящения при первом графе Ориаре. Его и возводили исключительно для того, чтобы провести ритуал экзорцизма над Ориаром перед его женитьбой на сестре тогдашнего короля. Храм заколочен, но существует до сих пор, как напоминание о падении, точнее, о возвышении Воронов до аристократии Верхнего мира. Все, что нам нужно — согласие жрецов прийти в Ориар-Дерт и принять свидетельство леди Тиррины, графини Барренс, таинэ Ориар. У тебя есть чем обрадовать короля, Нейсон. Уверен, Артан и сам ищет, как помочь своему нареченному брату Ворону.

Менталист кивнул:

— Ищет, Энхем, иначе не отправил бы сюда именно меня. Значит, план наш будет таков...

Еще полчаса мы обговаривали детали плана по спасению Дэйтара. Потом Нейсон в сопровождении Энхема отправился к порталной башне, благо дворецкий сообщил, что враждебная блокировка взломана, но пока удалось восстановить лишь магический круг в порталной башне. Диверсанты так и не найдены. Амулеты связи восстановлению не подлежат, нужны новые, а их изготовление и настройка требуют времени. У порталов сбита наводка, искусственные помехи искажают все входы и выходы, и повреждены схемы изнутри, поэтому Артан и воспринял это как запертый нами засов. Надеюсь, я ничего не перепутала из объяснений

магов.

А перед уходом менталист вручил мне толстенный том по ментальной магии из королевской сокровищницы. Будет чем заняться по вечерам без Дэйтара, — вздохнула я. Все-таки не понимаю, когда я успела так к нему привыкнуть?

Обед я пропустила, увлекшись беготней по замку. Так, закинула пару булочек, не устояв перед кулинарным искусством Шой, да запила молоком. Заодно узнала, что Тиррина Барренс всегда ненавидела молоко.

— Да-а... Теперь верю, что и такое бывает, — глубокомысленно заметила полудемоница. — Меняется душа, меняются и вкусы.

Я едва не расплескала содержимое кружки, так перепугалась, что меня, иномирянку, разоблачили. Но оказалось, Шой имела в виду очистившуюся от зла душу юной графини.

И еще я заметила, чем добрее человек, тем быстрее и охотнее он верит в добрые перемены. Но были и такие, кто не хотел верить.

Они встретили меня на лестнице под предлогом того, что ждут моих распоряжений, — мэйстрес Тимусия с дочерью Анией. Но на их торжественных лицах было написано, что они дождались, по меньшей мере, своего звездного часа.

— Разве дворецкий не дал вам задания на сегодня? — недоуменно вскинула я бровь.

— Ах, он сегодня так занят, госпожа! Так занят! Уже полдня показывает магистру коллекцию хозяйских вин, — наябедничала Ания заговорщическим тоном.

— Я счастлива, что именно вы будете нашей хозяйкой, леди Тиррина, — торопливо поклонилась старшая горничная, чтобы сгладить выходку дочери и отвлечь внимание.

— Вы ошиблись, по меньшей мере, дважды, мэйстрес, что странно для служанки с вашим опытом. Я не леди Тиррина. Я уже три года как леди Барренс. А для вас я — таинэ Орияр, и никак иначе.

— Простите, таинэ! Простите, госпожа! — бросились они в ноги.

— Я не сержусь. И чем же я лучше, чем три таинэ до меня? — Моей усмешке могла позавидовать сама Тиррина.

— Вы всегда были добры к нам, миледи, — пискнула Ания из-за материнской спины. — И хотели сделать меня своей камеристкой, а матушке обещали место домоправительницы, когда станете леди Орияр.

Я окинула их внимательным взглядом. Моя проблема в том, что сейчас можно приписать мне, то есть Тиррине Барренс, все что угодно. Но их

проблема не меньше — я не отвечаю за слова трехлетней и более давности.

Значит, исходим из того, что мне выгодно.

Тимусия — старожилка крепости. Ее семья издревле служила Ориярам, и она не представляла иной жизни. И свое дело она знала. Но вот что удивительно: ни старый граф, ни молодой не захотели видеть ее экономкой. Почему? Не в ее же почтенном возрасте дело. И не в слабой бытовой магии. Может быть, в характере? Тимусия была изрядной сплетницей, как и ее дочь. То есть она могла быть источником информации, но истинность этой информации вызывала сомнения. И, похоже, Тиррину это не смущало, раз она прикормила этих жалких рыбешек. Девочка была рада любым слухам или умела отделять зерна от плевел.

— Король уже назначил мне камеристку, и не в моих интересах оспаривать решения моего высочайшего опекуна, — равнодушно сказала я. — Что касается места экономки, я еще не леди Орияр, чтобы принимать такие решения. Но если это случится, я буду иметь в виду ваше желание, мэйстрес Тимусия. Разумеется, если вы сумеете убедить меня, что вы будете лучшей кандидатурой.

— Но я и так исполняю обязанности домоправительницы! — обиженно воскликнула женщина.

— Вы хотите пожаловаться мне на его сиятельство, что он не ценит ваши старания? — прищурилась я.

— Нет-нет, госпожа! Как можно! И в мыслях не было!

Я перевела взгляд на мрачный пейзаж на стене. Над унылым осенним полем бродили тучи. Лаори-Эрль показывал свое отношение к этой парочке, или у замка просто плохое настроение? Нет, прикармливать я их точно не буду даже ради информации. Скажи мне, кто твой шпион...

— Я поговорю с графом о вас, мэйстрес Тимусия, — пообещала я, но таким холодным тоном, что старшая горничная не обрадовалась, а испугалась еще больше. — А пока отправьте девушек прибрать покои секретаря его сиятельства...

— Экономки. Там последнее время жила экономка, вертихвостка с севера.

— ...и все соседние. — Я пропустила мимо ушей ядовитое замечание. — Они же все пустуют? Замечательно. Я думаю занять все крыло, раз уж мне тут негде больше жить.

— Но, миледи, покои таинэ скоро будут готовы, а в том крыле еще комнаты дворецкого, архивариуса и его дочери!

— Разве? Я поговорю с ними. Думаю, мы найдем компромисс. Ступайте. И не забывайте о новом помещении для сомнамбул.

Пусть работают, меньше времени для злословия останется.

«Вернется Дэйтар — убьет меня за такие перестановки», — мрачно думала я. Но я ни за что не хотела вселяться в покои невесты, даже когда их приведут в порядок. И в королевских апартаментах не хотела жить ни одного лишнего дня. К черту статус. Хочу в черную спальню со скелетиками. Там так было тихо и спокойно!

У меня изнывало сердце в отсутствие вестей от Дэйтара или хотя бы от Нейсона, поэтому настроение было ни к черту. Удастся ли задуманное? Сумеет ли Нейсон уговорить жрецов? Что они потребуют в обмен на услугу?

До вечера я металась по крепости, как заводной апельсин, не знающий, куда закатиться и пустить корни. Но вообще-то я, не обращая внимания на скрежет зубов сэра Гринда, наблюдала за магами, хлопотавшими над артефактами связи и амулетами порталов. И почему-то мне показалось — не очень-то они стараются. Руками машут, бормочут что-то, а я, как ни напрягаю второе зрение, не вижу ни новых магических потоков, ни изменения рисунка старых. Может быть, мое волшебное зрение как пришло, так и ушло? Какая досада.

Но ведь я прекрасно видела, какие красивые орнаменты плели те же маги на шапочках для бойцовых петухов! Заклинания получились такие же яркие, как оперение птиц.

День, вроде бы наполненный событиями, тянулся бесконечно. Новостей снаружи не было. Даже демоны почему-то успокоились и перестали дергать по пустякам магическую армию Ворона. Спасибо им.

Потому что магам хватало в этот день сиятельной тайнэ Ориар. В основном отдувался за всех Кенз, приставленный ко мне Гриндом в качестве телохранителя и хранителя военных тайн: от дверей, ведущих в лабиринты подземелья, и лестниц на чердаки рыцарь меня мягко заворачивал.

Тайны Ворона могли спать спокойно в его отсутствие. Кстати, о воронах...

— Сэр Кенз, я видела огромных воронов, наблюдавших со стороны демонов. Что это было?

Парень удрученно вздохнул; он-то надеялся провести меня мимо кухни, вдруг попадемся на глаза Шой, и та начнет потчевать сиротинушек. Но я прочно застряла у окна, из которого открывался чудесный вид на петушиные вольеры и барак для сомнамбул — наблюдала за приведением моего плана в действие.

— Это, миледи, бывшие соплеменники и очень дальние родственники графа Орияра. Плетут свою родовую магию, надеются выманить и убить Ворона. Вы же знаете, что демон Хаор, плененный в последней войне Верхнего и Нижнего мира, был у них правителем?

— Тот самый предок, который должен возродиться в своем потомке и захватить его тело и разум?

— Ну да. Он как был, так и помер демоном, хоть и женили его на сестре тогдашнего короля. А вот его сын, родившийся тут, был проклят демонами за предательство, когда позволил запереть в себе навсегда демоническую магию и полностью стал человеком. Проблема в том, что только сын Хаора мог быть правителем в демонической сфере. Так уж у них устроено наследование: никто не может занять трон, пока жив потомок правящего рода. Мало того, только при истинном правителе его демоническая сфера имеет полную магическую силу. И вот уже тысячу лет на троне сферы Суаф, граничащей с нашим миром, сидит не полномочный князь, а всего лишь его наместник, блюститель трона. А у Орияров, как назло, линия никогда не прерывалась, все время рождаются мальчишки. Говорят, это благословение наших Небес простерлось над гнездом Ворона.

— Ого! — Я содрогнулась, представив скопившуюся за тысячелетие силу ненависти демонов.

— То-то и оно, — кивнул Кенз. — Они спят и видят, как бы возродить Хаора как первоцаря. Или, на худой конец, убить его наследника, чтобы освободить трон от древнего заклятия царской крови. Только наши маги говорят — не поможет цареубийство, только хуже будет. Демоны и сами понимают, что не поможет, оттого-то и атаки у них совсем слабые стали. А по первости, говорят, так дрались, что только клочья летели, земля содрогалась. Тогда, говорят, много живой жаркой крови было пролито с обеих сторон, и много Воронов полегло.

К горлу подкатил комок. Обложили моего Ворона, как волка, со всех сторон.

А я тут плачусь о своей судьбинушке. Обо мне хотя бы папа помнит, если жив. Меня хотя бы где-то любят. Родные. Друзья. А моего сероглазого? Нет, у моего пернатого, конечно, сильная команда. Тот же Кенз любого загрызет за своего лорда. И Лин его любила, наверное, пока не сгинула. И наверняка какая-нибудь из сомнамбул, пока не уснула. Думаю, Лин и тут руку приложила, устранив соперниц.

Но каково это — быть чужим и тут и там, в обоих мирах? Каково жить, зная, что сотни тысяч мечтают о том, чтобы ты сгинул? Жить с петлей на шее, которую норовят затянуть то король, то единокровники?

— А почему они хотят именно убить? Почему нельзя сделать так, чтобы Дэйтар отрекся от наследства в Нижнем мире?

— По их законам должна быть пролита вся кровь старой династии, чтобы освободить место для новой, не запятнанной предательством своего народа.

— Вся?

— Ну да. Поэтому те Вороны, что еще остались от побочных ветвей рода Хаора, тоже будут убиты, если Дэйтар умрет. Или их уничтожит кровная магия. Точно не знаю. Знаю только, что их жизни напрямую связаны с наследником. Как жизнь ветвей дерева с жизнью ствола.

— Ужас какой!

— Ага, тысячелетний, — душераздирающе вздохнул Кенз. Но долго грустить он не умел, поэтому уже в следующее мгновение его физиономия приняла хитрющий вид. — А вот скажите, миледи, как вы относитесь к тотализаторам?

Я моргнула нарочито недоуменно, даже, можно сказать, похлопала длинными Тирриными ресницами.

— К каким тотализаторам?

— Ну вот мы тут пари всякие заключаем. Организованно, — прошептал рыцарь на ухо задушевно. — Милорд в курсе, кстати, и не возражает. Не хотите поучаствовать?

— И что мне это даст?

— В случае выигрыша — славу самой проницательной леди.

— И только?

— Милорд сказал, что благородных господ не интересует презренный металл. — Зеленые очи пройдохи при этом так и лучились лукавством.

Это что, он вздумал у меня бизнес отжать? Караул! Рейдерский захват моей территории!

— А значит, сэры рыцари у нас теперь не столь благородны? — прищурилась я, глядя на негодея со всей язвительностью.

И тут во всю бойцовую мощь вступили в игру наши иерихонские петухи. Это в четыре-то часа пополудни! И оказалось, эти твари уже вполне адаптировались к гнезду Ворона и попытались, как попугаи, изобразить вороний грей.

— Ку-карр! Карр-ку-карр-арр! — раскатилось над Ориар-Дертом.

Удивительно, как сразу прояснились уставшие мозги — словно их вытащили, встряхнули, как половичок от пыли, и вернули на место.

— Так вот, милейший сэр рыцарь, — продолжала я, когда утихло задиристое эхо и перестало звенеть в ушах. — Презренный, как вы

изволили выразиться, металл нас не интересует. Дамы берут свою львиную долю бриллиантами.

В зеленых глазах Кенза плясали бесенята.

— Львиную? — переспросил он, усиленно косясь на мое кольцо-амулет.

И я спохватилась: львы тут не водились. Конечно, были животные очень похожие на кошек разной степени огромности, но назывались они иначе. И поговорок, аналогичных русской, тут не возникло.

— Говорят, так на севере называют царя зверей, самого сильного и опасного животного: лев, — усмехнулась я, практически открытым текстом признавая, что Тайра и Тирра — один человек.

— На севере? — переспросил Кенз, округлив глаза до размера кофейных блюдец. — Да, точно, есть похожее слово в языке пустынников. Только не львы, а левы, цари пустыни. Но эти звери водятся только на юге. Это громадные песчаные драконы с косматой гривой, защищающей их от перегревания, и с двумя горбами, в которых они хранят воду, главное сокровище пустыни. Говорят, эта вода — живая, а если убить лева и пролить его кровь и воду, на этом месте образуется оазис.

Бедные львы, во что их превратили в этом мире!

— Значит, я опять что-то перепутала, — пожалала я плечами, несколько не смутившись. — Проблемы с памятью, знаете ли.

— Знаю, — сочувственно кивнул Кенз. — Но, миледи, львиная доля — это грабеж на языке пустынников! Где я возьму бриллианты?

Мы еще с четверть часа поторговались с этим хитрющим вымогателем. Заодно я выяснила, что Тайра стала обладательницей еще тысячи золотых.

Без госпожи экономки дело ограбления ближних, будучи раз запущенным, не остановилось, а стало вечным двигателем. Особенно крупные ставки делались на то, когда хозяин снова приведет невесту. Так как Кенз засек кольцо невесты на Тайре, он и оказался в выигрыше. Все эти дни он исправно ставил на Тайру, ссужая в долг отсутствующей экономке, скрупулезно подсчитывал мой выигрыш и вычитал из него сумму долга и свой процент. Очень серьезный деловой партнер из него получился. Далеко пошел бы в нашем мире. А тут что? Вся жизнь — бой с зомби. И никаких радостей. Даже девушку не из кого выбрать бедняге — демоны всех приличных усыпили.

— Замечательная работа, сэр рыцарь, — похвалила я зардевшегося от смущения парня. — Но уверена, мэйс Тайра уже никогда не вернется за выигрышем. Потому, думаю, будет справедливо, если эту тысячу мы

поделим между незамужними девушками замка в качестве приданого. А сомнамбулам выдадим в двойном размере. Пусть это станет небольшой компенсацией за их страдания, когда они очнутся.

— А они очнутся? — враз посерьезнел Кенз.

— Не сомневаюсь. Не бывает вечных проклятий.

И словно в подтверждение моих слов, в вольере проснулся и заорал на радостях очередной караульный петух.

Птички с помощью магии заработали как часы. Я получила то, что хотела: непрерывный круговорот петушиного ора в природе Орияр-Дерта.

— Хм, думаю, это как раз то, чего не хватало нашей крепости. Теперь каждому ясно, что Орияр — это сокращенное «ори яро», — оценил Кенз. — То-то господин обрадуется, когда вернется.

Лишь бы вернулся, — вздохнула я. А впрочем, эта клетка лишь немногим больше, чем та, в которой он томится сейчас.

— Сэр Кенз, принимайте ставки на то, когда вернется милорд. Я ставлю три на завтра.

— Три золотых?

— Три тысячи золотых. Две моих и одну вашу.

— Запишу на вас четыре, две моих! Я верю в вашу удачу, миледи!

Ах, если бы и Небеса мне поверили! А жрецы — засвидетельствовали. Завтра. Все решится завтра.

Глава 15

ПРОРЫВ

Магия восхитительна! В полном восторге я взидала на просторные палаты, в которые за полдня превратилось крыло старших слуг. По моему приказу остались нетронутыми только кабинет беглого секретаря — еще бы, ведь там мой тайник! — и комнаты Лин, их я по какому-то наитию приказала опечатать до возвращения графа.

Все старшие слуги были магами, поэтому я рассредоточила их, разместив не в одном крыле, а в соседних от меня и Дэйтара крыльях замка, выглядевшего в плане в виде пятиугольника. Наверняка при выборе такой архитектуры стояли высшие магические соображения. Пентакль для некромантов самая значимая фигура.

Не понравится Дэйтару — пусть переезжает.

Магам замка вообще все равно, где жить, у них у всех личные микропорталы, которые могут перенести их почти в любое место Лаори-Эрля, кроме личных покоев, защищенных магическими печатями с уровнями доступа. И наверняка множеством ловушек и «жучков». За столько-то веков непрерывного интереса и Верхнего и Нижнего мира к Воронам и их гнезду, застрявшему как пробка между мирами.

И никто не мог предположить, что невеста графа закапризничает и организует свое личное пространство, вместо того чтобы закатиться в какую-нибудь лунку, где окажется связанной чужой хитростью, как мяч в сетке. В лунку, удобную для слежки и для тонкого ментального воздействия, от которого все графские невесты так закономерно сходили с ума.

Не на ту нарвались. Нам, Коршуновым, неуместно в ямки закатываться.

Нет, мой план был умен и коварен. Никто, кроме двух доверенных лиц, не знал, что за всеми капризами белокурой стервы, тайнэ Орияр, стоял жесткий расчет. Хотя и не без пользы для меня, любимой. Но только ради своего комфорта я не стала бы доводить мэйстрес Тимусию до обморока внезапной перепланировкой и грандиозной уборкой, а сэра Гринда до бешенства, требуя от его боевых магов банальной бытовой помощи по дому.

Зато теперь, если и были вражеские амулеты в покоях старших слуг,

они сгинули в такой глобальной перестройке.

Маги просто одним махом убрали старую мебель, очистили стены, уничтожили все межкомнатные перегородки и быстро возвели новые, наспех прикрыв недоделки иллюзиями и рулонами разноцветных тканей, какие нашлись в кладовых. За тысячелетия в закромах скопилась уйма роскошных отрезков — подарков для некромантских жен, предпочитавших, как и их мужья, фирменный цвет Ворона — антрацитово-черный.

Теперь тут и там вспыхивала алая или изумрудная парча, затканная золотыми узорами, сверкали росчерки оранжевых и желтых цветов. Откуда-то маги притащили медового цвета ажурную мебель, наспех отреставрированную с помощью ругани и магии.

Весело получилось. Жизнерадостно. И Лаори-Эрль, зажмуривший было глаза от грохота и пыли, уже вовсю осваивал новый интерьер и моргал в простенках чистенькими картинками. И все пейзажи оптимистично золотились солнышками, цвели луговыми травами, а под вечер моргали звездами и порхали светлячками. Замку пришлось по душе перемены.

В отличие от некоторых его жителей.

И вот тут-то дедушка Энхем и дружище Кенз должны были отслеживать особо недовольных. Дворецкий — среди слуг-магов, Кенз — среди магов-рыцарей.

Кто-то должен проколоться. Обязан.

Бурная деятельность потерявшей берега Тиррины Барренс не может не раздражать кукловода, засевшего где-то в замке или поблизости.

Так что выпалась я прекрасно в новых покоях.

И проснулась с надеждой и улыбкой.

Во-первых, мне приснился папа. Он крепко держал меня за руку и говорил: «Томочка, родная моя девочка, как же я соскучился!» Мне было двенадцать лет, и в тот год отец отправил меня в Брайтон-колледж на все лето, но сам не выдержал разлуки и приехал в отпуск, благо курорт был в десяти минутах от нашего пансиона.

Впервые за три года я увидела отца так ясно, так реально, и преисполнилась уверенности, что все получится. Мы выпустим Ворона из его клетки. А он выпустит меня из плена этого мира.

Во-вторых, меня разбудил дедушка Энхем и, весь светясь от счастья, сообщил: проснулась первая сомнамбула!

Это оказалась последняя из уснувших, заклинание еще не так глубоко въелось в ее жизненные потоки, поэтому она и проснулась первой. А вот остальных еще не добудились. Но главное — это возможно! Как бы ни

выглядели петухи во всех мирах, это солнечные птицы, и они действительно боевые. Лучшее средство от кошмаров, нечистого духа и демонических проклятий.

Энхем поведал, что девушку, уже пришедшую в сознание, но еще одурманенную, немедленно спрятали от чужих глаз в том же домике, где непрерывно дежурил бедняга лекарь. Бедняга — потому что попробуй-ка послушай каждый час петушины вопли прямо над ухом.

— Он там оглох, наверное, несчастный, — нахмурилась я.

— Миледи, маги не дураки, и в комнате для выздоравливающих поставлен полог тишины.

— Это прекрасные новости, дедушка Энхем. — Я не торопилась выбираться из-под разноцветного балдахина, состряпанного из вороха полупрозрачной кисеи, и выслушивала доклад как настоящая принцесса, лежа в постели. Хотя, честно говоря, просто стеснялась щеголять перед посторонним в нижнем белье. Может, у местных графьев и принято не обращать внимания на слуг, а мне непривычно. — Нужно бы усилить охрану девушек и птичек. Думаю, наш секрет скоро раскроют. Та же Тимусия к вечеру заметит, что спящих работниц стало меньше, и разболтает вражеским ушам. А нам нужно вычислить того, кто их усыпил. Не понимаю, кому девушки так мешали?

— Никому. Граф на них и не смотрел никогда.

— Тогда какой смысл в их устранении?

— Мы все долго ломали головы, пытаюсь понять злодейский замысел, — фыркнул дворецкий. — Думали сначала, что таким образом демоны убирают потенциальных любовниц Дэйтара, уж прости за такую подробность, внучка.

— Ничего, ничего, продолжайте.

— Потом решили, что устраняют лишние глаза. Ведь девушки-то по всему замку работают, пыль вытирают, полы моют. А среди них многие с бытовой магией, обученные заклинания чувствовать. Мало ли чему свидетельницами станут.

Я задумалась. Пострадали девушки не только из главного замка, но по всей крепости, — горничные, прачки, кухарки и прочая обслуга, в том числе сосланные в Орияр-Дерт преступницы. Но вряд ли они пострадали из-за интереса к ним молодого графа. Во-первых, если не считать Тайру, граф не проявлял интереса к прислуге. Но и к Тайре этот интерес был не сексуальным, а детективным. Я в ее роли просто бесила Дэйтара тайнами.

Во-вторых, среди сомнамбул были и совсем дурнушки. И возраст у некоторых еще не брачный. Как-то трудно представить Дэйтара

педофилом. Похоже, он ценит в женщинах ум, стиль и шарм, а то и другое оттачивается только с годами, трудно ожидать шарма от пятнадцатилетней прачки. Или виконтессы Тиррины.

— Очень слабые версии, дедушка Энхем, — сказала я.

— Слабые, внучка, согласен. Поэтому основной стала следующая: именно среди сомнамбул прячется магичка, связанная с демонами. Не думаю, что голем Олла — это все сюрпризы. И скорее всего магичка из тех, кто сумел избежать присяги в силу возраста, то есть ей нет восемнадцати.

— Тоже мне враг! — фыркнула я.

— Не в возрасте дело, а в силе. Тиррина Барренс в десять лет уже была опасным противником. А уж в восемнадцать... — Старик хитро прищурился, глядя на меня сквозь кисею, и усмехнулся. Но тут же посерьезнел. — Но самое вероятное и огорчительное предположение: нашелся способ обойти присягу, и кто-то служит не Ворону, а демонам.

— Как Лин?

— Лин присягала королю, когда в ней появилась магия. И, заметь, она не причинила зла ни замку, ни Дэйтару.

— Но напала на его невесту, — напомнила я.

— И была наказана. Получила рикошетом собственное заклинание. Нельзя обойти присягу без расплаты.

Я поежилась. Утро перестало казаться прекрасным.

— Получается, сомнамбулы в опасности, затаившаяся змея может ужалить?

— Если она среди них. Но не беспокойся, внучка. Мы предусмотрели и это. К тому же есть и четвертая версия: сомнамбулы призваны запутать нас и отвлечь от главной фигуры. Это помимо всего — средство морального давления на милорда. Способ показать ему, насколько наша крепость уязвима.

— А что там со жрецами и храмом, есть новости? — перевела я разговор на другую тему.

— Само помещение сейчас чистят от пыли, грязи и мышинных гнезд. За столько-то веков скопилось там... А жрецы пока молчат. Но я не сомневаюсь, что они согласятся. Слишком давно рвутся они в Ориар-Дерт, чтобы устоять перед таким соблазном.

— Совсем как айэ, — вспомнила я.

— Кстати, вы помните, что одна из них зреет в лаборатории графа? Она еще не может двигаться, видеть и слышать, но передала нашим наблюдателям-менталистам, что хочет, чтобы вы пришли. Кого позвать из горничных, чтобы вам помогли одеться, графиня? — Дворецкий церемонно

поклонился, показывая, что хватит валяться, дела не ждут.

— Никого, — вздохнула я. — Сама справлюсь. Ты же знаешь, дедушка, Ани и ее матери я не доверяю. Я могу доверять только Белинке. Но если я ее позову, то навлеку подозрения. Все помнят, что девочка прислуживала только экономке Вирт.

— Я пришлю Ктару. Негоже госпоже обходиться без горничной. И прими еще один совет.

— Приму, куда я денусь.

— Не прикасайся к зреющей айэ, как бы она ни просила.

— Конечно, не буду! — с жаром уверила я.

Успокоенный дворецкий отправился за горничной.

Наконец-то! Надо запретить ему врываться по утрам с докладом, когда графиня еще не посетила тайную комнату.

Я не самоубийца. Я отлично помню, как однажды разум настоящей Тайры Вирт захватил наше с Тиррой тело. И в тот момент, когда айэ Вирт проговаривала моим языком свои мысли, я по-настоящему испугалась своего полного бессилия и смерти.

И пусть уже разорвана ее ментальная связь со мной, но сейчас Тайра окрепла, а она все-таки непростая айэ. Она — будущая айэни, одна из шестнадцати королев теневого народа. И это безумие со стороны Дэйтара оставлять ее дозревать здесь, пусть и за толстенными, опутанными заклинаниями свинцовыми дверями, которым не страшен и атомный взрыв, но — здесь, в крепости, куда уже тысячелетие запрещено ступать любому айэ, даже самому хиленькому. Любопытно ему, видите ли, зачем айэ вот уже тысячелетие рвутся в Орияр-Дерт!

И вот она хочет со мной говорить. О чем?

Или постарается снова захватить мое тело? Теперь, когда я стала тайнэ Орияр.

После утренних процедур я, накинув на рубашку кусок тонкой и мягкой ткани, заменявшей местным дамам пеньюар, вернулась в спальню и остолбенела: постельное белье споро меняла никакая не Ктара, а моя камеристка Лисси. Увидев меня, она расцвела в улыбке и поклонилась:

— Госпожа! Я так рада, что снова могу служить вам!

Ну, это она загнула. Прохиндейка служит кому угодно, но не мне.

— Какими судьбами, Лисси? — спросила я, пройдя к столику с зеркалом. — Как тебе удалось вырваться из дворца? И какие новости?

— Ах, миледи! Вы не представляете, что творится в столице! — воскликнула камеристка и даже руки горестно заломила. — Да что в столице! Говорят, некроманты сошли с ума во всем Риртоне! Не хотят

допрашивать трупы, отказываются упокаивать беспокойных мертвецов, но еще и поднимают целые кладбища. Вы только подумайте! Столица в осаде. Полчища мертвых во главе с бунтовщиками-некромантами требуют свободы Ворону. Против них собирается армия цветных магов, но жрецы Небес вдруг отказались их благословлять. Говорят, Небеса не дают знак благословения.

Я ошеломленно упала в кресло. Ничего себе у них там революция!

— Вся знать в панике и бежит порталами кто куда, — продолжала щебетать Лисси. — И я под шумок бежала. Меня его сиятельство лорд Ориар еще давно снабдил личным порталом на самый крайний случай. Я бы еще вчера явилась, но почему-то портал не хотел раскрываться. А сегодня получилось. Я так рада!

— Кто тебя прислал? — в лоб спросила я.

Веки блеклых глаз Лисси на миг дрогнули.

— Я сама, миледи. По давней договоренности с милордом.

— Не лги мне! — Вместе со словами я послала и слабый ментальный импульс, усиливая их, как учил Нейсон.

Камеристка потупила глаза, не выдержав моего пристального взгляда. На ее щеках вспыхнули некрасивые красные пятна.

— Кто только не отправлял меня, госпожа, — с горечью усмехнулась Лисси. — И король, и глава Совета Ока, и храм Небес. А получилось только у королевы, когда я пыталась бежать в Ориар-Дерт порталом, а она в это время швырнула в меня вот этот амулет. — Девушка выложила на туалетный столик тусклую фиолетово-зеленую звезду с оплывшими словно от сильного жара лучами. — Не пугайтесь, он уже не опасен. Дело в том, что ее величество узнала о том, что я служила не только ей, но и королю.

— А на самом деле?

— На самом деле у меня всегда был один хозяин — лорд Ориар! — выпалила она с жаром, а ее глаза вспыхнули фанатичным блеском. — Вы теперь — таинэ Ориар, и я верна вам так же, как хозяину.

Еще одна Лин Игви, вздохнула я. Только та была посильнее. Зато эта — хитрее и изворотливее.

— Я приносила присягу Оку Истины, миледи! — Неизвестно, что прочитала Лисси в моих глазах, но она неожиданно бухнулась на колени. — Не прогоняйте меня!

Я взглянула на хмурый пейзаж за спиной девушки. Все луговые цветы закрылись, набухшие дождем тучи висели над серой речушкой, а вдалеке на нарисованном пригорке флаги игрушечного замка окрасились в кровавый цвет. Что бы это значило? Опасность? Неужели от этой тройной

агентши? Может ли она солгать, что принесла присягу? Вполне. Ведь Дэйтара рядом нет, некому уличить.

— Ступай, Лисси, отнеси эту штуку дворецкому. — Я показала на «звезду», выглядевшую так же неприятно, как дохлая жаба.

Девушка дернула плечиком и поморщилась.

— Миледи, мэйстр Чесс и сэр Гринд уже видели ее и расспросили меня обо всем, иначе меня к вам просто не допустили бы. Они велели сохранить ее и показать хозяину, если он вернется.

— Если? Так и сказали? — вздернула я бровь, но не стала возмущаться. Взяла шкатулку, где лежал амулет управления сомнамбулами, вынула содержимое. — Хорошо, положи ее сюда.

Очень мне не понравилась тусклая алая молния, мелькнувшая на пейзаже за спиной служанки, и порыв ветра, пригнувший к земле нарисованные деревья. Замок почему-то злился и нервничал. Надо будет проверить якобы испорченный амулет.

— И отнеси мое вчерашнее платье прачкам, Лисси. Я намерена подарить его тебе в честь моего наречения. Ты три года была рядом со мной, а я умею ценить преданность.

Когда эта преданность есть.

Я проводила взглядом обрадованную горничную, — одежда с барского плеча мгновенно утверждала статус служанки на новом месте, Лисси не могла не оценить мой жест, — зажала в руке амулет управления и, подождав минуту, выглянула за дверь.

Так и есть, Кенз болтался неподалеку и беседовал с красивым белокурым рыцарем, в котором я узнала сэра Арчи, еще одного маганекроманта из команды Гринда, которому Дэйтар особенно доверял. Серьезно они взялись за то, чтобы таинэ Орияр не совала нос во все щели замка.

При моем появлении оба выпрямились и отдали честь.

— Таинэ, добрый день!

— Добрый день. Сэр Кенз, позовите дворецкого и проследите за моей новой камеристкой Лисси. Сэр Арчи, а вы пока взгляните на амулет в шкатулке на моем туалетном столике. Со всей предосторожностью.

Через пару минут, когда явился дедушка Энхем, амулет был укрыт особой нейтрализующей сферой и унесен из моих покоев вместе со шкатулкой, столиком и всеми флаконами, которые подлежали уничтожению. Даже зеркало и стену маги обработали какими-то вонючими растворами и покрыли вязью заклинаний.

А Лисси исчезла вместе с моим платьем. Больше никто ее не видел, но

Энхем признался, что внутри замка сработал ее личный портал. Вот только то ли что-то пошло не так, то ли, наоборот, так и было задумано, но остаточные следы показали, что портал был направлен в Нижний мир.

— Это вам не маленькая заколка! — скрипнул зубами Гринд, когда узнал о похищенном платье. — Этого хватит и для наведенного заклятия, и для проклятия, и еще для кучи мерзейших заклинаний.

Я оптимистично похлопала огромного рыцаря по руке:

— Не переживайте, командующий. У них еще тогда, три недели назад, осталось и мое свадебное платье, и даже ковер, похищенный из моего особняка. Но никакой магии ко мне они не применили. Или не смогли применить. Может быть, у демонов развит фетишизм, и они просто коллекционируют предметы моего гардероба?

Зреющая маргисса и подсаженный в нее разум настоящей Тайры Вирт подождут, — решила я и распорядилась накрыть завтрак в малой трапезной, предназначенной для тесного семейного круга.

На завтраке я сидела за главным столом вместе с архивариусом, магистром Арвином, покинувшим по моей настоятельной просьбе свою книжную берлогу, и его дочь. До сего дня девушку никогда не приглашали за хозяйский стол, и ее отец выглядел сконфуженным, но вместе с тем и польщенным.

Я же хотела поближе познакомиться с Тиа, бывшей подругой Лин Игви. Понаблюдать. И, как учил меня магистр Нейсон, спровоцировать на эмоциональный всплеск — в эти мгновения естественная ментальная защита живого существа ослабевает, и даже такой неопытный маг, как я, может ее сломать или обойти.

Самое приятное, что в силу стервозности характера прежней хозяйки моего тела, никто не заподозрит меня в ментальной атаке.

Тиа не разделяла восторгов отца по поводу своего возвышения. Держалась она с достоинством и безукоризненной вежливостью аристократки, хотя происхождения она была низкого и не состояла ни в каком магическом ордене — якобы у магистра Арвина не хватило средств на ее обучение. Мне не верилось в скупость графа Ориара, что молодого, что старого, угрохавшего бешеные деньги на выкуп талантливой некромантки Лин Игви, скорее всего виной слабый дар Тиа.

И еще было странно, что она прозябала в такой дыре, как Ориар-Дерт. С ее-то красотой и манерами. Она напоминала мне Белоснежку из мультфильма: черные волосы, бледная кожа, алые губы — очень эффектное сочетание. К этому добавлялись большие карие глаза под длинными

ресницами и скромная, но элегантная одежда темных тонов, подчеркивающая алебастровую белизну кожи.

К моему изумлению, Тиа оказалась непробиваемой. Она не изображала убитую горем подругу, не расстреливала меня ненавидящими взглядами, как виновницу смерти Лин. Ее выразительные карие очи были безмятежны, лишь изредка на самом дне чудилась тень усмешки.

Когда после двух бокалов красного вина обстановка за столом стала менее напряженной, я перешла в наступление.

— Я слышала, мэйс, вы дружили с бедняжкой Лин, — сказала я, отставив недопитый бокал. — Сочувствую вашей потере.

Тонкие губы девушки иронично скривились:

— Вряд ли это можно назвать дружбой, миледи. Она мне не ровня, но мы были полезны друг другу. Здесь никто не любил Лин, кроме ее наставника, покойного графа Армита Орияра. С ее характером Лин было трудно симпатизировать. Но должна сказать, ее смерть в ночь вашего появления в Орияр-Дерте все сочли плохим знаком.

— Почему?

— Смерть сама по себе плохой знак. А начинать с нее новую жизнь...

Мне почудилось, или Тиа намекнула на катастрофу трехлетней давности, унесшую семью Тиррины? Не я ли говорила слугам, что Небеса даровали мне новую жизнь?

— А еще говорят, что первым делом, воспользовавшись отсутствием жениха, вы уничтожили соперницу.

Что ж, к темной славе Тиррины Барренс молва прибавила еще одно злодейство.

— И кто же говорит?

— Слуги, — пожала плечиком нахальная девица и безмятежно улыбнулась.

— Непростительная ошибка. — Я выдала еще более лучезарную улыбку.

— Что, простите? — вопросительно изогнулась прекрасная смоляная бровь девушки.

— Считать, что безродная девка может быть соперницей графини Барренс.

И я все-таки ее пробила! Бледнеть девушке было некуда, поэтому Тиа слегка порозовела, длинные загнутые ресницы дрогнули. Она дала задний ход:

— Я не хотела вас оскорбить, миледи!

Именно этим она и занималась все время.

— Разумеется, — с усмешкой кивнула я. Перевела взгляд на ее отца, ковырявшего вилкой омлет. Архивариус делал вид, что погрузился в какие-то свои размышления и не слышит наш разговор. Впрочем, может, так и было. — Вы просто передали слова неких слуг.

— Так и есть. — К собеседнице неправдоподобно быстро вернулось самообладание.

— В таком случае пойдем дальше. Поведай мне, Тиа, какие девушки претендовали на внимание лорда Орияра, до того как попали под проклятие сомнамбул?

— Это мне неизвестно, — слишком поспешно отозвалась магичка. — Я почти все свое время посвящаю либо помощи отцу по классификации документов, либо оранжерее, где меня никто не может заменить. Поэтому мне не до сплетен.

— Тогда тем более удивительно, — сказала я, намазывая булочку джемом, — как быстро ты их собрала сегодня, суток не прошло.

Есть! Еще одна брешь. На этот раз порозовел даже кончик аккуратного носика брюнетки.

— Не до сплетен, — со вздохом повторила магичка, — но я слышала, что горничная Ави Стрей несколько раз выходила из покоев лорда Дэйтара Орияра ранним утром. Лин очень переживала и злилась. Но Стрей была второй уснувшей. Первой пострадала Виветан, бывшая фрейлина королевы. Ей было всего семнадцать, ее сослали из Верхнего мира за какое-то преступление, но она и трех суток не прожила спокойно в Орияр-Дерте.

— За какое преступление? — любопытствовала я.

— За пощечину королю, — шепотом поведала Тиа.

Ее отец вскинул блеклые глазки и, кивнув, снова углубился в изучение содержимого тарелки.

— Кто стал третьей сомнамбулой? — продолжила я допрос.

— Прачка Ним, ровесница молодого графа, сирота. Но она так безобразна, что трудно заподозрить его сиятельство в симпатии к девушке. Вся рябая от оспы. Четвертой стала Сима, тоже горничная. Она была приятной на личико, но заикой.

— Достаточно. К обеду напиши список с именами и характеристиками всех сомнамбул. А вы, магистр Арвин, проверьте сведения и даты. Девичья память такая ненадежная штука, мне ли не знать. — И я с удовольствием отметила, как Тиа прикусила губу.

Архивариус склонил голову:

— Сделаю, таинэ. Но позвольте полюбопытствовать, для чего? Маги замка уже изучали феномен, но никакой системы не обнаружили. Ни

малейшей закономерности!

— Ну как же ни малейшей, магистр! — возразила я. — Все они — молодые девушки. Все уснули в своих постелях. Все послушны амулетам подчинения или магам, поэтому продолжают работать. Кстати, как выглядит Виветан?

Неужели и фрейлину припахали?

— Уже никак, — скорбно опустились уголки губ архивариуса. — Она разбилась во сне. Упала с лестницы.

— Когда это произошло?

— Через неделю после того, как ее настигло проклятие. Два года назад.

Почему мне кажется, что это убийство? Но ведь наверняка Дэйтар расследовал смерть фрейлины.

— А вторая сомнамбула когда появилась?

— Через пару ночей после трагедии.

Заметали следы и увлеклись? Как же хочется поговорить с женихом! У меня к нему бездна вопросов, а он в тюрьме прохлаждается!

— Ты ведь маг, Тиа? — спросила я, прекрасно зная ответ.

— Слабый, — призналась девушка. — Магия света. Потому лорд Ориар просил меня помочь в оранжерее. В Ориар-Дерте так не хватает настоящего солнца Верхнего мира!

Вот откуда взялись отравленные лилии для экономки Тайры Вирт. Это, конечно, бездоказательные домыслы. Я знала, что в тот день Тиа поклялась Дэйтару, что не выходила из спальни и непричастна к злодеянию. А сердце Лаори-Эрля было ослеплено или тоже усыплено, и замок не мог никого заметить. И Белинка была усыплена очень плохим сном. Как знать, может, если бы не случайность, то и Белинка стала бы сомнамбулой? Может, совсем не в демоническом проклятии дело, а в скромной, но ослепительной красавице Тиа Арвин?

И почему она мне даже на глаза не попадалась за те две недели, пока я была тут экономкой?

Нужно поговорить с растущей маргиссой, точнее, с запертой в ней айэ Тайрой Вирт. Вдруг ее разум заметил то, что ускользнуло от моего. Не чужие ведь мы с ней после всего, пусть поделится.

Я промокнула губы салфеткой, бросила ее на стол и поднялась. Архивариус с дочерью тоже подскочили.

— Останьтесь, вы ничего не ели, — махнула я рукой и направилась к дверям. За ними дежурил мой неразлучный охранник Кенз и дворецкий, ждавший, чтобы сопроводить меня в лабораторию.

— Проснулись еще трое, — шепнул мне старик по пути.

Отлично. Дэйтар вернется, а у него — полный штат прислуги.

— А жрецы еще не проснулись? — усмехнулась я.

— Пока никаких новостей.

Решили нас поддинамить? Подождать казни графа? Или падения столицы от полчищ зомби? А я тут рискую в тотализатор проиграть!

— Может, им заплатить какую-нибудь мзду?

— Граф не оставил распоряжений на этот счет, а вы, миледи, к моему прискорбию, пока лишь таинэ. Вы можете распоряжаться по хозяйству, приказывать слугам, но финансы, увы, вне вашей сферы.

— А кому милорд доверил свою печать?

— Малая у меня. А большую печать — никому, таинэ. Даже сэр Гринд не имеет права потратить ни медяка сверх определенной на содержание суммы.

— А какая мзда могла бы заинтересовать жрецов и сподвигнуть их на переговоры?

— Меньше чем за сто золотых они и пальцем не пошевелият. И учтите, что их двое, миледи.

— Двести золотых для нас не проблема. Передайте, что мы оплатим их транспортные расходы. А что со связью с внешним миром?

— Через чееры с Верхним пока односторонняя. От них к нам. Нейсон должен связаться со мной и доложить о новостях. Главный портал работает нестабильно. Пришли, миледи.

Мы остановились перед массивными дверями лаборатории. По резному металлу пробегали голубые сполохи, как блики по крылу ворона. Красиво, но сбивает с мысли. Я встала к двери спиной.

— Минутку, Энхем. Когда Нейсон свяжется с вами, скажите, что мы согласны держать храм Небес постоянно действующим на территории Орияр-Дерта, и выделяем на содержание двух жрецов... скажем, двести золотых ежемесячно. Каждому.

До осени мне денег хватит, а там наш договор будет завершен, и Дэйтар с его некромантами отправят меня домой, на Землю. И пусть дальше сам разбирается с мирами, жрецами и Небесами.

— Но, миледи, граф никогда не пойдет на такую сделку! — в ужасе воскликнул дворецкий.

— Естественно, не пойдет, потому что сделку совершаю я, как его нареченная. Это во-первых. Во-вторых, если его казнят, ему будет все равно.

— Но откуда у вас такие деньги? — воскликнул старик, но тут же

спохватился: — Простите, таинэ. Но всем известно, что ваш двоюродный брат был плохим опекуном.

Вором он был. Наглым сволочным вором. Хотя мой жених и отобрал у него украденное и вернул мне в качестве свадебного подарка. Но, как оказалось, свадьба в Риртоне очень длинный процесс. Месяцами длится, и не все невесты доживают до брачной ночи. Так что в ближайшем будущем голодать мне не дадут, но мое богатство зависит только от моего ума и удачи.

— Мне со вторым опекуном повезло, мэйстр Чесс, и я получила неожиданное приданое. — Уголки моих губ приподнялись в тихой улыбке Монны Лизы, а рука потянулась к бриллиантовому колье, обнимавшему шею. Пусть дедушка Энхем думает, что я имею в виду бесценные королевские подарки. С другой стороны, мне и впрямь не жаль будет расстаться с нежеланными дарами, если деньги кончатся или выигрыш в тотализатор будет не в мою пользу. Я покосилась на Кенза. Парень улыбался так же загадочно, но смотрел в сторону, чтобы дворецкий не засек. — Открывайте уже. Кенз, ты останешься снаружи.

Маргиссу охраняли так серьезно, словно это атомная бомба новейшей разработки.

За массивной черной дверью лаборатории, защищенной запорами как обычными, так и магическими, опутанной охранками и ловушками, скрывалась еще одна, более толстая, ослепительно-белая, с острыми и такими длинными и частыми шипами, что прикоснуться невозможно. И каждый шип оплетен разноцветной сетью заклинаний. Феерическое зрелище.

Что-то я не помню этого препятствия, когда приходила сюда первый раз с Дэйтаром. Значит, возвели специально для маргиссы.

Дворецкий произнес заклинание, сеть нехотя растаяла, шипы втянулись в дверь, не оставив ни малейшего следа на поверхности, словно она была вертикально стоящей плотной жидкостью. Затем в ход пошли хитрые изогнутые ключи для трех замков. Да, такое не взломать при всем желании.

Когда дверь распахнулась, я увидела абсолютно пустое помещение с длинным мраморным столом посередине. Стол был знаком, я видела его при первом визите. Но маргиссы на нем не было.

В полном недоумении я повернулась к дворцовому. Он невозмутимо направился к боковой каменной стене и нажал на невидимый рычаг. Часть стены отъехала, обнажив еще одну дверь из непонятного блестящего, как

голографическая фольга, материала. Шипов не видно, но поверхность так подозрительно вспучивалась, что стало ясно: за мерцающей завесой прячется что-то похуже острейших игл.

— Минутку, дедушка Энхем, — остановила я дворецкого.

Мне надо было сначала выяснить кое-что по горячим следам. Здесь мы одни и нас невозможно подслушать никаким шпионам. И, подозреваю, даже сам Лаори-Эрль не сможет, судя по мерцающей пленке, обволакивающей стены, низкие своды и пол. Дэйтар серьезно подстраховался.

— Слушаю, внушка. — Темный маг замер, но рук не опустил, готовый снимать запирающие заклятия с препятствия.

— Я никогда не поверю, мэйстр Чесс, что граф не оставил вам приличную сумму на непредвиденные расходы.

— Оставил, — не стал отпираться старик. — Но не для подкупа жрецов, с которыми у него сложные отношения, и не на содержание храма Небес в Ориар-Дерте. Лорд будет в гневе, когда узнает, какой ценой куплена его свобода.

— Главное, он будет жив.

— Миледи! — Дворецкий, всегда говоривший мне наедине ласково «внушка», тоже перешел на официальный и очень раздраженный тон. — Уверю, его не казнят. Его невозможно казнить! Никто не рискнет!

— Ты так уверен? — не выдержала я. Ссориться с моим единственным другом в замке я не хотела. Кенз не в счет, он партнер, но пока еще не друг.

Старик мгновенно смягчился:

— Послушай, внушка. Вороны были закляты королевской кровью династии Энжо. Это заклятие высочайшего уровня, а они всегда сродни проклятию, передающемуся по наследству. Как у любого родового заклятия такого уровня, у него есть обязательное условие саморазрушения. И Дэйтар и король Артан Седьмой знают, что в момент казни исчезнет связавшее Хаора и его потомков древнее заклятие, и палач получит не обезглавленный труп Дэйтара, а живого и свободного демона. Пусть еще не достигшего двадцатипятилетия демона, не обладающего полнотой магии Нижнего мира, но все знают, что происходит с рекой, когда она прорывает плотину. Место казни просто сметет вместе с городом, дворцом и всеми обитателями.

— Получается, что Дэйтару ничего не грозит?

— Если бы! Смерть бывает разной, внушка. В умелых руках милорду грозит полное и быстрое магическое и физическое истощение. Даже такого сильного мага как Ворон можно рано или поздно довести до такой степени

бессилия, что даже возвращение демонической сущности во время казни окажется так же безопасно, как свернуть шею голубю.

Я прошлась вдоль пустого анатомического стола, провела пальцем по мрамору, оставив четкую дорожку на слое пыли.

— Тогда почему вы не хотите воплотить вами же предложенный план — возродить храм Небес и пригласить жрецов для моего свидетельства?

Дворецкий тяжело вздохнул:

— Боюсь за тебя, внука. Выдержишь ли ты противостояние с их силой? Мы, конечно, будем свидетелями. Но успеем ли их остановить?

— Это не причина, дедушка. В чем настоящая причина?

Старик потер чеер, досадливо поморщился и, наконец, выдавил:

— Ох и умна ты на нашу голову, девочка! Ты вынуждаешь нас нарушить древний запрет хозяев Орияр-Дерта. Конечно, я сам предложил открыть храм, чтобы показать Нейсону, что мы готовы к переговорам, но я был уверен, что жрецы не явятся. А теперь они будут взвешивать, что выгоднее: убрать Дэйтара с политической арены Риртона или заполучить своих соглядатаев в Орияр-Дерте и возможность контроля, а то и влияния на его магию, то есть завершить свой замысел, который так ловко обломали первые дети и внуки Хурга. И боюсь, жрецы предпочтут не расшатывать Риртон. Особенно теперь, когда в бой за Ворона пошли все некроманты королевства.

— Вы могли не передавать мои слова Нейсону.

— Не мог. Вы — таинэ Орияр. Как я мог послушаться приказа?

Я подошла к голографической двери, окинула ее внимательным взглядом.

— Не понимаю, чем плохо, если мы откроем двум священникам вход в Орияр-Дерт? Особенно если учесть, что сила жрецов противостоит силе айэ. Вы ведь жутко ее боитесь, раз приняли такие меры безопасности. И жрецов опасаетесь. Но даже я знаю, что нет лучшего способа нейтрализовать врагов, чем завязать их друг на друга. Раз уж у Дэйтара в лаборатории зреет не простая айэ, а их королева, одна из шестнадцати, то пусть она станет их головной болью.

Магистр в скромной ливрее дворецкого задумчиво проследил за моей рукой, безбоязненно коснувшейся опасной поверхности двери. Пальцы провалились, а потом их предостерегающе обдало ледяным холодом. А могло бы и откусить, не будь я таинэ. Я отдернула руку.

— Деньги будут, — решил дворецкий. — Столько, сколько захотят жрецы, в разумных пределах. А Дэйтар пусть с меня потом голову снимает.

Я улыбнулась:

— Пока обойдемся моими средствами. Не хочу тебя подставлять.

К тому же, если выиграю в тотализаторе, денег у меня только прибавится.

А заодно проверим, умеет ли Ворон ценить жертвы. Пока мне кажется, что для него все вокруг — лишь разменные монеты для достижения каких-то неведомых, но, безусловно, важных целей. Но вдруг ошибаюсь? Хотелось бы ошибиться. Пусть он будет муж на час, но Тамара Коршунова не может выйти за жлоба и самовлюбленного эгоиста даже на секунду. Папа не простит такого поступка.

— Как скажешь, внучка. — Старик благодарно поклонился.

— И еще у нас появится возможность проверить сомнамбул. Всех. Мне не дает покоя четвертая версия. Мы сможем проверить, есть ли среди них замаскированный резидент демонов.

— Попросим жрецов провести обряд экзорцизма? — вскинулись седые брови.

— Да. Это возможно?

— Да, и ради этого служители Небес будут действовать без всякой мзды. Но смогут ли они учесть, что Орияр-Дерт — бывшая территория демонов, главный дворец Воронов, правителей сферы Суаф. И все мы, принеся клятву верности перед Оком Истины, получили защиту Орияр-Дерта и метку, которую при желании можно интерпретировать как демоническую, хотя это не так. Именно из-за такого конфликта и был закрыт храм Небес в нашей крепости.

Что ж, кто сказал, что будет легко?

— Тогда пусть проверят хотя бы тех, кто не успел принести присягу.

Я успела уловить, как легонько поморщился маг, но он тут же стер гримасу и рассыпался в лстивой похвале моему уму и сообразительности. А моему сердцу стало зябко, словно оно прикоснулось к ледяной ловушке третьей двери. Господи, смогу ли я понять, что тут происходит? Смогу ли вырваться из всех хитросплетений этого чудовищного мира?

— Открывайте, — кивнула я на дверь, стараясь не смотреть на старика.

Но он был слишком проницателен и мудр, чтобы не уловить перемены в моем настроении.

— Прости, внучка. Не думай, что тебе удастся за сутки решить те задачи, над которыми бьются лучшие маги несколько лет. А если взять проблему Орияр-Дерта в целом, то и несколько столетий.

— Я не думаю. Я хочу домой. И Дэйтар — единственный путь, который вернет меня в мой мир. Потому я сделаю все, чтобы наш брак

состоялся.

— Без любви? — спросил маг с такой жалостью, что я чуть не расплакалась.

— Без любви Небеса не признают наш союз. Но любовь может быть разной. Единственное, без чего не может быть брака — без уважения друг к другу. Мой жених пока не сделал ничего такого, чтобы я потеряла к нему уважение.

— А если сделает?

Я посмотрела в вылинявшие стариковские глаза. Показалось, что они слезятся, словно от сильного ветра. Но я промолчала. Что толку говорить? Когда случится, тогда и буду думать и решать. А сейчас лишь бы сделать, что должна.

Энхем, проделав такой же танец с бубнами, как и раньше, распахнул дверь, и я вошла в темное помещение. Дверь позади нас захлопнулась. Под низкими сводами тут же вспыхнули магические огни, и я ужаснулась увиденному.

Тайра Вирт, которую я три недели назад видела своим разумом во время путешествия в астральном мире, выглядела прекрасной феей со слюдяными крыльями. Что-то близкое к ее реальной внешности я и ожидала увидеть, пусть еще не созревшее.

Но подросшая маргисса, принявшая человеческую форму, величиной с десятилетнего подростка, была так уродлива, что вызывала тошноту при одном взгляде на нее. Особенно на кожу — бугристую, бледную, покрытую мелкими белесыми шипами, как у кактуса, и складками, как у носорога. Руки, ноги будущей Тайры Вирт выглядели распухшими обрубками. Лицо еще не было сформировано, но уже угадывалось в безобразном полукруглом отростке головы — намек на глаза, уши и нос.

Она висела в воздухе на сотнях полупрозрачных лент, крепившихся изнутри к стенкам огромной сферы, прозрачной, как мыльный пузырь.

И пахло в помещении ужасно — нечистотами, потом и гнилью.

— Чем она дышит? — Не приближаясь, я обошла пузырь по кругу. — Как к ней поступает воздух?

— У нее еще не работают легкие, — объяснил дворецкий.

— Но ведь и растение должно дышать!

— Внутри достаточно воздуха, он поступает в микропоры.

— А вода? Питание?

— Ее раз в сутки погружают в специальный питательный раствор, он проникает тоже через поры.

И точно, под пузырем я еле разглядела в полумраке решетку, прикрывавшую вмонтированный в пол огромный чан. Вонь шла от этой ямы.

«Это ты! Пришла! — вдруг коснулась меня чужая мысль. — Я умираю, сестра. Помоги мне».

— Ей плохо, — сказала я дворецкому. — Она выглядит больной и вялой.

— Мы даем ей все, необходимое для жизни и роста.

— Чего тебе не хватает, Тайра? — громко спросила я вслух.

Белесая масса маргиссы всколыхнулась, словно ее бил озноб.

«Тише. Пожалуйста, тише. Я... отвыкла от звука».

— У тебя нет ушей.

«Есть зачаточные, но я слышу всем телом. Это еще хуже».

— Для умирающей ты неплохо держишься, — последовала моя жестокая реплика.

«Мне нужен чистый воздух и свет. Настоящий солнечный свет. Пожалуйста».

«Почему ты не попросишь у магов?»

«Они не позволяют».

«Они и меня не слушают. Я всего лишь таинэ, а Дэйтара нет».

«Позови его. Мне ничего не говорят и не зовут его. Позови, пока мои силы не иссякли. Еще немного, и я сойду с ума».

Я почувствовала, как, несмотря на духоту, моя кожа покрылась мурашками. Не этого ли добивается Дэйтар? Договор будет исполнен — Тайра получит новое тело. А то, что она в процессе сойдет с ума, так о ее психическом здоровье речи не было.

«Помоги, прошу...» — осенним шелестом прошуршала чужая мысль.

«Я не знаю как. Я попробую».

«Спасибо. Поговори с Лаори-Эрлем. Он сможет помочь мне, если захочет. И тебе».

«Мне?»

«Ты тоже заперта здесь, сестра. Никто тебя не отпустит, никогда. Отсюда никто не уходит даже после смерти».

— Уходим, мэйстр Чесс. Я видела достаточно.

Резко развернувшись, я направилась к выходу. Сфера с маргиссой дернулась.

«Поговори с сердцем Лаори! — отчаянно забила чужая мысль, заставляя замереть на месте. — Только ты сможешь спросить его...»

Дворецкий стремительно распахнул дверь, вытащил меня за руку и,

захлопнув, мгновенно повернул ключ и накинуд первое заклятие. Дверь содрогнулась от мощнейшего удара изнутри.

— Ничего себе, — прошептала я, чувствуя, как немеют руки и ноги от запоздалого приступа страха. — Для умирающей она весьма... живенькая.

— Маргисса далеко не безобидна, — кивнул Энхем.

— Она просила обеспечить ей свежий воздух и солнечный свет.

— Это невозможно. Воздух закачивается в камеру, но приток увеличить нельзя: любая щель толще волоса будет использована Тайрой для того, чтобы разрушить замок и вырваться. До возвращения Дэйтара мы ничего не будем предпринимать, ибо в данном вопросе внутренней безопасности мы вправе не исполнять приказы таинэ.

— А свет?

Дворецкий вздохнул.

— Готовые световые амулеты — все, что мы можем себе позволить. Мы черные маги, а не белые.

— А Тиа? Она же умеет работать с магией света. И у нее есть опыт в оранжерее.

Энхем опустил глаза.

— Милорд не давал распоряжения насчет этой девушки.

— Боится утечки? Не доверяет?

— Это и ваша тайна, миледи. Нет. Милорд никому не доверяет.

То-то, я смотрю, тут предателей на каждом шагу полно... Я вскинула подбородок и отчеканила:

— Если мы не сумеем вернуть графа Ориара сегодня, завтра я прикажу вам использовать Тиа для ухода за маргиссой, а вы уж сами решите, какие меры безопасности вам придется принять, чтобы моя тайна осталась таковой.

— Как будет угодно таинэ. — Старик поклонился, и я так и не смогла разобрать выражения его лица.

Надо срочно спасать положение.

— Скажи, дедушка Энхем, возможно ли поговорить с замком?

— Что?

— С Лаори-Эрлем. Он ведь живой. Или почти живой. Это не бездушный камень. Он... он улыбается мне, я чувствую. Или плачет, как в башне, разрушенной Тирриной. Или бессильно молчит, как здесь. — Я оглянула серые стены без единой картины и остановила взгляд на морщинистом лице дворецкого. — Да вы и сами говорили, что Лаори-Эрль принял меня. Как живое существо.

Маг отрицательно качнул головой:

— Час от часу не легче! Только хозяева могут говорить с сердцем Лаори-Эрля, внука. А ты, при всем моем желании, еще не хозяйка. Замок не может говорить с тобой.

«Может!» — вдруг пронзила меня мысль. Разве живые картины — это не его образная речь? На этом языке он говорит со всеми. Вот только не всегда ответы Лаори-Эрля можно однозначно расшифровать. И откликнется ли он?

Глава 16

ПЕРВЫЕ ГОСТИ

Архивариус с дочерью вручили мне список сомнамбул с датами и описаниями, едва я вернулась из путешествия по подземельям, и я, приказав подать обед в покой, отправилась к себе. Больше всего хотелось плюнуть на все, зарыться в подушки и от души поплакать, но Коршуновы не плачут.

Бросив свиток на стол в уцелевшем кабинете секретаря, я открыла схрон, сгребла в сторону бриллианты и принялась отсчитывать золотые монеты для мзды жрецам. Тяжелое это дело, ответственное. Я постоянно сбивалась со счета, пока не догадалась выкладывать на столе ровные столбики.

Как жаль, что нельзя так же ровно выложить мысли, догадки, вопросы. Все это крутилось в голове запутанным клубком.

Только Дэйтар может ответить на все мои вопросы. Он поклялся в храме Небес быть со мной честным всегда и во всем. Но во дворце мы не могли говорить откровенно, в Нижнем мире было не до того, а в Ориар-Дерте он не пробыл со мной и минуты, сразу ушел.

И попал в хитрую ловушку.

А его замок кто-то надолго блокировал, создав из него ловушку для всех обитателей. И Дэйтара отрезали от помощи. Единственное, чего не просчитали заговорщики — бунта некромантов и снятие заклятия с сомнамбул.

Я взяла список, вышла из кабинета и плотно закрыла двери. Все-таки стихия ремонта сюда не добралась, стены остались нетронутыми, мало ли что.

Для беседы с Лаори-Эрлем я выбрала собственную спальню, где напротив лежа вся стена была занята огромным пейзажем, превращавшимся ночью то в звездное небо, то в тихую морскую гладь. Замок словно пел мне колыбельную.

И сейчас на картине плескалось море, и брызги попадали мне на лицо и руки.

— Помоги мне, Лаори.

— Эрль, — булькнула волна, разбившись о большой валун. Даже список слегка намок от шаловливого прибоя.

— Извини, Лаори-Эрль. Так ты поможешь?

Большая белокрылая чайка с криком кружилась над каменистым берегом. Но я не теряла надежды.

— Покажи мне, пожалуйста, если ты помнишь, кого, как и когда настигло проклятие сомнамбул. Я буду называть имена, а ты вспоминать. Хорошо?

— Карр! — оглушительно каркнул огромный ворон, прогнал чайку и уселся на валун, склонил голову, словно показывал, что внимательно слушает.

Я развернула свиток и начала с последней, уже проснувшейся сомнамбулы.

И столкнулась с неразрешимой проблемой: Лаори-Эрль не мог показать самого себя. Вот почему на его картинах всегда пейзажи или натюрморты. Иногда портреты на темном тичиановском фоне. И ни одного интерьера.

А потому я видела, как по каменистому берегу идет девушка в платье горничной с метелкой в одной руке и тряпкой в другой, не замечая накатывающего на гальку прибоя. Изредка она взмахивала метелкой, словно очищая невидимые завитушки лепнины, или протирала спинки и подлокотники кресел.

— Покажи мне, когда она уснула.

Девушка пропала и появилась снова на некотором расстоянии. С распущенными волосами, в длинной рубашке с завязками на горловине и рукавах. Она зевнула и легла на гальку, поворочалась, укутываясь невидимым одеялом.

И я поняла, что проиграла. Все бесполезно. Замок показывал в режиме реального времени. Столько ждать и наблюдать я не могла.

Тогда я стала просто называть имена, чтобы познакомиться с тем, как Лаори-Эрль видел этих девушек. Возможно, он смотрел иначе, глубже, смотрел в суть. И мог передать именно свое видение.

Наверняка Дэйтар или его маги тоже догадались побеседовать с сердцем Лаори-Эрля, и никаких открытий я не сделаю, но мне надо отвлечься от тревожных мыслей. Так почему бы не сделать этого, расспрашивая интерактивный телевизор?

Никаких открытий я не сделала, кроме одного. Чисто из любопытства и университетской привычки систематизировать информацию, я попросила показать мне смерть бывшей фрейлины, леди Виветан.

Пейзаж на картине, монотонно плескавший ласковыми синими волнами на серебристо-серую гальку, мгновенно изменился. Вздрыбился

крутой каменный склон с широкими ступенями. Налетел ветер, притащил низкие свинцовые тучи. Крупный ворон, неизменно сидевший на валуне, поднялся в воздух, сердито каркнул и едва увернулся от плеснувшей в него волны.

Как замороженная, я наблюдала за неравной схваткой. Стихия ярилась. Пыталась сбить чернокрылого в полете, слизнуть высокими языками волн. Наконец, огромная как альбатрос птица сдалась и с оглушительным карканьем убралась в расщелину скалы, торчавшей далеко в море. Волны тщетно лизали ее подножие, но добраться не могли — чем выше они вздымались, тем выше поднимался каменный зубец.

Увлеченная разыгравшейся сценой, я не сразу обратила внимание на черное пятно, спускавшееся с каменного склона берега.

Девушка с темными волосами, забранными в прическу придворной дамы, двигалась медленно, придерживая отделанную кружевами юбку двумя пальцами. Вторая рука лежала на невидимых перилах. Несмотря на бушующий на картине шторм и брызги, складки платья и накинутая на лицо вуаль почти не шевелились, как если бы Виветан — а это была, несомненно, она — спускалась по широкой парадной лестнице Лаори-Эрля.

Жаль, лица не показали. Из-под вуали виднелись только изящно очерченные алые губы и подбородок с ямочкой.

Остановившись на последней каменной ступени, девушка протянула руку, обтянутую кружевной перчаткой, ее пальцы обхватили что-то и поднесли к губам. Как будто кто-то подал ей бокал на подносе. Сделав глоток, девушка вернула невидимый сосуд, всплеснула руками, как птица, пытающаяся взлететь, и, подогнув ноги, мягко осела, аккуратно уложив голову на ступень.

И это называется «разбилась, упав с лестницы»?

Я осторожно коснулась живой картины подушечками пальцев. Очень все странно. Она была так спокойна. Удобно разлеглась на лестнице. Словно ее задачей была имитация смерти. Выпила сонное зелье, как несчастная Джульетта? Зачем, если она к тому времени уже была сомнамбулой? Или и это был розыгрыш, а на самом деле она сговорилась с кем-то, чтобы сбежать из замка? Интересно, что с ней было дальше?

И вдруг, хотя я спрашивала мысленно, Лаори-Эрль ответил. На берег плеснула огромная волна, заставив меня отпрянуть и зажмуриться. А когда я распахнула глаза, берег на картине опять изменился. Галька образовала круг, в нем стоял саркофаг с откинутой крышкой, а внутри — завернутая в саван Виветан с желтоватым восковым лицом, какое бывает у покойников

на третий день. Невидимые руки опустили крышку, и все исчезло в порталной вспышке.

Что ж, действительно сбежала. То ли живой, то ли все-таки мертвой.

И это можно было бы выбросить из головы, если бы не тот факт, что способ Виветан был частично использован против нескольких десятков девушек. Пока без летального исхода и удаления из замка.

Получается, демонического проклятия сомнамбул нет? Кто-то банально травит девчонок сонным зельем?

А куда смотрит граф и его лекари?

Скажи, Лаори-Эрль.

Замок, словно устав, молчал: дремал, насылая на чистый, ослепительно-белый песок лазурные волны. Этакая реклама безмятежных пляжей Канарских островов. Даже ворон-альбатрос куда-то исчез. Не нравится мне этот ворон. Какой-то он не такой, как в порталном зале или на росписях в кабинете графа. Жаль, не обратила внимания, что же мне в нем не понравилось.

Стук в дверь отвлек меня от размышлений.

— Войдите.

Створка приоткрылась, но стучавший даже носа в спальню не показал. Скромный какой.

— К вам гости, таинэ, — послышался голос Кенза. — Прибыл магистр Нейсон, а с ним два храмовника для переговоров. Мэйстр Чесс провел их в приемный зал гостевого флигеля, там же сэр Гринд.

Ура! Гора сдвинулась!

— Иду! — Я бросила взгляд в зеркало, поморщилась, заметив темные круги под глазами, но припудриваться не стала. Пусть видят, как убивается невеста по несправедливо арестованному жениху. — Кенз, на столе в кабинете подготовлены деньги для храмовников. Найди два кошель и раздели золотые поровну. Но спрячь под полу, не свети ношей. Может, еще удастся обойтись без милостыни.

В крайнем случае, выдам как аванс за работу.

Зеленоглазый хмыкнул, поклонился, когда я прошла мимо него, прошелестев шелковыми юбками, и с осуждением изрек:

— Совсем вы себя не бережете, таинэ! Вы так и не пообедали.

Я уже заметила прикрытый крышкой остывший обед на столике перед диваном, но отмахнулась:

— Ничего, с гостями перекушу.

Кенз закашлялся.

— Миледи, нельзя кушать за одним столом с такими гостями.

— Ты будешь учить меня этикету? — вскинула я бровь, так и захотелось бросить театрально надменное «смерд», но черные маги вряд ли поймут черный юмор. — Что-то не заметила я за королевским столом воздержания у придворных дам.

— Так это за королевским. А тут — жрецы.

— Я опять что-то забыла? — расстроилась я.

— Ага, — улыбнулся вихрастый рыцарь во всю ширь физиономии. — Когда храмовники в рясах, они в этот момент взывают к Небесам и им положена нетленная духовная пища. Мирскую они воспримут как соблазн и попытку прельщения.

— Вот мракобесы! — от души выругалась я. — Ладно, передай Энхему вот что. Пусть предложит им умыться с дороги, выдаст гостевые халаты, и накройте стол, пока моются. А там уж будет их выбор. Если воинственно настроены, то наденут рясы. Тогда жертвуем золото. Если они намерены искать с нами мира и дружбы, то примут угощение. А мы за это время сомнамбул посмотрим. Кстати, проверь на досуге, все ли они тут верно записаны. — С этими словами я сунула список восхищенному Кензу, вцепившемуся одной рукой в свой чеер, и прошествовала к дивану. Пока они там соображают, успею перекусить.

Кенз, молча посовещавшись, отчитался:

— Будет сделано, таинэ!

И не стал таращиться, с какой жадностью я уписываю еще теплое жаркое, запивая соком, похожим по вкусу на ананасовый, а прошел в кабинет, откуда вскоре донеслось нежное позвякивание драгметалла.

— Ты что, с собой пустые кошельки носишь? — удивилась я.

— Так точно, таинэ, — донеслось из кабинета. — Привычка уже. У нас тут тотализатор не останавливается, вот и приходится.

— И многие поставили на то, что граф вернется сегодня вечером?

— Половина, — с грустью и печалью выдал Кенз коммерческую тайну.

Эх, плакали наши с ним призовые денежки. Разве это выигрыш? В лучшем случае останемся при своих. Но тут же родилась гениальная идея. Храм есть? Есть. Жрецы есть? Есть. Осталось только жениха добыть. Не пропадать же добру.

— Больше не принимай ставки, Кенз. Раз жрецы явились, тут и дурак догадается, что неспроста. А на то, когда будет второй этап, играют?

— А как же, миледи!

— И многие ставят на сегодня?

— На сегодня — никто. Всего-то ничего времени прошло, и в дом вы пришли, считай, без милорда. Да и вяло как-то ставят.

Да что же это такое! Если нет денег в тотализаторе, как сорвать куш?

— Значит, это будем мы. А тебе нужно пустить слух, что жрецы пришли для подготовки ко второму этапу. Но сроков не называй. Скажи только, что через неделю-две ставки будут закрыты.

И главное — никто не ожидает от меня такой прыти! Демоны и опомниться не успеют, как второй брачный этап мы с Вороном проскочим. Силы духа у меня для этого хватит. Если что, Лаори-Эрль поможет, ему-то я точно нравлюсь.

Лишь бы Дэйтар не подкачал.

Жрецы все-таки оправдали свое имя и оказались не дураки пожрать на халяву. За тот час, пока они отвлекались от служения Небесам, мы с Кензом запустили нужные слухи. Достаточно было дать заказ Тимусии на ткань для подвенечного платья и организовать срочный поиск портних.

Затем мы провели петушиный вольтер и сомнамбул.

К счастью, дворовые постройки были далеко в стороне от гостевого флигеля, и наша беготня не была замечена жрецами, иначе трудно объяснить такие разительные перемены в потомственной аристократке Тиррине Барренс. Она никогда бы не снизошла до визита в грязный вонючий птичник. Да и в чистый ароматизированный не снизошла бы.

— Ты успел просмотреть мой список? — спросила я у Кенза, хотя прекрасно помнила, что он неотлучно сопровождал мою персону и некогда было ему изучать. Хотя пару раз он бумажку разворачивал, когда я беседовала с Шой и с Тимусией.

— Продиктовал командиру, он больше знает о каждом жителе крепости, — отчитался мой рыцарь.

— И что?

— Есть отличия. Но какие именно, он пока не передал, слишком занят наблюдением за гостями. Там такая торговля за наши интересы стоит, что стены скоро потрескаются от накала.

— Без меня?

— Во всяком сражении, таинэ, сначала проводится дистанционная подготовка противника перед основной атакой. Иными словами, магический дальнобойный обстрел. Этим Гринд и Энхем и занимаются, как самые сильные бойцы.

— А магистр Нейсон?

— Ему нельзя выдавать себя как нашего союзника. Он тут в роли королевского наблюдателя.

Значит, посланник. А ведь Артан прекрасно знает, что Нейсон не

только учитель Дэйтара, но и друг семьи. Получается, король втайне на нашей стороне? Тогда что ему мешает оказать Ворону явную поддержку? С ума я скоро сойду от этих риртонских интриг!

— Кукарреку-карр! — Оглушительный петушиный вопль добавил головной боли.

Остановившись на приличном расстоянии от вольера, я любовалась огромной, со страуса величиной, яркой птицей, гордо вышагивающей по утрамбованной земле. Красавец! Золотой гребень — как корона, длинные алые, белые и желтые перья крыльев и хвоста — как роскошная шелковая мантия. Вот только кончики перьев подозрительно заострены и блестят сталью. Шпоры — с локоть длиной. Острые, кривые, что ятаган.

Как только магам удалось подобраться к ним и не только ослепить колпачками птиц, но и оглушить, чтобы они все разом не проснулись от ора друг друга? Гении! Горжусь! Не петухи, а маги. Хотя петухи тоже.

А вот сомнамбулы произвели удручающее впечатление.

Те, кто еще находился под воздействием проклятия, походили на пустые куклы.

Те, кто проснулся — на сломанные.

Девушки приходили в себя в отдельной комнатке, и вместе с пониманием, что произошло, к ним приходил страх и тихая истерика. Шутка ли — осознать, что тебя дергали за ниточки как марионетку, пока твой разум был усыплен.

С ними работали двое лекарей, но наверняка понадобится больше. В любом случае им требуется реабилитационный период.

— Вам всем будет выплачена компенсация, а от себя я добавлю на приданое, — сказала я, чтобы хоть как-то отвлечь их от горестных переживаний. — Вам принесут новые платья, приведите в себя в порядок, у нас сегодня праздник. Нужно отметить ваше освобождение от проклятия.

— А остальных не будем ждать, миледи? — спросила веснушчатая девчушка с красными волосами, а в остальном очень похожая на Белинку, только, пожалуй, чуть постарше. Сестра?

— Как твое имя?

— Малинка, то есть Малия, — зарделась девушка, запунцовев от смущения, как та самая ягода. Точно, сестра.

— Мы будем отмечать каждый день, Малия, пока не проснется последняя из вас.

— И мы не умрем?

— Нет, конечно. С чего ты собралась умирать?

— Ну как же, — прошептала девушка. — Я каждый день слышала этот

ужасный шепот. Он обещал мне смерть. От него хотелось забиться в самый дальний угол, спрятаться. Я чуть с ума не сошла и только и думала, когда же это кончится!

— Кто еще слышал?

Все проснувшиеся дружно закивали:

— Я! И я!

Я переглянулась с лекарем, и тот прикрыл веки, подтверждая слова девушек. Значит, я не права в своих подозрениях? Все-таки это ментальное воздействие, а не отравление сонным зельем? Или, так сказать, комплексный подход — сначала зелье, потом обработка утратившего сопротивление сознания? Интересно, что скажет на это Нейсон.

— Менталисты их еще не обследовали? — спросила я у лекаря. И, получив отрицательный ответ, снова обратилась к девушкам: — Вы должны вспомнить все, что пережили до того, как уснуть, и после. Как можно подробнее. Я пришлю писаря, он запишет ваши свидетельства. Понимаю, что вам тяжело, но это нужно, чтобы нападения не повторились. Вы же не хотите снова стать безвольными марионетками? Нет. А вы, магистр, проследите, чтобы никто из девушек не уклонился.

Светлые Небеса, как много надо сделать! Отдать распоряжения, проконтролировать исполнение, проанализировать результат. Мне бы сюда умников из папиного аналитического отдела, не говоря уже о всяких консультантах высочайшей квалификации.

А тут кто мне поможет? Даже Гринд не торопится, хотя он-то обязан. Это же вопрос безопасности крепости, а он приносил присягу.

— Продолжайте докладывать мне об их самочувствии, магистр, — кивнула я лекарю, прощаясь, и уловила в ответ удивленный взгляд. Ну да, настоящая Тиррина Барренс никогда не интересовалась самочувствием прислуги.

Вышла я из домика сомнамбул еще более озадаченная и попросила Кенза провести меня в гостевой флигель длинным путем через порталную башню. Надо было основательно поразмышлять.

Я подозревала, что спрятавшийся среди сомнамбул кукловод, если он, точнее, она существует, не в первой пятерке пострадавших, но и не в последней. Все девушки — лишь маскировка, и чем их больше, тем лучше. Но дальше, чем первая дюжина, искать нерационально: слишком много времени уйдет на создание «белого шума», в котором станет неразличима злодейка.

Образно говоря, у нашего монстра, если он есть, должен быть

фальшивый нос и фальшивый хвост. Их стоит рассматривать в самую последнюю очередь.

Итак, самое большее — дюжина. Или чертова дюжина. Минус «нос». Остается семь-восемь сомнамбул. Эти девушки еще спали, и на мою незаметную проверку ни одна сомнамбула не среагировала, то есть не оказалась фальшивой.

Конечно, ментальный маг пока из меня слабый, я умею только щит держать, и то это происходит без моего участия. Но Нейсон показывал, как легко отличить спящего от бодрствующего. У последнего всегда мозг активен, и этот фон в состоянии уловить любой менталист.

Так вот у жертв проклятия разум выглядел безмятежной пустыней — ни единого всплеска мысли. И это пугало. Даже у спящих нормальным здоровым сном бывают периоды активности во время «быстрого сна», а тут — как мертвые.

И только когда я использовала кнопки амулета управления, спящие «куклы» демонстрировали слабые очаги активности. Точно такие, какие я наблюдала у мертвой Лин Игви во время ее боя с зомби.

Дэйтар, если ты не придешь и не ответишь на мои вопросы, я тебя собственноручно придушу.

— А зачем вам порталная башня, таинэ? — поинтересовался Кенз, сбив меня с мысли.

— Проверить, как идут работы по восстановлению портала, — быстро нашла я с ответом.

На самом деле меня интересовало совсем другое, все равно я ничего не понимаю в порталах.

— Вы не только умны и прекрасны, миледи. Вы — настоящая хозяйка Орияр-Дерта, во всех своих ипостасях, — совсем тихо сказал рыцарь. И это было его единственное признание в том, что он узнал во мне Тайру Вирт.

— Не наглей. Мне не нужны комплименты, сэр рыцарь, держи их при себе, — резко осадила я парня.

У него даже кончики ушей покраснели от возмущения, но Кенз лишь молча поклонился, приложив руку к сердцу, принимая мой упрек.

На мага, суетившегося вокруг порталного круга, я не обратила особого внимания. Глянула вскользь, как он священнодействует, выкладывая руны из полудрагоценных камней, и отвернулась, обходя круг вдоль стены, любясь великолепными батальными фресками и витражами.

Да, вот он. Тот самый ворон, только тут он изображен крупным планом и во всей красе. С мощными крыльями, полураскрытым стальным клювом

и с поблескивающими любопытством человеческими, а не птичьими глазами. Вот она, та самая деталь, которая меня зацепила во время «беседы» с Лаори-Эрлем. Глаза. И на самом дне отсвечивает алым чудовищное страдание. Кто он? Почему наблюдал за нашей «беседой», словно боялся, как бы замок не открыл мне лишнего?

Дэйтар, ты не отвертись от моего любопытства даже в королевской тюрьме. Ты не умрешь, пока не расскажешь все, что я хочу знать.

— Нас ждут, таинэ, — напомнил Кенз.

Вошли мы бесшумно, и Кенз сделал паузу в несколько секунд, прежде чем громко объявить о моем приходе. За это время я успела осмотреться.

Жрецы уже успели и пообедать, и снова переодеться согласно фирменному дресс-коду, и даже натянуть капюшоны. Шелковые гостевые халаты, небрежно брошенные на подоконник, виднелись из-под плохо задернутой портьеры. Слуги почему-то их не прибрали, хотя посуду уже унесли.

На столе остались только бокалы и кувшин с водой. Рядом пристроился раскрытый на позолоченной закладке молитвенник. Яркая миниатюра изображала луч света, падающий в мрачную бездну ущелья.

Оба жреца увлеченно рассматривали висевший на стене пейзаж, который почти в точности повторял книжную миниатюру, но выглядел как кадр из фантастического фильма: луч нестерпимо сверкал, словно световой меч джедая вонзался в чудовищные челюсти огромного каменного демона.

Нейсон дремал, сидя на диванчике, оперев седую голову о ладонь, но мое появление не пропустил — поднял голову и... подмигнул, покосившись на спины в светлой и темной мантиях.

— Ее сиятельство графиня Барренс, таинэ Ориар! — гаркнул Кенз.

Жрецы медленно и синхронно развернулись. Я подошла и смиренно склонила чело.

— Благодарю Небеса, что не оставили страждущих без помощи, — произнесла я тихо и печально.

— Похвально, что вы вспомнили о Небесах, чья милость бесконечна, но печально, что лишь в час нужды, — ответил мне жрец в темном балахоне. Из-под низко опущенного капюшона торчал лишь гладкий острый подбородок.

— Скорбящий ангел. Какое душераздирающее зрелище! — сочувственно вздохнул тот, что в светлом. Он был гораздо круглее и габаритнее собрата и маскировался не так тщательно. Я отметила двойной подбородок и маслено блестящие пухлые губы. Ясно, кто первый соблазнился предложенным обедом.

— Леди Тиррина Барренс никогда не была ангелом, — фыркнул темный.

Не мудрствуя, жрецы выбрали простую тактику доброго и злого полицейского. Игра на контрастах обычно всегда приносит быстрые плоды.

— Стоит ли вспоминать прошлое, брат мой, если даже Небеса забрали ее грехи вместе с памятью? — миролюбиво поворчал «добрый полицейский» в белом.

— Последние три года я на нее не жалуюсь, — встряла я в унижительный для меня диалог.

— Слава Небесам! — в один голос воскликнули священники и дружно осенили меня священным знаком.

— И я помню, как перед церемонией наречения обещала дар обители Светлых Небес, — продолжала я, выпрямляясь. — Поскольку я не могу покинуть Ориар-Дерт, прошу передать настоятельнице искупительный дар вместе с моей благодарностью. Кенз, вручи кошель нашему светлейшему гостю.

Рыцарь выудил откуда-то набитую золотом мошну и с поклоном положил на столик. Второй кошель он так и не засветил, умничка. Пригодятся еще нам денежки с такими-то непредвиденными расходами.

Золото тут же исчезло в складках белого балахона.

— Непременно передам, — пробормотал белорясник так рассеянно, словно уже прикидывал свою долю. — Но почему вы не можете покинуть Ориар-Дерт, дитя Небес? Разве вы здесь пленница?

— Нет. Но король и мой жених заключили соглашение, что только мой таир имеет право сопровождать меня вне стен Ориар-Дерта. Потому без него я не смею...

— Ерунда, — фыркнул «злой полицейский». Голос у него был под стать — грубый и низкий, и отрывистые слова звучали как пощечина. — Осужденный не имеет никаких прав.

— Ах, разве граф Ориар уже осужден? — В моем голосе был настоящий ужас, а мои ресницы задрожали, готовясь уронить скупую пока еще слезу.

— Нет-нет! — воскликнул пухлый «добряк». — Еще идет следствие. Мы с магистром Нейсоном для того и прибыли, чтобы получить от вас свидетельские показания под сенью храма.

— Да, конечно. — Я выудила из кармашка кружевной платок и промокнула ту самую скупую слезинку. — Но прошу подождать. Святые стены так долго пустовали, что мы еще не успели их вымыть.

Дворецкий еще не доложил о готовности, потому приходилось тянуть

время. Да и мое платье еще вряд ли готово.

— Мы сами подготовим храм к ритуалу засвидетельствования истины, — звякнули ледышки в голосе темнорясника.

— Конечно, мы и не дерзаем! — воскликнула я. — Так, лишь паутину смахнем, дабы не осквернить ваши чистейшие, держащие молитвенные четки руки, да лишь картины древние уберем со стен, их там забыли еще со времен первого графа Орияра, наверняка мыши погрызли...

— Картины оставьте! — последовал поспешный возглас.

— Сэр Кенз, — глянула я в бесстрастное лицо рыцаря. — Передайте, чтобы картины не трогали.

То есть повесили парочку. Думаю, дедушка Энхем сможет уговорить замок не обижаться, не игнорировать чужеродный ему храм и не оставлять без присмотра хозяев.

Кенз не стал пользоваться чеером на глазах жрецов, а вышел ненадолго за дверь. Я же, получив средство давления на темнорясника, немедленно воспользовалась рычагом.

— Ваше темносвященство, я заметила, вам понравилась работа замкового живописца? — Я смотрела на острый подбородок второго жреца, пока не дождалась надменного кивка.

— Графиня, возможность увидеть знаменитые картины Орияр-Дерта воочию стала основным аргументом для того, чтобы храм благословил мой к вам визит, — нехотя признался жрец. — Мы наслышаны о редкой коллекции живописных полотен замка, но реальность превзошла самые восторженные слухи. Весьма реалистичная работа. Как будто художник был там и писал с натуры.

— Возможно, так и было, — улыбнулась я. — Ведь это очень древняя и уникальная работа, созданная во времена пленения демона Хаора и его просвещения божественным светом Небес Верхнего мира. Мне рассказывал о ней мой жених. Здесь запечатлена глава из «Книги Небес», повествующая...

— Я помню нашу святую книгу наизусть, — со скучающим видом перебил меня темный жрец, но я чувствовала его сверлящий взгляд.

Бесполезно сверлить. Даже менталист не поймает меня на лжи. Все картины Лаори-Эрля — это он сам. А время его создания куда более древнее, чем демон Хаор. А вот гостевой флигель с его живыми картинами со встроенными видеокамерами был создан как раз после пленения владыки сферы Суаф.

— Не оскорбит ли ваш чистейший слух моя просьба принять эту картину в дар храму Темных Небес? — спросила я.

Бинго! Глухая ментальная защита темнорясника треснула, и на меня плеснул чистый и незамутненный восторг, к которому примешивалась доля злорадства. Похоже, темнорясник мечтал получить кусочек Лаори-Эрля для каких-то отнюдь не коллекционных целей. Но мы с замком предусмотрели и это. Полотно просто развеется как пыль в недобрых руках. Но если этого не случится, у нас появится возможность наблюдать изнутри за жизнью храма. Лишь бы не затолкали в какой-нибудь чулан, где наблюдение невозможно.

— Не оскорбит, — снизошел темный жрец. — А имя художника?

— Увы, неизвестно. Это нужно спросить у графа Дэйтара Орияра. Я лишь таинэ и не так много знаю о сокровищах замка.

— Что ж... — Священник задумчиво покрутил черную бусину на четках. Вот и некроманты таким же якобы рассеянным жестом касаются своих чееров. — Если Небеса сочтут ваше свидетельство невиновности графа Орияра достаточным, его с благословения храма могут выпустить из королевских застенков.

Все внутри меня замерло, когда я, стиснув руки, чтобы не дрожали, выдохнула:

— Благодарю! Я готова открыть душу строгому взору Небес... на втором этапе брачного ритуала.

Повисшим в воздухе тяжелым, как танк, молчанием можно было забить мамонта.

Наконец слугитель Темных Небес взял бокал, отпил глоток и со стуком поставил его на стол.

— Зачем тогда мы сюда пришли, миледи? Второй этап! До него еще так далеко, что некроманты успеют столицу разнести по камушку. Нам необходимо их остановить, и король счастлив сделать это малой кровью.

— Я хочу и требую провести церемонию сегодня.

И снова я их словно пыльным мешком пришибла. Что ж мне прислали каких-то тугодумов? Мне Дэйтар нужен сегодня, и точка. И даже не из-за запущенного тотализатора. Просто я внезапно поняла, что королева сделает все, чтобы перекрыть ему путь в Орияр-Дерт. Но она не сможет препятствовать бракосочетанию, не вызвав очень тяжелых подозрений в том, что играет на руку демонам. А это уже измена не только королю, но и Небесам.

— Не торопитесь ли вы, дитя Небес? — медовым голосом спросил белорясник, сцепив пальцы на толстом животе.

— Понимаете ли вы, графиня, как рискуете, ускоряя события? — спросил его темный собрат. Его костлявая рука, высунувшись из широкого

рукава балахона, схватила бокал с водой, но тут же отдернулась, словно это была чаша с ядом. — Если Небеса сочтут, что вы недостаточно любите друг друга или что союз невозможен по какой-то другой причине, то второй этап не будет пройден, и ваш брак не состоится уже никогда. Графу придется искать другую невесту, а вам — другого жениха.

— Мне это известно, — решительно кивнула я. И добавила совсем тихо: — Может быть, для меня это единственный способ не совершить ошибки.

Оба жреца повернулись к менталисту, изо всех сил изображавшему в углу дивана смертельно усталого человека, сраженного сном в самый неподходящий момент.

— Магистр Нейсон, мы хотели бы знать, насколько искренне говорит графиня Барренс?

Маг зевнул в кулак, сонно поморгал и сконфузился:

— Ох, простите старика! Уснул, надо же! Как же это я так, а? Совсем форму теряю. Так о чем тут речь?

— О том, каким чудесным образом безобидно нарушить указ короля и избежать брака между графиней Барренс и графом Ориаром, — насмешливо произнес чернорясник.

— И в чем же заключается чудо? — Нейсон с детской непосредственностью потер глаз кулаком и потянулся к графину.

— В том, чтобы провести обряд обручения сегодня.

Рука мага дрогнула, и задетый рукавом бокал покатился по столу. Ловко поймав стекло в полете, магистр вытаращился на меня.

— Сегодня? Но почему сегодня?

— Потому что завтра столица падет под натиском мертвых орд, — проворчал пухлый жрец. — Король оказался перед неразрешимой дилеммой: он не может просто так выпустить Ворона из клетки, чтобы не потерять лицо. Но и ждать становится невозможно, потому что он может потерять и корону. Об этом говорят уже на каждом перекрестке, магистр, и потому вы здесь. Чтобы найти выход из тупика. Так ведь? Я поддерживаю леди Барренс. Рискнуть можно. В конце концов, что мы теряем?

— Время! — огрызнулся его темный собрат. — Я категорически против брачной церемонии сегодня. Слишком рано. У короля не будет времени на поиск новой невесты.

— Помолимся, брат! — певуче протянул белорясник и, вытащив четки, пробежал пальцами по священному кругу. Чернорясник повторил его жест, а толстяк вдруг зашептал, почти не разжимая губ: — Времени? У короля не будет короны! Ты знаешь, что некроманты собираются короновать Ворона?

Не можешь не знать. И он формально имеет право на трон, как потомок риртонского короля Ригарда. Того самого, на чьей дочери женили пленного Хаора.

— Это побочная ветвь, — отмахнулся чернорясник.

— Никто не отнимал у принцессы и ее детей наследного права. По законам Риртона Орияры могут претендовать на высшую власть. А если вспомнить, что он названный брат короля Артана Седьмого, последние сомнения в его праве на престол отпадут. А какие для Темного ордена открываются перспективы, если королем станет черный маг вместо белого! Не так ли? Потому-то вы вдруг согласились забыть его демоническую суть. Мол, та капля суафитов давно растворилась за столько-то веков, исчезла в крови человеческих женщин. Вы забыли о равновесии и вспомнили о реванше. Но, брат мой, Дэйтару Орияру еще не исполнилось двадцати пяти. Не получим ли мы через полтора месяца демона на нашем троне? И что тогда удержит нижних от прорыва в Верхний мир?

— Не получим, если сегодня не торопиться с обрядом. Ворон женится, смешает кровь с женщиной Верхнего мира, и демон не проснется. Но ты потому и ухватился за безумную идею безумной девчонки, потому что знаешь, они оба не готовы! — припечатал чернорясник.

— Ты правильно догадался. У нас нет времени, Светлому ордену нужно выбить знамя Ворона из рук бунтовщиков. А если брак будет сорван, даже некроманты не станут рисковать и тащить своего предводителя на трон. Но это должно случиться в ближайшие дни. Графиня и сама не понимает, как вовремя предложила нам свой план. Ее корыстные цели послужат священному делу. А твои корыстные цели чему служат?

Темный служитель опустил голову еще ниже и вздернул худые плечи.

— Небесам, вестимо, — глухо ответил он. — Брат мой, Дэйтар давно нам — кость в горле. Темный орден заинтересован в мире, стабильности и равновесии. Нам не нужен птенец Нижнего мира на троне, и наши интересы по-прежнему едины со Светлым орденом!

Я боялась пошевелиться, чтобы не спугнуть откровения жрецов. С чего бы они так разговорились? Нейсон тоже не отсвечивал, лишь его глаза заинтересованно поблескивали, перебегая от одного небесника к другому. Однако этак они договорятся до отказа в моем законном праве!

— Тогда почему ты противишься такой прекрасной идее, как поспешная церемония? — вкрадчиво спросил белорясник. — Даже тесту надо время, чтобы подойти, иначе оно станет камнем. Так и сегодняшний ритуал при незрелости чувств, словно камень, разобьет планы гнезда Воронов. Некроманты остановятся. Их вполне удовлетворит жизнь и

свобода Дэйтара вдали от столицы, и все вернется на круги своя.

Жрец Темных Небес задумчиво потерял черные четки.

— Хорошо, уговорил, — решил он. — Но я соглашусь только в обмен на уступки Белого ордена.

— Что ты хочешь?

— Восстановить равновесие. Правящая династия целиком светлая вот уже тысячелетие, это слишком долго. Король должен жениться на представительнице Темного ордена.

— Исключено. Совет Ока не согласится. Чистота крови царствующих должна быть абсолютной.

— Тогда первым советником должен быть наш человек.

Ничего себе вопросы! Они тут решают мимоходом! Высшего уровня. Только сейчас я заподозрила, что в Ория-Дерт явились отнюдь не простые священники.

— Это справедливо, — кивнул толстяк. — Мы обговорим детали на конклаве, брат. А теперь пора прервать нашу молитву и снять полог бесшумности, иначе графиня и менталист потеряют терпение.

И пальцы жрецов снова потянулись к подвешенным к их четкам амулетам.

Полог бесшумности? — удивилась я. А разве он был? Причем поставлен от нас? Я как раз смотрела в сторону Нейсона и успела заметить, как в его глазах мелькнула веселая искра, но маг сразу опустил веки. Лишь легчайшая усмешка дрожала в уголке губ, но и та тут же пропала. Ай да Нейсон! Он умудрился нейтрализовать заклинание бесшумности так, что жрецы даже не заметили.

— Благодарение Небесам, очистившим наш разум для принятия верного решения, — сказал чернорясник. — Магистр Нейсон, сообщите его величеству, что храм Небес ждет графа Ория, который должен предстать сегодня перед Небесами для подготовки совершения второго этапа брачного обряда. Как вы понимаете, немедленно — это почти поздно.

Нейсон пробормотал:

— Совсем никто не щадит мои седины! Бегай тут туда-сюда. Еще кольца заговаривай. Надеюсь, он сохранил их с предыдущего раза.

— Вам воздастся нашими молитвами, магистр, — с усмешкой пообещал служитель Темных Небес.

— А силы, потраченные на уговор короля и спор с королевой, кто мне вернет?

— Светлые Небеса благословят вашу кафедру ментальных исследований, магистр. Глядишь, меньше придется отбиваться от

ненавистников.

— Это другое дело! — обрадовался Нейсон и откланялся: — До скорой встречи, миледи. Я воспользуюсь вашим порталным залом.

— А нам поклониться забыл, старый вымогатель, — проворчал белый жрец, когда маг скрылся за дверью. — А вы, графиня, готовьтесь к ритуалу взыскания истины и к брачной церемонии.

Победа! Чистая победа с разгромным счетом четыре — ноль в мою пользу. Почему четыре? Светлый Орден — раз, Темный — два, король — три, королева — четыре. Последние два гола забьет Нейсон, я в нем не сомневаюсь.

— Могу ли я просить ваши преосвященства об еще одной милости?

Жрецы переглянулись. У меня сложилось впечатление, что их опущенные на лица колпаки — препятствие только для чужих глаз, иначе какой смысл им переглядываться?

— Говорите, таинэ Ориар.

— Прошу вас провести обряд экзорцизма над девушками, пострадавшими от ментальной атаки демонов.

— Давно? — спросил темнонебесник.

— В разное время, от месяца до трех лет.

— Графиня имеет в виду сомнамбул? Мы слышали о череде несчастий, постигших Ориар-Дерт. Но этим занимаются мои младшие братья.

— Примите пожертвование для вашего ордена, ваше преосвященство. — С этими словами я подала знак Кензу, и он жестом фокусника вытащил из-под полы второй пузатый кошель и положил его на стол перед темным жрецом.

— Хм... — Чернорясник не торопился убирать мзду. — Отчего вы решили, что я и мой брат занимаем столь высокие должности в наших орденах?

Я присела в поклоне, смиренно склонив голову.

— Простите мою дерзость, но я рассудила, что младшие чины не смогут справиться с таким крепким магическим орешком, как эта крепость. При всем моем уважении им может не хватить ни сил, ни знаний. Но высшее священство с лихвой обладает и тем и другим, а крепость так давно закрыта для взора Небес, что честь и слава достанутся тем, кто первым ступит под своды Ориар-Дерта и откроет двери древнего храма Небес.

Чернорясник помолчал, прежде чем ответить:

— Вот в чем вы не изменились, так это в умении из малого зерна вырастить поле знаний, леди Тиррина. Я наслышан о ваших талантах, когда вы были еще подающей большие надежды ученицей Школы Ока. Мне

бесконечно жаль, что вы в свое время отказались от служения моему ордену. Небеса покарали вас и отняли темные дары. Но вы сохранили изначальный дар вашего рода — ясный ум и знаменитую силу духа Барренсов. Не сделайте ошибки второй раз, дитя Небес Тиррина Барренс, когда придет пора.

— Пора для чего?

— Для служения Небесам, — поддержал коллегу белорясник.

И снова повисла многозначительная пауза. Я не могла уйти, пока жрецы не осенят мой лоб священным знаком.

Чего они хотят? Взятки? Так у меня больше нет свободных денег.

Информации? Но что я могу знать, чего не знают их шпионы?

Устав строить догадки, я присела в реверансе.

— Благословите, ваши преосвященства. Я распоряжусь об ужине и отправлю к вам провожатых, чтобы показали дорогу к храму.

— Ступай, дитя Небес.

Глава 17

ПОКУШЕНИЕ

Сердце у меня колотилось как сумасшедшее, когда я в сопровождении Кенза летела по коридорам и залам замка.

— Может, воспользуемся моим личным порталом, таинэ? — предложил рыцарь.

— Нет, мне нужно подумать.

Он хохотнул. Ну да, маги и философы размышляют, прогуливаясь неспешно по песчаным тропинкам у прудов с золотыми рыбками в магнолиевых садах, а не носятся на всех парах, как бешеный паровоз. Впрочем, что этот зеленоглазый знает о паровозах? Мой вот-вот сойдет с рельсов и опрокинется, похоронив под обломками вот уже вторую жизнь.

Откровенная беседа храмовников, не подозревавших, что их подслушивают, повергла меня в смятение. И не потому, что они уверены, что наш брак не состоится. Нетрудно догадаться, эти же служители Небес сделают все, чтобы сорвать церемонию. Но я-то рассчитывала, что обряда не будет! Обручение было только поводом, но самым беспроегрышным, чтобы заставить короля отпустить арестанта в Орияр-Дерт. А уж здесь — ищи-свищи Ворона!

А теперь... Теперь я поняла, что влипла. Совершила ошибку, которая может стать фатальной.

Я так хотела спасти сероглазого и пернатого, что даже не спросила хотя бы Энхема, с какой стати некроманты и чернокнижники ринулись на защиту именно Ворона. Мало ли этой братии арестовывают за злоупотребления черной магией, но я никогда не слышала и не читала о том, чтобы некроманты возмущались вплоть до бунта и государственного переворота. А тут вон что творится!

И теперь я сыграла на руку врагам Дэйтара.

Храмовники слишком уверены, что церемония состоится, и знали ее результат. От моего желания уже ничего не зависело. Откажись я сейчас — найдут способ заставить. Они же все маги! И король, — тот, перед кем не лгут, — не выпустит Дэйтара без железных гарантий. А значит, жрецы их предоставят. Или придумают что-нибудь вроде электронного браслета, ограничивающего передвижения. Точнее, магического. Принудительный портал в случае бегства.

Или попробовать?

Я остановилась, словно налетев на стену. А что я теряю? Дэйтар меня все равно убьет. Еще до ритуала. Зачем ему жена — дура?

Папа, я не оправдала твоих надежд, прости.

— Сэр Кенз, сообщите мне, когда храмовники начнут ритуал экзорцизма. Я должна присутствовать.

— Это небезопасно, миледи. Там будет боевой отряд магов во главе с сэром Гриндом.

— Вот и защитят меня от опасности, если она возникнет. Это подданные моего таира, я за них ответственна в его отсутствие.

— Как прикажете, таинэ. Вы надеетесь, что сообщница демонов себя выдаст?

— Возможно, если она среди них. Сэр Кенз, ты тоже считаешь, что я поторопила события?

— Да, лучше бы дожидаться, когда все проснутся.

— Я имею в виду обручение.

— Нет, таинэ. Мы очень опасаемся за жизнь милорда. Нас ведь не просто так блокировали, а чтобы мы не могли прийти к нему на помощь. Мы даже не знаем, где его держат. К счастью, не знает и королева, его величество тут оказался непреклонен. Он-то тоже знает, что лорд Ориар может превратиться в демона во время казни, но если его отравит какая-нибудь отвергнутая невеста, он просто умрет.

— Светлые Небеса! — прошептала я. — Но зачем?

— До королевы дошли слухи, что черные маги уговаривают Дэйтара взять власть в королевстве.

— А ему надо?

— Нет. Потому, чем скорее мы его вернем в замок, тем лучше. И тут любой предлог годится.

— Ты тоже не веришь, что Небеса благословят нас?

Вместо рыцаря ответил дедушка Энхем, неслышно подошедший сзади.

— Пусть только попробуют отвертеться, таинэ. — Дворецкий с усмешкой взглянул в ближайшее окно на вечеряющее небо. — Мы их сменим на другие. Все уже забыли, что Лаори-Эрль может прорасти в любом месте Вселенной, но я-то помню родовые легенды. Храм готов открыть двери, миледи. Я отправил охрану к жрецам, чтобы их сопровождали. Сэр Арчи проводит туда девушек по одной.

— Уже? По одной? Тогда это надолго. Я хотела присутствовать.

— Нельзя, таинэ. Там могут находиться только черные маги и

менталисты. Неизвестно, что и как вырвется, если наши подозрения подтвердятся.

— А картины уже в храме?

— Конечно, — улыбнулся дворецкий. И тут же улыбка слетела с его лица, и рука дернулась к чееру. Через пару мгновений он сообщил коротко, как телеграфист: — Портал заработал. Граф вернулся. Он под стражей и в браслетах, блокирующих магию.

Кенз, услышав это, что-то прошипел сквозь зубы и тут же извинился.

— Что? — переспросила я.

— На него надели вериги Кхаста. Эта гадость убивает медленно, но верно, миледи, — сказал рыцарь. — Как если замазать на коже все поры — человек умрет от отравления. Так и тут, если поверхностно блокировать магические каналы, мага выжжет изнутри. Поставить блок и не навредить — это большое искусство. А они... уроды! И в чем еще засада: чем выше уровень силы, тем быстрее вериги убьют мага.

— Благослови тебя Небеса, внучка, за твое решение и согласие на обручение, — низко поклонился дворецкий. — Мы не придумали способа лучше и быстрее. Теперь они вынуждены будут снять с Ворона браслеты.

Если бы Кенз не поддержал меня за локоть, я бы села на пол — так внезапно ослабли и подогнулись колени. И я даже не отреагировала на фамильярное обращение дворецкого при постороннем. Значит, Кенз тут не посторонний, и это хорошо. Старик дал понять это без лишних слов.

— Иди к милорду, дедушка Энхем.

Дворецкий ушел личным порталом: вспышка, и его нет. А по тяжкому вздоху моего зеленоглазого охранника стало ясно, что тот тоже мечтает встретить милорда.

— Ты тоже иди, сэр Кенз. Тут уже недалеко, ничего со мной не случится.

Он покачал головой:

— Я не могу нарушить приказ и оставить вас одну, таинэ.

Через пару поворотов коридора я убедилась: рыцарь знал, что делал.

Я шла по широкому коридору замка на полшага впереди стража. Стоило приблизиться к подставке с вазой, в которой красовались пышные, похожие на пионы, уже отцветающие цветы, откуда-то подул блаженный сквозняк. Столик был усыпан алыми как кровь лепестками. Порыв ветра разворошил лепестки, и под ними на миг что-то сверкнуло очень знакомым блеском. Я замерла. Почему-то в глазах странно зарябило, из-за этого я не могла рассмотреть показавшуюся знакомой вещицу. Брошь? Заколка?

Откуда она здесь?

— Сэр Кенз, посмотри, — окликнула я рыцаря. Тот хмурился, глядя на распахнутое окно в конце коридора.

Он повернулся, глянул и со сдавленным возгласом «прочь, таинэ!» рванул меня за руку, отбросив в сторону, как пушинку, и я больно ударилась плечом о стену. Рыцарь тут же закрыл меня спиной и выбросил вперед ладонь, создав щит.

Вспышка. В щит ударили каменные осколки. На месте столика с вазой образовалась безобразная дыра, клубившаяся черным дымом. Трещины побежали по плитам и стенам.

Замок застонал. Ближайшие картины побелели и осыпались густой снежной порошей, свившейся в смерчи. Белыми языками она лизали трещины, заращая их. А над черной дырой словно заплясало белое пламя, стягивая ее, словно края раны.

Мелкая алебастровая пыль продолжала сыпаться из пустых рам, она метелью взвилась к сводам, заполнила коридор. Теперь щит закрывал нас уже от липкой пыли. Сквозь нее невозможно было бы разглядеть появившихся с двух сторон магов, если бы не вспышки порталов и сияние щитов.

— Таинэ! — раздался встревоженный голос Гринда.

— Таинэ не пострадала, — отчитался Кенз.

— А ты?

— Я в полном порядке.

— Докладывай.

— Это было одно из украшений миледи. Возможно, заколка, которую таинэ уронила демонам в когти, но я не уверен. Потому-то замок и не воспринял амулет как угрозу — на ней наверняка оставался след милорда и миледи.

— Быстро сработано. Даже слишком. Значит, вдобавок к ментальному воздействию есть еще и канал передачи из Нижнего мира в замок.

— А можно проследить, кто ее принес? — Я красноречиво погладила ладонью пустую картинную раму.

— Попробуем, миледи. Должен признать, ваша затея с потешными петушиными часами случайно сослужила пользу. Сбежала одна из сомнамбул. Фальшивая. Она лишь изобразила, что проснулась. Ранила лекаря, контузила нашего мага и скрылась. То ли не выдержала петушиных воплей, то ли испугалась предстоящего обряда. Кенз, приказываю усилить бдительность, от таинэ — ни на шаг.

Случайно сослужила пользу, ага. Но минутку... Получается, есть как

минимум еще один враг! Кто-то же положил заколку. Если только для уборки коридора не привлекали сомнамбул. Но и «спящей» кто-то должен передать убийственный амулет.

— Которой она была по счету в списке, сэр Гринд? — спросила я.

— В списке третья, если считать с начала.

— Не может быть! — сорвался у меня возглас.

— Кхм, верно. С вашим списком ее настоящее место не совпадает. Я точно помню, что она была седьмой уснувшей. Почему вас это интересует? Списки эти, петухи... Вы хотите сказать, что каприз таковым не был, ваша светлость, и это продуманная провокация?

Ответить вопросом на вопрос — лучший способ показать, что собеседник зарвался.

— Вы так и не сказали мне, сэр Гринд, как чувствует себя милорд Орияр?

— А вы стратег, миледи. Впрочем, вы еще в детстве прославились многоходовыми интригами, как я мог забыть. — Сквозь густой белый туман я разглядела, что рыцарь картинно поклонился. Выпрямился.

— Я задала вопрос. — Мой голос дрогнул от сдерживаемого гнева. Терпеть не могу чурбанов в мундирах! Ну или в доспехах.

— В целом милорд жив, — ответил Гринд. — И настолько, что если бы не браслеты и конвой, он был бы тут раньше всех. Еле удержали.

— Конвой?

— Маги-дознаватели. Они называют себя наблюдателями. Замок мог бы вырвать хозяина из их лап, но это будет сочтено изменой. Чудо, что удалось избежать конфликта.

В шахматах есть понятие «вилка» — позиция, когда противник атакует сразу две — или более — фигуры. Вот эту «вилку» и разыграли демоны: либо уничтожить меня, либо Дэйтара, сыграв на преданности замка хозяину.

— Миледи, передаю вам приказ милорда: не покидайте своих покоев, пока мы не поймаем беглянку.

Я рассмеялась про себя: да тут даже не вилка, а настоящий трезубец! Уж демоны-то постараются сорвать второй этап обряда не мытьем так катаньем. Не покушением, так его угрозой.

— Нет, сэр Гринд. Я не позволю ни одной лишней минуты держать моего таира в веригах Кхаста. — При этих словах мне оказали моральную поддержку — Лаори-Эрль согласно пыхнул пылью из рам. Стало трудно дышать даже сквозь щит, и я закашлялась. — Чем быстрее я дам свидетельские показания, тем лучше. Доложите мне, когда лекари сочтут,

что милорд в состоянии продержаться час-два на ногах. Жрецы решили принять мое свидетельство перед Небесами в храме Орияр-Дерта.

— Непременно.

— Надо побережь легкие, миледи. — Кенз непочтительно дернул меня за руку, увлекая за собой. — Не будем мешать ни дознанию, ни Лаори-Эрлю. Они и так не справляются.

Но я еще спросила напоследок:

— А кто подбирает цветы в букеты?

И совсем не удивилась, услышав имя любительницы оранжерей.

— Дочка архивариуса, мэйс Тиа Арвин.

— Арестовать и допросить, — приказала я. — Обыскать оранжерею.

— Простите, миледи, в замке милорд. Только он...

— Милорд под арестом, — перебила я не терпящим возражений тоном. — Он временно не может исполнять обязанности лорда в полной мере. Кроме того, мы не можем позволить, чтобы посторонние лица, даже здесь неотлучно охраняющие графа, были в курсе внутренних дел Орияр-Дерта. Если милорд сочтет нужным, он отменит мой приказ при первом удобном случае. А пока выполняйте.

— Слушаюсь, миледи, — поклонился потрясенный Гринд.

И только тогда я позволила себе от души раскашляться. Кенз, процедив что-то сквозь зубы, по знаку Гринда нажал на камень в перстне и, схватив меня в охапку, шагнул в открывшийся портал.

Бывают дни, вбирающие в себя Вселенную. Этот был из таких. События неслись лавиной, грозясь раздавить под грудой дел, распылить на атомы.

В моих покоях суежилась Ания и еще две девушки. Под строгим оком мэйстрес Тимусии одна готовила ванну и притирания, вторая раскладывала на постели белье и платья, а Ания под пристальным наблюдением матери промывала мои драгоценности в каком-то растворе. Старуха не доверяла даже дочери, похвально. Камни после омывания сияли, как жар-птица.

Так же засияла моя кожа после ванны. Подозреваю, рьяные магички и туда плеснули абразивный магический раствор.

Омовение я совершала в полном одиночестве, выгнав всех. Мне надо было расслабиться, подумать и... поговорить с Лаори-Эрлем.

Я боялась, что раненый замок, да еще и занятый набившимися к нам враждебно настроенными «гостями», не откликнется на мой зов, но зеркало в ванне мгновенно преобразилось в живой пейзаж, стоило только позвать.

Собеседник предстал в виде хмурого серого неба и осеннего леса с тревожными алыми и багровыми деревьями, плакавшими бесконечным листопадом. Сердце замка кровоточило не только из-за раны, нанесенной взрывом амулета, но и страдало от боли за хозяина.

— Покажи мне его, — попросила я.

Пейзаж начал меняться, словно я шла по мокрому лесу. Раздвигались ветви деревьев, срывались и разлетались листья, скрипели под ногой мокрые дорожки. Несколько кровавых лепестков упали мне в ванну и прилипли к коже.

Внезапно посветлело, и впереди появилась опушка. Там, на пригорке с пожухлой пожелтевшей травой, сидел на одиноком сухом дереве мой знакомый ворон, а в узловатых корнях, опершись спиной о шершавый ствол, полулежал Дэйтар. Голова запрокинулась, жилка на шее билась сильно и часто. Глаза были закрыты, а к губам прижат какой-то узорный магический амулет, словно система искусственного дыхания.

Такие медицинские амулеты я помнила с того времени, когда очнулась в чужом мире. Через них идет очищение легких и подача кислорода. Второй амулет стимуляции сердца виднелся на груди под расстегнутой рубашкой. И еще два магических изобретения, снабженные красными емкостями, крепились к сгибам локтей. Эти заменители капельницы магически насыщают кровь. Есть и функция прочищения каналов магии, но на мне она не работала, а знахари не сразу поняли, что Тиррина Барренс лишилась дара.

На Дэйтаре она тоже не работала из-за массивных черных браслетов, закрывавших предплечья от запястий до локтей. Вериги Кхаста.

Дэйтар осунулся, нос заострился, щеки впали, а вены на висках набухли и казались синими жгутами. Умом я понимала, что времени с момента его ухода прошло совсем немного, тем разительнее была перемена. Словно миновал месяц разлуки, и его весь месяц держали в самом гнилом и гиблом подземелье.

Тело некроманта было прикрыто белым покрывалом или простыней. Видимо, графа доставили сразу в лазарет.

Я содрогнулась. Какая же жуткая вещь эти вериги Кхаста, если за несколько часов могут превратить сильнейшего некроманта в полутруп! Мерзейшая и коварнейшая вещь, изобретенная гением садизма.

Теперь я понимала, почему белорясник с такой легкостью согласился провести второй этап обряда. Дэйтар даже до алтаря не дойдет, и это будет знаком, что Небеса расторгли наш союз.

И понимала, почему дворецкий так нервничал и благодарил: еще

сутки, и вериги убьют Дэйтара или превратят в овощ. Будь он слабым магом, прожил бы гораздо дольше. А теперь его убивает его собственная сила.

Сволочи! Не дождутся!

Все во мне взбунтовалось против их коварства, задрожало до последней жилочки. Взорвалось.

Я выскочила из ванны как ошпаренная, потянулась за полотенцем, и в этот миг Дэйтар дернулся, как будто его кто толкнул, открыл глаза и посмотрел на меня ясным взором, словно видел так же четко, как и я его.

— Моя таинэ, — прошептал он и улыбнулся с такой нежностью, что моя решительность возросла тысячекратно.

Ворона я им не отдам. Он мой.

Из-за внезапного прорезавшегося чувства собственности я даже повизжать забыла. Быстро завернулась в большую полотняную простыню и, откинув с плеч мокрые волосы, с которых стекала вода, улыбнулась в ответ на горящий взгляд серых глаз.

— У нас сегодня второй этап обряда, мой таир. Ты согласен?

— Я и на третий согласен. — Его взгляд вспыхнул и скользнул по моей укутанной в ткань фигуре.

— Тогда будь добр, продержись еще немного, пока я не оденусь к церемонии.

— Можно и так. Тебе идет.

— То есть тебя не волнует, что на твою таинэ будут глазеть все кому не лень?

— Все равно никто не увидит и не узнает, какая ты на самом деле, моя леди. Когда я смотрю на тебя, перед моими глазами не твое прекрасное лицо, не твоя изумительная фигура, а ты. Твоя душа. Твоя сущность.

Мне стало неловко, словно меня засунули в рентгеновский аппарат.

— Твоих надзирателей нет рядом?

— Есть, но они нас не слышат. Никто, кроме Лаори-Эрля.

— Кстати, о замке. Как попросить его показать что-то не в режиме реального времени? Так и жизни не хватит расследовать все, что нужно.

Дэйтар прикрыл глаза, отрицательно качнул головой:

— Не стоит, таинэ, тебе этим заниматься. Оставь эти дела мне, Чессу и Гринду.

Я прикусила губу. Стало обидно и горько. Разве мало я сделала?

— Будь осторожна, моя леди.

— Непременно, — пробормотала я, толкнула дверь и с грохотом захлопнула ее за собой. Только бы Дэйтар не запретил замку разговаривать

со мной!

В спальне никого не было. Горничные не осмелились беспокоить меня без зова. Потому я рухнула на кровать в позе морской звезды. Лучший способ вернуть бодрость — отключиться на пять минут от реальности. Провалиться в сон и вынырнуть полной сил и энергии. Испытанный способ. Папа научил, когда я тряслась и нервничала перед первой сессией.

— Разбуди меня, Лаори-Эрль. Пожалуйста.

И отключилась.

Мне приснился тот самый участок коридора, где я едва не провалилась в преисподнюю вместе с Кензом. Судя по солнечным пятнам на узорных плитах, время приближалось к полудню. По коридору шла Тиа и чему-то улыбалась, то и дело поднося к лицу роскошный букет алых пионов и вдыхая запах. Даже во сне я чувствовала упоительный аромат цветов. В другой руке она несла кувшин. Поставив букет в вазу, девушка налила в нее воды, поправила цветы и отступила на шаг, любуясь композицией.

Потом, резко развернувшись на каблуках, Тиа заторопилась в ту же сторону, откуда пришла. Едва затихли ее шаги, самый пышный цветок вдруг осыпался горкой алых лепестков, в гуще которых на миг сверкнула алмазная искра.

Я проснулась оттого, что внезапно распахнулась створка окна, и сквозняк задел легкой занавеской по моему лицу.

Сердце дрогнуло. Надеюсь, я не проспала обряд.

Но за окном было еще светло, издалека доносился петушиный вопль, а воздух был полон соблазнительных ароматов сдобы и жареного мяса. Шой готовилась к вечернему пиршеству.

Я позвонила в колокольчик, вызывая прислугу.

Мейстрес Тимусия словно ожидала под дверью, так быстро она явилась с ворохом платьев и сопровождающими девушками. Пока я выбирала одежду, девушки сушили мои волосы и укладывали их в прическу.

Я выбрала самое скромное платье, которое могла себе позволить графиня Барренс. Белое, элегантное, с кружевным верхом на атласном чехле. Молодость и красота не требуют иных украшений, и потому я обошлась почти без драгоценностей. Достаточно крупной жемчужной бусины на цепочке. Она одна стоит целое состояние.

Из зеркала на меня смотрела настоящая невеста, не хватало только фаты и цветов. Вместо фаты сойдут распущенные волосы, перехваченные ниткой жемчуга.

— В таком платье не на допрос идти, а на свадьбу, — вздохнула Тимусия.

Значит, не все еще в замке знают о втором этапе, если даже главная сплетница не в курсе. Это хорошо. Получается, демоны поспешили устранить меня из-за возвращения Дэйтара. А значит, для них оно стало неожиданностью. Из этого делаем еще один вывод: в Верхнем мире у демонов есть сообщники, которые были абсолютно уверены, что Дэйтару уже не вырваться. Если не казнь, то смерть от вериг. Если вериги подкачают, то яд не подведет. Королева?

Хорошо, что замок нашел способ показывать мне не только людей, но и самого себя, свои интерьеры. Да и момент времени он научился выбирать гораздо точнее. Теперь главное — научиться формулировать точные вопросы.

Стук в дверь отвлек меня от размышлений. Вошел дворецкий, одобрительно улыбнулся, оценив мой наряд, и сообщил:

— Сиятельная таинэ, милорд очнулся и в состоянии присутствовать на допросе. Жрецы и дознаватели давно ждут. Позвольте вас сопроводить?

И никто из женщин не понял, что за этим вопросом скрывалась некая подоплека: Энхем Чесс, распространивший на меня покровительство старшего, по законам Айэры считался моим духовным родственником, и в отсутствие других имел право сопровождать меня на брачной церемонии и отдать мою руку жениху.

— Я готова, мэйстр Чесс.

Храм Небес притулился на задворках Орияр-Дерта, подальше от парадного входа и господских окон — за хозяйственными постройками, конюшнями и казармами. Мало того, здание было отделено от остальных полосой отчуждения — двумя кольцами серого как пепел песка и черной гальки шириной метров пятнадцать.

Я помнила его со времен работы в замке под личиной экономки. На мертвой земле полосы не росло ни стебелька. Такой же грудой мертвых развалин казался и сам храм. Купол треснул, черные колонны портика слегка покосились, стены были увиты стеблями сухого плюща. Разруха и уныние.

Сейчас я замерла от изумления. Под вечереющим небом цвета старого золота храм казался новенькой новогодней игрушкой. Целехонький белый купол искрился, словно обсыпанный инеем. Если бы солнце не село, было бы нестерпимо смотреть. Черные стены и ровные стройные колонны были очищены от грязи и оказались сложенными из удивительно красивого, как

мерцающее ночное небо, черного камня с вкраплениями прозрачного кварца. Черно-белая строгая и сверкающая гармония. Разительный контраст с живым буйством и прихотливыми линиями Лаори-Эрля.

Ожил даже вьюнок, выпустил черные листочки и зацвел мелкими белыми звездами.

Только мертвая полоса, отделявшая храм, не изменилась — те же пепел и камни. Но через препятствие был брошен деревянный мостик с резными перильцами. По ту сторону нас ждали два жреца и два незнакомых мага в мундирах королевских дознавателей с фиолетовыми знаками менталистов. Третьим был Нейсон в своей неизменной потрепанной мантии, и я обрадовалась ему, как родному.

Дэйтара еще нигде не было видно, но на самой вершине купола храма Небес сидел крупный ворон и деловито чистил перья.

— Таинэ Орияр готова открыть душу Небесам и дать свидетельские показания, — задушевым тоном поведал дворецкий.

— Пройди, дитя Небес, — сладко пропел жрец в белом одеянии, повернулся и пошел впереди.

Стоило переступить порог черно-белого храма и положить ладони на алтарь, глядя в глаза Нейсона, вставшего напротив, как время исчезло.

Я уже не видела пустых стен, украшенных лишь двумя картинами в простых рамах, изображавших заснеженное поле и ночное море. Взгляд менталиста не отпускал, и я казалась себе то барахтающейся в паутине мухой, то воспаряла птицей ввысь, то падала камнем в бездну. Хотелось кричать и плакать. Голову сжали невидимые тиски, и казалось, невидимые щупальца проникли в мозг и копошатся словно черви. Ужасное ощущение.

Потом начались вопросы. Давление чужих разумов усилилось — подключились два дознавателя. Я едва удерживала контроль, чтобы не рухнули все мои щиты. Хватит с них двух воспоминаний о наших с Вороном провалах в Нижний мир. С особым удовольствием я вспоминала о подозрениях против королевы. Пусть государь знает.

Наконец, невидимые тиски, сжимавшие мою голову, лопнули, я покачнулась и осела на руки дедушки Энхема.

— Светлые Небеса свидетельствуют со всей очевидностью, что леди Барренс, таинэ Орияр, говорила правду с открытой душой и сердцем, — монотонно проговорил белорясник.

— Темные Небеса свидетельствуют со всей беспристрастностью, — эхом откликнулся чернорясник, — что леди Барренс, она же таинэ Орияр, не погрешила против истины и не скрыла ничего от их взора.

— Мы удовлетворены. Пригласите графа Орияра, подозреваемого в клятвопреступлении, — сухо прошелестел голос одного дознавателя, тощего и высокого, как жердь.

— Дозволяем, — слаженным дуэтом пропели жрецы.

Двери распахнулись, впустив сначала конвоира; затем вошел сероглазый некромант — медленно, с усилием переставляя ноги. На его руках и лодыжках безобразными буграми чернели вериги Кхаста, надетые напоказ, поверх камзола и брюк. За плечом графа выступали, зорко глядя по сторонам, еще два королевских мага. И это в Орияр-Дерте, гнезде Ворона! Даже меня охватил гнев, а что чувствуют Гринд, Кенз и все люди и маги замка?

— Лорд Орияр, ваши показания подтверждены свидетельницей пред ликом Небес, — провозгласил тот же тощий дознаватель. — Мы отправим депешу его величеству о результатах расследования. Можете приступать к вашему срочному ритуалу...

— Невозможно! — оборвал его жрец Темных Небес. — Пока не сняты ограничители магии, ни один маг не может предстать перед Небесами.

— Мы не можем снять браслеты. Указа об освобождении еще нет.

— Есть! — Побледневший Нейсон вытащил из-за пазухи два свитка. — Его величество в милосердии своем предвидел результат свидетельства перед Небесами графини Барренс.

Но, развернув первый свиток, магистр тут же разорвал его и смял, а обрывки засунул в карман. Пара клочков упала на пол. Менталист этого не заметил, он дрожащими руками развернул второй свиток, пробежал по тексту глазами, с облегчением вздохнул и передал бумагу стоявшему рядом дознавателю. Тот откашлялся и громким, хорошо поставленным голосом зачитал документ.

Это оказался королевский указ о немедленном освобождении из-под стражи лорда Орияра. Цитирую дословно: «В случае подтверждения перед Небесами свидетельства отсутствия злого умысла, снять все выдвинутые против Черного Ока его величества обвинения и освободить из-под стражи».

— Именем короля приказываю снять вериги! — опустив свиток, приказал дознаватель.

Что ж, Артан предусмотрителен. И то, что он подписал сразу два указа, скорее поддерживало Дэйтара, чем свидетельствовало против. Интересно, что было во втором свитке? Хорошо бы подобрать упавшие клочки, пока никто не опередил. А то еще воспользуются для своих гнусных интриг. Я уже заметила, как чернорясник повернул голову в

капюшоне и бросил на мусор косой взгляд, явно интересуется.

— Лаори, мне нужны эти бумажки, — прошептала я одними губами.

Все были увлечены сценой триумфального освобождения Ворона от оков. Рыцари, толпившиеся у храмовых врат, бурно выражали радость, лекарь протягивал Дэйтару склянку с укрепляющим зельем. Хорошо, что перед вторым этапом не требуется такая зверская голодовка, как перед первым, иначе плакал бы мой план. В суете никто не заметил небольшого, четко направленного сквознячка, подтянувшего к моим ногам два бумажных клочка.

— Мэйстр Чесс, у меня ослабли пряжки на туфлях. Не могли бы вы их поправить? — шепнула я дворецкому. Стыдно, конечно, напрягать старика, но другие доверенные лица слишком далеко.

— Рад помочь, таинэ, — пробормотал дедушка Энхем. Встав на одно колено, он коснулся выставленного из-под подола носка туфли и ловко подобрал бумажки. Можно было, конечно, спросить потом у Нейсона, но вдруг это государственная тайна? Лучше подстраховаться.

Освобожденный преображался на глазах. Появился румянец на щеках, заблестели глаза. Ворон встряхнул и осторожно размял руки, поправил смятые веригами рукава и ослепительно улыбнулся мне.

— Здесь и сейчас, — перекрывая шум, разнесся его глубокий и звучный голос под сводами храма, — здесь и сейчас я прошу милости Небес и заявляю о своей готовности и желании начать второй этап обручения с моей нареченной леди Тирриной, графиней Барренс, таинэ Орияр, если она согласна.

— Да, — ответила я и шагнула к алтарю. — Я согласна.

— Подождите, — мягко остановил нас служитель Светлых Небес, подняв обе руки. — С нареченных должны быть сняты абсолютно все блокирующие амулеты. И опущены все ментальные щиты.

Долговязый дознаватель скривился, бросил отрывисто:

— Все снято!

Темный храмовник подошел сам к Ворону и что-то прошептал. Дэйтар склонил голову, а жрец быстро провел над ней двумя ладонями, не прикасаясь, затем так же на расстоянии обследовал шею, плечи и грудь. Неуловимое движение, и из густых волос Ворона вытащена небольшая полупрозрачная игла, похожая на еловую. Жрец бросил ее на пол, и амулет вспыхнул и исчез.

— Вот теперь все снято. Щит... — Он обошел некроманта и, откинув капюшон, внимательно всмотрелся в глаза. Жаль, стоял он так близко, что никто, кроме Дэйтара, не видел его лица. — Щит опущен, насколько это

возможно для его крови.

Белорясник кивнул собрату и двинулся ко мне, встал напротив.

— Перед Небесами предстают полностью открытыми. Это относится и к вам, таинэ. Иначе союз будет разорван.

— На мне нет амулетов, кроме родового кольца моего жениха. На первом этапе это не помешало, — набралась я смелости тихо возразить.

— Опустите ваш ментальный щит, миледи, — прошипел толстяк. — Если вы закрыты от Небес, зачем пришли сюда?

По голосу храмовника я поняла, что он с радостью выгонит нас из храма. Я сделала усилие над собой, но как опустить то, что я не чувствую?

— Я не держу щит!

Выручил Нейсон:

— Ваше святейшество, вы наблюдаете естественную защиту разума миледи, свойство ее духа. Как наставник и доверенное лицо его величества я даю слово чести, что таинэ Ориар не в состоянии отсечь то, что дано ее природой, следовательно, даровано Небесами.

Храмовник пожал плечами и отступил.

И в этот миг алтарь взорвался.

Глава 18

ОБРУЧЕНИЕ

Благословен тот час, когда я подарила храму Небес чужое имущество! Под этим предлогом на территорию, подвластную магии Верхнего мира, внедрились живые картины Лаори-Эрля. Замок, привыкший к постоянным атакам и диверсиям, отреагировал мгновенно: на пути осколков возник силовой барьер. К нему тут же добавили свои щиты маги. И чудовищная рогатая и чешуйчатая тварь, вылезшая из порталной дыры, образовавшейся на месте алтаря, могла сколько угодно разевать огромную зубастую пасть. О портале говорили хищные узоры рамки, которые я по привычке запомнила.

Шансов у нее не было. Не на тех нарвалась.

И храмовники, и люди Орияра, и королевские стражи действовали так слаженно, словно всю жизнь воевали бок о бок на одном фронте. Они не рискнули снять барьер. Они его медленно, со злорадным удовольствием сжимали, как кулак, выдавливая пришельца в потусторонний портал.

Только Дэйтар и я не принимали участия в избиении зубастого младенца.

В момент взрыва у Ворона словно выросли крылья — он в мгновение ока прыгнул ко мне и сжал в объятиях, заслоняя собой. Разлились сполохи защитной сферы.

— Моя таинэ! — Его сухие, потрескавшиеся губы коснулись моего виска.

— Мой таир... — Я приподнялась на цыпочки и потерлась щекой о его заросший подбородок.

Сероглазый кинул оценивающий взгляд на свод — не потрескался ли, потом на магов — не помочь ли. Но решил, что и без него справятся с такой ерундой, как тварь из бездны, и занялся более приятным делом — прижал меня к себе и так крепко поцеловал, что я забыла обо всем.

Я закрыла глаза, полностью отрешаясь от царившего вокруг нас хаоса и отдаваясь чувствам. Упоительно, сладко, до головокружения. До слез.

— Ну что ты, не плачь! — Дэйтар быстрыми поцелуями снял катившиеся по щекам слезинки.

— Я думала, что уже никогда тебя не увижу, — всхлипнула я, уткнувшись в его твердое плечо.

— И не надейся. Я некромант. Пришел бы жениться и после смерти.

Представив, как в мою опочивальню вламывается зомби с алыми глазами и требует немедленно исполнить супружеский долг, я всхлипнула уже от хохота.

— Похоже, тебе нравится эта идея? — В серых глазах тоже плясали смешинки.

— У всех некромантов такой черный юмор?

— И даже у всех черных магов.

Краем глаза я заметила, что от твари и мокрого места не осталось. Последний ее вопль оказался членораздельным.

— Я еще вернусь, Дэйтар! Ты сдохнешь во славу истинного Хаора! — провыло чудище и втянулось в дыру.

Лаори-Эрль мигом затянул пролом, а маги занялись защитой и выяснением, как мог прорваться в святое место такой сюрприз из Нижнего мира. Но Дэйтар не торопился снимать сферу, и это вызывало тревогу.

— Наш обряд сорван, жаль. — Я повела ладонью по его заросшей щеке.

Мой таир перехватил руку и поцеловал в середину ладони, потом каждый пальчик, перемежая поцелуи с ответами:

— Не по нашей вине. Небеса же не отказали нам. И жрецы не имеют права отказать. Отстроим новый алтарь и потребуем провести обряд заново. После того как ты спасла мне жизнь, ты просто обязана взять меня в мужья.

Вместо ответа я обвила его шею руками и сама поцеловала его жесткие, жаждущие губы. И снова потерялась во времени и пространстве. Сияние сферы вокруг нас стало нестерпимо ярким и напоминало звездный огонь. Я закрыла глаза.

А когда открыла, оказалось, что мы стоим на крепостной стене, на том же месте, где я потеряла заколку, — я помнила эти выбоины в камне и слегка погнутый завиток решетки. Вот только под стеной до горизонта расстиралось безбрежное море, а над ним раскинулось ночное звездное небо с двумя лунами. А в водах отражались четыре.

Ни деревьев, ни демонов, ни воронов. И наших никого. И тишина. И зомби рядом. Наверное. Не может же быть, чтобы их под стеной не было. А если они в батискафы залезли?

— Иллюзия? — спросила я и погладила камень.

Шершавый, грубый, царапающий кожу, очень реальный.

Дэйтар вскинул голову, осмотрелся, тоже потрогал камень стены. Улыбнулся.

— Иллюзия. Но очень хорошая. Крепкая. Правильная.

И потянувшись поцеловать, но я увернулась. Спросила, отойдя на шаг, чтобы видеть его глаза:

— Нас сейчас слышат жрецы?

— Нет. Только Небеса. И Лаори-Эрль.

— Тогда скажи мне правду, Дэйтар Орияр. — Я зажмурилась на миг, собираясь с духом, и как в море со скалы бросилась, понимая, что теряю все, и пути назад не будет. — Почему ты устранил своих трех невест? Почему усыпил девушек своего замка? И почему хотел убить...

Я не успела срывающимся голосом выкрикнуть последний вопрос, как его заглушил жуткий рокот. По правую руку от меня дрогнули огромные глыбы перекрытий, и снизу поднялась каменная стена, перекрыв проход от зубца до внутреннего бортика. Я испугалась, но все-таки договорила:

— Почему ты сделал все, чтобы сорвать наш брак?!

Дэйтар онемел на несколько мгновений то ли от моих вопросов, то ли от конструктивного архитектурного новшества. Он потер лоб, пятерней откинул назад пряди растрепавшихся черных волос.

— Если бы я не знал, что жрецы выявят все амулеты, то подумал бы, что королева опять до тебя добралась. Ты говоришь в точности ее словами. Но амулетов нет. Может, твой разум не выдержал напряжения последних дней?

На последних его словах пришли в движение глыбы по мою левую руку, и выросла новая стена. Мы оказались в каменном мешке, откуда не было иного выхода, кроме как перелезть через решетку и броситься в море.

Но это же иллюзия, было бы о чем беспокоиться!

Я задохнулась от ярости и открыла рот, чтобы выплеснуть негодование на этого негодяя, но Дэйтар вдруг схватил меня в охапку и бесцеремонно заткнул мне рот поцелуем. Гад пернатый! Я замычала, заколотила его по спине кулаками, но он перехватил мои руки. Тогда я пнула его коленом меж ног. Увы, средневековые женские платья не предназначены для драки. Да еще, как назло, я выбрала узкую в бедрах юбку. Удар оказался слабым, а тонкая ткань затрещала по швам.

— Успокойся, Тома, — оторвавшись от моих губ, прошептал Ворон.

Ненавижу. Когда мне говорят «успокойся» — ненавижу еще больше. Сразу хочется кого-то зверски убить.

— Я спокойна! — рявкнула я.

Бортик, отделявший проход от внутреннего двора-кармана, пополз вверх.

— Тише, прошу тебя. — Сильные руки Дэйтара не давали мне

пошевелиться. — Тише, Тома. Иначе мы окажемся тут замурованными, а потом кончится воздух. Нас, конечно, спасут, но обряд будет сорван.

— Какой обряд?

— Обручения, — обаятельно улыбнулся убийца, подозреваемый мной во всех смертных грехах. — Разве ты не поняла?

— Но алтарь разрушен!

— Небесам не нужны алтари. Это каменные якоря для слабых духом. Небесный алтарь — это душа. Обряд был начат, и мы его сейчас проходим. Вернее, сами себя загоняем в ловушку собственной ярости, гнева, подозрений. Вериги, которые едва меня не убили, созданы по такому же принципу. Давай их вместе снимем. Объясни, почему ты решила, что я виновен во всех этих преступлениях? Только спокойно. Нет, подожди, сначала постоим так чуть-чуть. Помолчим. И подумаем.

Он уткнул мой горячий лоб в свое плечо и молча перебирал мои спутанные волосы, стараясь не порвать удерживающую их жемчужную нить. Его руки были такими нежными, бережными, что я в конце концов расслабилась, и мне самой уже не верилось, к каким жутким выводам я пришла. Но они были логически безупречны, и все факты укладывались в это объяснение.

— Расскажи, Тома, — шепнул Ворон на ухо, заодно его поцеловав. Щекотно же! — Только помни, не надо резких, гневных слов. Если вырастет стена между нами, мы уже ничего не сможем спасти. Останется только этот путь. — Обняв меня, он устремил взгляд на узорчатую решетку и спавшее далеко внизу море.

Трудно обвинять того, кто так заботливо тебя обнимает, стараясь согреть и успокоить. Трепыхнувшись пару раз, я оставила попытки вырваться. Сумела лишь развернуться в кольце крепких рук, прижалась к горячей груди спиной и тоже уставилась на кусок иллюзорного пейзажа.

— Может быть, я слишком высоко оценила твой ум и знания, Дэйтар, но я не могла понять, как умный человек сумел не заметить в собственной крепости столько врагов. Олла. Лин Игви. Тиа Арвин. Сбежавшая сомнамбула. И еще кто-то, кто взорвал алтарь. Впрочем, там сегодня проходили обряд экзорцизма сомнамбулы, мог кто-то подкинуть.

— Она сбежала раньше.

— Значит, осталась еще одна, которую точно никто не будет искать. Может быть, не напрямую связанная с демонами, потому что обряд прошла. Или постарался кто-то из твоих магов.

— Исключено. Посторонних не подпускают к алтарю. Маги вступают в бой только в случае, если демон все-таки проявится, и сами жрецы его не

удержат. Я знаю этот мерзкий обряд, сам его прохожу раз в год сразу после каждого дня рождения.

Ага. Возьму на заметку.

— Вот уже пять мелких сошек, Дэйтар. Они действовали под твоим носом, а ты ничего не замечал. Хорошо, тебе некогда. Ты исполнял обязанности в Совете Ока, редко был в замке. Но я не могла поверить, что такие сильные некроманты как магистр Чесс и сэр Гринд могли не почувствовать демона в гостевом доме! Как они могли не проверить каждую собаку, не говоря о людях, и пропустить одержимость Лин, голема Оллу? Я подозревала то Энхему, то Гринда, но это, уж прости, заставляло сомневаться в твоих умственных способностях. Эти двое занимают главные должности и пользуются твоим полным доверием.

Дэйтар скрипнул зубами, но проглотил мои слова.

— Дальше.

— Но сомневаться в тебе я не могла, — продолжала я. — Не только потому, что ты доказал свои выдающиеся аналитические способности королю. Я об этом ничего не знаю. Но ты доказал, когда с легкостью вычислил меня под личиной Тайры Вирт и припер к стенке. И тогда твоё неведение о том, что творится в замке, твоя неспособность поймать диверсантов и шпионов стала выглядеть совсем странной. Ты не мог не знать, кто усыпляет сомнамбул. Ты можешь отследить любого в Лаори-Эрле, и не важно, сколько лет прошло с момента преступления. Твой замок — живой, он помнит все.

— Я могу сказать слово в свою защиту? Лаори много лет спал, учти это, Тома.

— Учту. Но не поверю. Он встретил меня, когда я впервые появилась здесь, и сонным не выглядел. Он следил за каждым моим шагом. Или ты?

— Мы оба. — В голосе Дэйтара проскользнула улыбка. И спряталась. — Но ты забыла о цели. Зачем мне усыплять моих же служанок?

— Я могу только подозревать.

— Твоя версия?

— Среди них была шпионка королевы. Фрейлина. Ты усыпил ее и отправил в гробу королеве в качестве предупреждения. Вот она тебя и ненавидит люто.

Ворон рассмеялся и поцеловал меня в макушку.

— Не только поэтому. Не устаю благодарить твои Небеса, Тома. За то, что отправили сюда твою душу. А мои — за то, что приняли. Умница моя. Да, так и было. Старая карга впала в бешенство. Но зачем мне усыплять

остальных?

— Фрейлина была слишком явной шпионкой, напоказ. Но ты догадался, что она должна была отвлечь внимание от настоящей шпионки. И ты поступил хитрее. С изощренной издевкой. Сомнамбулы содержались вместе, передвигались всегда под надзором и смиренно выполняли всю работу.

— Я такой безжалостный? Хорошо, с королевой разобрались. Но там еще была одержимая демоном шпионка.

— Ее еще не поймали, кстати. До сих пор. И нет никаких доказательств, что она одержима.

— А Олла?

— Тут признаю... Но голем — не демон. Всего лишь рупор. Олла была безобидна. И ты знал, что она голем, потому и держал ее на псарне и к замку не подпускал. Ты-то прекрасно знал, что никакой ментальной атаки на девушек не было. Это во-первых. А во-вторых, через голема ментальное проклятие не отправить, неизбежны непредсказуемые искажения. Теперь я это тоже знаю, Нейсон объяснил, когда учил меня во дворце.

— Звучит убедительно. Теперь я понимаю твою уверенность. А почему ты решила, что это по моему приказу на тебя покушались?

— Ты хотел напугать меня. Как предыдущих невест. Чтобы я сама нарушила договор и сбежала, и тебе не пришлось бы расправляться со мной, как с ними, и ссориться с королем прежде времени. Для этого Лин и подготовила ловушку с демоном в зеркале. Не получилось, и Тиа использовала заколку. Они были парные, Дэйтар. Одна упала с этого места в пропасть, а другая лежала в шкатулке. Там ее нет. Но и это покушение не удалось.

— Кстати, не скажешь почему?

— Надеюсь, потому, что ты не хочешь убивать меня, мой таир. Кенз был настороже. Он знал, что должно что-то со мной случиться.

— Это он сам тебе сказал?

— Нет. Это логический вывод. Время тебя уже поджимало, и ты взорвал алтарь. Что-то не верится мне, что демоны совсем тупые и отправили против толпы сильнейших магов одинокого монстра поздравить нас фейерверком. А вот сорвать церемонию у него удалось. И знаешь, опять никто не пострадал, что интересно. И с демонами у тебя странная война. Мертвые против мертвых. Без жертв.

Дэйтар снова тронул поцелуем мою макушку.

— Не совсем убедительно, особенно когда все в куче. Подумай, зачем мне это? Во всем есть цель, моя таинэ. С какой целью я мог пойти на

преступления?

— Чтобы вырваться из унижительного тысячелетнего плена, Ворон. Чтобы стать повелителем сферы Суаф.

Ладонь, гладившая мои волосы, дрогнула, а дыхание, к которому я внимательно прислушивалась, на миг сбилось.

Я развернулась в его объятиях, подняла голову, чтобы увидеть потемневшие глаза, мерцающие в лунном свете, и спросила:

— Или мне нужно называть тебя Хаор?

Двумя большими пальцами он очертил мои скулы, скользнул по шее, и я приготовилась услышать хруст сломанных позвонков, запоздало ужасаясь до холодного пота. Он такой сильный. Даже сейчас, после вериг.

Ноги подогнулись, и я схватилась за перила. Нет, нет, Дэйтар не может быть демоном! Демон и шагу не сможет ступить в храме, жрецы его раскусят в один миг. А мы уже предстали пред Небесами. Так ведь? Но... алтарь-то взорвался!

— Ты боишься и не доверяешь мне, Тома, а без доверия союз невозможен, — укорил Ворон. Широкие ладони скользнули мне за спину, он притянул меня к себе. — Хаор — это совсем не то, что ты думаешь.

— Ты говоришь о доверии, а сам уходишь от ответа. Да или нет?

— Нет, моя таинэ, я пока еще не демон. А ты бы хотела, чтобы я стал им?

— Нет. Я боюсь демонов. И я не желаю твоей смерти, Дэйтар.

Он тихо засмеялся.

— Это не смерть. Книги Верхнего мира врут почти во всем, что связано с пленением Хаора. Хаор — это не имя. Это титул верховного правителя, повелителя сферы Суаф. В Риртоне — король, в Арвении — царь. В Джиассе — халиф. В Суаф — хаор.

— Всего-то?

— Да. Если я приму власть в сфере и сяду на трон повелителя, я стану полноценным хаором. Но не умру и не превращусь в рогатого демона. Точнее, это еще под вопросом, ведь наша сила просыпается после двадцати пяти. Но не будем отвлекаться на несбыточные мечты.

— Нет, давай отвлечемся! Я хочу знать, что отличает мага от демона, кроме рогов.

— Давай сначала выберемся отсюда, — улыбнулся он.

— Мы не выберемся, пока не внесем ясность в наши отношения. Ты сам сказал.

Дэйтар вздохнул.

— Демоны разнообразны, Тома, долго объяснять. Но Вороны никогда

не называли себя демонами. Мой род и вся сфера Суаф всегда были лишь посредниками между Верхним миром и Нижним, между людьми и демонами, между светом и тьмой, между живыми и мертвыми. Поэтому я — самый сильный некромант на всей Айэре. Но поэтому же я при всем желании не стану демоном даже после двадцати пяти лет.

— То есть как?

Он рассмеялся:

— Так же точно, как не станешь ты. Все мифы о моем превращении — тысячелетняя ложь. И ее цель — создать еще одну цепь, приковывающую Ориаров к трону королей Риртона.

— Но у тебя даже невеста демоница есть! Я помню слова Оллы.

— Нет. У меня одна невеста — ты. И теперь не важно, кто еще считает себя моей невестой без моего ведома и согласия. Это просто трюк в борьбе за власть. Попытка демонов получить трон Суаф законно и сэкономить на военных расходах. На самом деле Вороны всегда воевали за независимость и с демонами и с людьми, пока люди не поймали хаора Ориара. А без посредников демоны подошли к Верхнему миру вплотную, захватили половину сферы Суаф и облизываются на оставшуюся.

— Но зачем в Риртоне скрыли правду?

— Страх, Тома. Пленников лучше всего удерживает страх. Демон Хаор — это крючок, на котором нас держали в Ориар-Дерте тысячу лет. Королям Риртона надо было, чтобы нас боялись. И чтобы мы сами себя боялись. И боялись за своих детей. Но я с этим разобрался и уже ничего не боюсь. — Он вздохнул, обвел большим пальцем мои губы. — Хотя вру... Я не боялся, пока не соприкоснулся с тобой, с твоей душой. Я хочу сказать главное, и пусть Небеса будут свидетелями. Ты должна знать и всегда помнить, Тома, что твоя жизнь для меня — самое ценное на свете. Мне страшно представить, что волос упадет с твоей головы, а ты говоришь о спланированных мной покушениях. Нет. Никогда я не буду испытывать судьбу тех, кто мне дорог.

Я вздрогнула. С грохотом упали каменные барьеры, ветер разметал пыль, вздыбил и смешал наши волосы. Мои белые и его черные. Наши пальцы, распутывая пряди, встретились. И Ворон сжал мою ладонь, притянул к губам, поцеловал. И отпустил. Он тяжело облокотился на решетку, глядя в ночную даль, и я с раскаянием подумала, что он еще слаб после вериг и старается не показать мне своей слабости.

— Знаешь, я сам всегда считал себя чудовищем, с детства, — сказал он. — Мне казалось, только чудовище может быть обречено на жизнь в клетке, ведь я тогда воспринимал Ориар-Дерт как клетку, откуда нас с

отцом выпускают только под усиленным конвоем. Нам приписывали все преступления черных магов. От нас шарахались люди, даже всемогущие маги и придворные аристократы трепетали перед отцом. Потом передо мной. Я не жалуюсь, я привык. Но твоя фантазия превзошла все. Я для тебя — жестокий мерзавец, издевающийся над невинными девушками ради удовольствия. Убийца, уничтожающий доверившихся мне невест. Предатель, нарушивший тысячелетний договор. И знаешь, что дает мне надежду, что для меня еще не все потеряно? Ты пришла в храм с представлением обо мне, как о чудовище. Ты пришла спасти злодея от казни. Почему, Тома?

Потому что невозможно представить, что тебя не будет, Ворон. Твоих внимательных серых глаз, твоей ироничной улыбки в уголках рта, твоего бархатного голоса, твоих рук, обнимающих меня...

— Потому что ты обещал мне помочь вернуться домой, лорд Дэйтар Орияр.

Что я сделала? Сказала правду. Почему тогда заledenело его лицо и сжались кулаки?

— Тебе так тут не нравится? — И голос стал холоднее арктического ветра.

— Там мой отец. Друзья.

Компьютер, ВКонтакте... Весь мир.

— И жених?

— Нет. Не успела. Мне было всего двадцать, и я еще училась. В моем мире деловые девушки сначала делают карьеру, а потом уже думают о семье. Я не хотела зависеть от отца.

Дэйтар развернулся ко мне:

— У тебя там не было мужчины?

Вот пристал.

— Нет. Отец поклялся убить любого за интрижку до брака, а папе я верю.

— Жаль. Был бы дополнительный якорь. Любящие сердца — это якоря для душ. Или ненавидящие. Проще было бы найти твой мир. Но об этом поговорим позже. И еще. Нам нельзя проходить третий этап.

— Почему?

— Он привяжет твою душу к моему миру. Небесный брак — это самая прочная связь в мире Айэры. Обойдемся двумя этапами, этого достаточно, чтобы успокоить короля и выиграть время, чтобы устранить наших врагов. Доверься мне. Ты и так слишком многим жертвуешь ради того, кто недостоин таких жертв. — Он оттолкнулся от решетки, протянул мне руку

ладонью вверх. — Но второй этап нам обоим необходим. Ты еще не передумала надеть мое кольцо?

Я спрятала руки в рукава, сжала их в кулаки.

— Не так быстро, лорд Ориар. Ты отрицаешь мои обвинения?

Он тяжело вздохнул:

— Отрицаю большинство из них. Я не злоумышлял против тебя. Я не усыплял сомнамбул, кроме самой первой фрейлины. Но я признаю, что мешал моим невестам впасть в соблазн и бежать, о чем сожалею, потому что для них это плохо кончилось. Я был слишком равнодушен и не рвался жениться по приказу.

— А кто тогда виновник?

Легкая пауза и уклончивый ответ:

— Поищем вместе, если успеем.

Почему у меня такое ощущение, что он знает?

— Что значит — если? — спросила я.

— Обещай мне. Если откроется возможность уйти домой, ты уйдешь.

— И буду мучиться в неведении? — нахмурилась я.

Дэйтар усмехнулся:

— Хоть что-то. Но я не гарантирую, что у тебя останутся воспоминания об этом приключении. Так что насчет кольца?

— Зачем тебе это?

— Тома... — Сероглазый изобразил мучительный вздох. — Ты меня удивляешь. То блистаешь недюжинным умом, то забываешь, что крепость нашпигована королевскими наблюдателями. Если обручение сорвется, Артан заберет тебя во дворец, а меня окрутят с какой-нибудь королевской куклой. Не хочу. Ты хотя бы не кукла. Обряд обезопасит нас обоих на какое-то время. Так ты наденешь мое кольцо, упрямая девочка?

— Ну хорошо, надену. Оно хотя бы красивое? Или опять замаскированный под бриллиант гигантский амулет?

— Оно нормальное.

Я вложила пальцы в его руку. Дэйтар вытащил вторую руку из кармана, надел на мою руку кольцо и тут же, не дав его рассмотреть, дернул меня на себя, и наши губы соприкоснулись. Целуется он замечательно, по некромантски, забирая душу. И пусть на этот раз вокруг не порхали иллюзорные бабочки (вообще-то они должны порхать в животе, я в книжках читала), не пели иллюзорные птицы и не сияли светлячки. Зато его губы были настоящие — жаркие, ненасытные, желанные.

Впрочем, сияние полыхнуло. Но не от светлячков, а от плотного защитного купола. Его нестерпимый свет заставил меня поспешно

зажмуриться. И вдруг я поняла каким-то шестым чувством: мы с Дэйтаром не стояли тут все это время, а на самом деле покинули храм и вернулись, а сфера маскировала портал, задействованный Вороном. Потому что смысла в такой защите не было никакого. Не от жрецов же защищаться. А вот смысл прикрыть наше отсутствие очень даже был.

Не успела мысль оформиться, как сияние погасло. Сфера рассыпалась, открыв нам обеспокоенных зрителей, окруживших нас со всех сторон. Рыцари и некроманты разразились ликующими криками, а жрецы разочарованно вздохнули.

— Наконец-то! — проворчал дедушка Энхем.

— Мы уж думали, от вас там одни угольки остались, — брюзгливо вторил ему Нейсон.

— Нейсон! — обрадованно воскликнул Ворон. — Ты захватил мое кольцо? Дай сюда.

Хмурый менталист протянул ему черную коробочку.

— Тут только одно, Дэйтар.

— Передай моей таинэ.

Я открыла переданную мне коробочку. На черном бархате две алые прорези. Одна пустая, а во второй ребром лежало черное кольцо с ярким фиолетовым камнем, тут же сменившим цвет на оранжевый. Камень удерживался веером вороньих крыльев, плавно переходившим в широкий резной обод. На моем пальце сияла похожая копия, только меньшего размера, более элегантная, но тоже черная, крылатая и светившаяся изумительным камушком.

— Подождите, так нельзя! — протестующе воскликнул белорясник и взмахнул рукавами хламиды.

Я быстренько надела кольцо на безымянный палец Ворона — тут традиции чужого мира почему-то не отличались оригинальностью — и вздрогнула, когда камни обоих колец вспыхнули, и нежное звездно-золотое сияние охватило наши сомкнутые руки. А когда оно схлынуло, я обнаружила, что мое платье невесты из белого стало черным, под цвет одеяний жениха. Вот это, я понимаю, гармония!

— Почему нельзя? — Дэйтар поднял на жреца смеющиеся глаза. — Можно. Небеса благословили наше обручение.

— Но вы не принесли брачных клятв!

— Все клятвы принесены в наших сердцах, и Небеса их услышали, — парировал Ворон с некоторым пафосом и, подхватив меня на руки, отправился на выход.

— И даже та, где говорится «обручена — обречена»? — фыркнул

служитель Темных Небес.

— Что? — Я схватилась рукой за дверной косяк и брыкнулась, а то устроили тут вынос тела из мавзолея.

Ворон со вздохом поставил меня на ноги и обнял обеими руками за талию, давая понять, чтобы даже не дергалась, — не выпустит, закогтил.

— Не бери в голову, моя таинэ. Эта старая формулировка брачных клятв давно не является обязательной.

— Не обязательна, но это смысл второго этапа обручения, леди Тиррина, — сказал чернорясник. — Приняв обручальное кольцо, вы скрепили союз перед Небесами и обрекли себя на наказание за нарушение брачных клятв.

А, ну тогда ладно. То-то Ворон так хитро уклонился от этой части церемонии. Мы же ни в чем не клялись друг другу. Я поблагодарила жреца за объяснение и с легким сердцем забыла, что ничего легкого в этом мире для меня не было, нет и не будет.

Глава 19

КОРОЛЕВСКИЕ ТАЙНЫ

За воротами храма нас ждали все обитатели Орияр-Дерта, запрудившие площадку вокруг здания, невзирая на поздний вечер. Они встретили нас задорными криками, улыбками. Шой держала в руках огромный поднос с пирогом в виде восьмерки — в Айэре это символ любви и единения. Оранжерея Тиа была ограблена, и окрестности в Верхнем мире тоже — столько цветов усыпало мертвую «полосу отчуждения», что пепел и камни исчезли под разноцветным ковром. Плавающие в воздухе разноцветные магические фонарики заменяли звезды.

Я запорокинула голову, наблюдая за рукотворными созвездиями.

На ночном багровом небе Орияр-Дерта не бывает звезд. Но там, внизу, когда мы с Дэйтаром стояли на стене, они были. Звучит странно, но физически я воспринимала наше перемещение именно так: вниз, к границе с демонами, где Орияр-Дерт вдруг оказывался совсем другим, чем виделся мне здесь или на границе с миром Айэры, когда перед экономкой Тайрой Вирт предстал лишь пустой холм, обнесенный стеной.

Здесь все не так, как на самом деле. Низ оказывается верхом, верх оказывается пустырем. Или маленьким городом, обрамляющим сказочный бриллиант Лаори-Эрля.

Наверное, я влюбилась в него с первого взгляда.

И в Ворона и в его замок.

Дэйтар первым преломил пирог и отпил вино из серебряного бокала. Если бы он был демоном, то не смог бы коснуться серебра. Может быть, поэтому вся парадная посуда в замке была из этого благородного металла, вызывающего у жителей Нижнего мира поголовную аллергию?

Господи, как же я устала.

— Люди ждут, — шепнул Дэйтар. — Отказ разделить «свадебный напиток судьбы» будет для них плохим знаком.

Пить хотелось безумно, но лучше бы тут была простая вода. Что ж, традиции надо чтить. Я отломил кусочек пирога и пригубила вино.

Но вдруг кольцо на моем пальце раскалилось, заставив меня испуганно разжать пальцы. Бокал выпал, напиток разлился, словно кровь. А я не могла вдохнуть. Мне хватило половины глотка. Вино — вязкое, пряное и одновременно такое сладкое, будто в банку с медом насыпали

перца — залепило горло, словно воск, перекрывая кислород.

— Воды! — из последних сил прохрипела я, повиснув на плече лорда.

Искусственные звезды стремительно погасли, и я погрузилась во тьму.

Звуки доносились издалека и так глухо, словно морской прибой. Я не сразу разобрала слова в этом гуле, и смысл скользил мимо моего сознания. Сделав усилие, я открыла глаза. Темно. Душно. Но в темноте светился бледный луч, проступал рисунок на ткани. Плотно задернутый полог. Такого в моей комнате точно не было. Прислушалась.

— Бу-бу-бу... — бормотали где-то на разные голоса.

Ничего не понятно. Я снова задремала. И, как показалось, тут же очнулась, словно от толчка. Полог был уже слегка отдернут, и за ним в лунном свете виднелась незнакомая комната. А голоса звучали гораздо ближе и четче, словно собеседники сидели в соседнем помещении и оставили открытой дверь.

— Да провел я расследование, сразу же. За кого ты меня принимаешь? Шой рыдает, она же полудемоница, да и Тирру ненавидела. На нее сразу пало подозрение, но она невиновна.

Голос Дэйтара.

— Ты уверен?

А это — король Артан Седьмой. Что он тут делает? И где я? Неужели во дворце? Темные Небеса, только не это!

— Абсолютно уверен, — ответил Дэйтар. — В «напитке судьбы» был шиаллакс из Нижнего мира. Коварнее яда я не знаю. Его действие и доза рассчитаны филигранно. Ровно настолько, чтобы для меня был безвреден, а для невесты — смертелен. Тут надо быть знатоком, с точностью знать, когда шиаллакс активируется от соприкосновения с серебром, на сколько мгновений загустеет и как быстро растворится, становясь столь же убийственным, как цианистый калий. Но в отличие от последнего, это вещество быстро распадается. Не сделай Тирра паузу перед тем как отпить, или выпей она больше, ее теоретически было бы не спасти. Конечно, если бы не обручальное кольцо. И это на моих глазах!

— Дэйтар, ты понимаешь, что подписываешь себе новый приговор? — возмутился король. — Если яд таков, то подлить его мог либо ты, либо Шой. Но кухарка невиновна. И какой следует вывод?

— Это виночерпий. И действовал он опять же бессознательно, под ментальным контролем. Как все они. И сомнамбулы, и Лин, и Ания, и Тиа. И мы оба уже знаем, кто это делает.

— Есть версия, что это демоница, возмнившая себя твоей

невестой. — В голосе короля слышалась усмешка. — Я слышал, что для дочери повелителя сферы Зеф нет невозможного.

— Даже она не смогла бы проникнуть в Орияр-Дерт. Испорченный голем — все, на что она оказалась способна. Артан, дошло до того, что Тамара подозревает в этих преступлениях и покушениях меня.

— Тебя? — рассмеялся король. И через паузу, уже задумчиво, заявил: — А знаешь, в этом что-то есть. Может, это и в самом деле ты?

Я осторожно поднялась, села на кровати и обняла подушку. Очень хотелось пить, и в просвете между занавесей я видела кувшин и стеклянный стакан с прозрачной жидкостью. Но возможность подслушать тайный разговор оказалась важнее жажды.

— Мне не до шуток! — зло бросил Дэйтар. — Я официально заявляю, ваше величество, что мое терпение иссякло. Останови свою мать. У тебя достаточно доказательств.

— Они все косвенные, а мне нужны прямые, — послышался тяжелый вздох собеседника. — Речь идет о доверии к королевской власти. Я даже не могу откровенно спросить ее, спит ли она с демоном. У нее иммунитет к моей магии, она просто рассмеется и не ответит. Для того чтобы открыто обвинить королеву-мать в измене, нужно что-то более весомое, чем горстка девиц, пострадавших от ментальных атак. Атаки недоказуемы, ты сам понимаешь.

— Ты знаешь, через кого она действует тут. Я в любой момент могу выдать ее шпионку, и менталисты распотрошат ее сознание, как капусту по листочкам. А я вынужден ее терпеть! — Судя по грохоту, Ворон либо стукнул кулаком по столу, либо опрокинул стул. — Знать, ненавидеть и терпеть!

Ее! Я вся превратилась в слух. О ком он говорит? Но меня ждало разочарование, имя так и не прозвучало.

— И опять окажется, что каждый слой заблокирован, и менталисты, как всегда, не успеют снять блоки, прежде чем свидетель сойдет с ума, — вздохнул король. — И мы лишимся возможности поймать мою мать на горячем.

— Артан, здесь Риату не поймать. Неужели ты еще не убедился после всех попыток? Ловить нужно во дворце, но ты же сам закрыл мне туда вход.

— Я вынужден был закрыть. Она очень ловко подвела тебя под обвинение в том, чем сама занимается.

— Но ты же выяснил, через кого она выходит на связь со своим возлюбленным демоном?

— А толку? Арестуй я посредника, этого мелкого некромантишку, он умрет прежде, чем откроет рот. Она маниакально осторожна. И хитра, как все маньяки. Я проигрываю, брат мой.

Король замолчал. Послышалось звяканье стекла и бульканье жидкости. Похоже, побратимы отмечали проигрыш Артана.

Пить захотелось невыносимо. Но я терпела.

— Я не готов расплачиваться за твою нерешительность, Артан. И я не позволю рисковать жизнью моей невесты. Тебе нужны доказательства? Они есть. У меня есть свидетели из Воронов сферы Суаф, есть подлинные кристаллы с записями встреч Риаты и Зеф-Эмитха, есть копии их переговоров, где влюбленная женщина соглашается отдать Риртон в обмен на брачное кольцо и постель хаора. Что тебе еще нужно, чтобы отправить ее на плаху или пожизненно в каземат?

— Ты сам подумай, что предлагаешь, Дэйтар. Демоны будут свидетельствовать против королевы-матери, обвиняя ее в сношениях с демоном. Бред! И потом, я не могу казнить ее, это моя мать, королева!

— Но она-то может пожертвовать и тобой, и страной, и всем миром Айэры. Все айэни в ужасе. Они знают даже больше, чем мы. Ты знаешь, почему Риата начала совершать те маленькие ошибки, которые позволили ее вычислить?

— Да. Она очень торопится.

— А почему?

— Откуда мне знать! — громыхнул Артан.

— Она беременна, — веско, как камень, бросил Дэйтар.

— Что? Не может быть!

Тут даже мне стало жаль короля — столько ужаса прозвучало в его голосе.

— Даже не сомневайся. Айэни точно знают и так обеспокоены, что даже мне сообщили. И скоро, думаю, раньше моего двадцатипятилетия, беременность Риаты станет заметной. Вот ведь ирония — ни одна из жен Эмитха не подарила ему наследника, его матерью окажется белая магичка, покровительница обители Света. Поэтому она и торопится. Провести войско в Риртон Эмитх может только через сферу Суаф. А получить проход через территорию Воронов и Орияр-Дерт он может, только устранив меня.

— Но ты же еще не принял силу Хаора, Дэйтар? — медленно спросил король, и я представила, как сощурились его желтые глаза.

— Пока нет. Но если ты не остановишь свою мать немедленно, я им стану.

— Нарушишь тысячелетний договор?

— Да. Напоминаю, ты первым его нарушил, когда позволил надеть на меня вериги Кхаста. И еще ты давал мне слово, что Тамара не пострадает от интриг Риаты. Моя невеста уцелела только благодаря моим амулетам. А я предупреждал, Артан.

— Дай мне еще время, брат.

Вот я в гробу бы видела таких братьев. А некромант, который должен быть злым и жестоким по определению, оказался добрым и мягким.

— Даю тебе сутки, король Риртона. Если ты так и не решишься, буду действовать я. Еще предупреждаю: и не дожидаясь срока, я сделаю все, чтобы защитить мою тайнэ. Кстати, моя невеста слышала почти весь наш разговор.

Я тихо ойкнула и срочно заползла под покрывало.

— Шиирт! — тихо выругался государь. — И ведь не предупредил, змей!

— Ворон, — весело поправил Дэйтар.

— Один шиирт. Я могу ее увидеть? Поздравить с обручением?

— Сейчас узнаю.

Скрип отодвигаемого стула или кресла, приближающиеся шаги. Я в панике зарылась в подушки. Вкусно запахло хвоей и орехами. Мужской такой запах. Это что, я в постели Ворона? Шиирт!

Занавеска отдернулась.

— Моя тайнэ, вас желает видеть король Риртона. — В голосе Ворона звучала скрытая улыбка.

— Я не принимаю, — пробормотала я в подушку.

Почувствовала, как прогнулась постель под весом мужчины. Его рука потянула покрывало, в которое я так вцепилась, что шелк затрещал.

— Не дурачься, Тома, — шепнул Ворон и чмокнул, куда дотянулся — в голое плечо. Голое! Я так была увлечена подслушиванием, что только сейчас поняла, что на мне надета лишь сорочка на тонких бретельках.

— Хорошо. Пусть войдет. Но только полог задерни!

— И не подумаю. Он должен убедиться, что в моей постели именно ты.

— Зачем?

— Любую другую девушку пришлось бы убить за подслушивание государственной тайны, — улыбнулся этот добрый. Кровожадно так. И цапнул лапой за пятку. Голую!

Я подскочила, едва сдержав визг — горло еще болело. А мой враг, воспользовавшись моментом, отобрал покрывало.

— Платье на стуле у изголовья, — сообщил он тоном усталого

камердинера. — Помочь одеться, миледи?

И даже не дождавшись возмущенного «нет!», этот обрученный и обреченный на страшную месть рывком поднял меня, шокированную таким обращением, поставил на ковер и принялся одевать с ловкостью камеристки.

Пользуясь моей временной неспособностью к сопротивлению, сероглазый нахал вертел меня как куклу, затягивая шнуровку и застегивая крючки и не забывая поцеловать то в плечико, то в щечку, то в ушко. Наконец, справившись с юбками, корсетом, верхним платьем, усадил меня в кресло и, встав передо мной на одно колено, надел мне туфельки. Перецеловать каждый пальчик он тоже не забыл. И в итоге я сидела вся красная от стыда и... желания. К шииту этого короля! Я хочу настоящего поцелуя. И... третьего этапа.

Но не сегодня.

— Миледи готова, — громко и несколько двусмысленно сообщил Ворон и встал рядом с креслом.

На холемом лице Артана Седьмого краснели гневные пятна, когда он с неспешным достоинством вошел в спальню. И губа припухла, словно искусанная в ярости. Не знаю, чего добивался некромант, но довести монарха до бешенства ему явно удалось.

Что бы там ни придумал себе король, которого *заставили ждать*, я, высоко задрав подбородок, поднялась и поклонилась, не теряя вызывающе гордой осанки.

— Ваше величество...

— Сядь, мэйс Тамара, ты еще очень слаба. — Артан мстительно опустил меня во всех смыслах. Зря он Ворона злит. Отдуваться-то мне. Но я послушно села, подождав, правда, когда король пристроит зад в кресле напротив. — Сочувствую случившемуся несчастью.

— Обручению? — хлопнула я ресницами. Ух, как я зла!

Граф за моей спиной тихонько дернул меня за прядь волос, хулиган. Оценил мою шпильку.

Король криво улыбнулся и сообщил официальную версию:

— Сочувствую вашей болезни — аллергической реакции на ритуальный напиток. А с обручением поздравляю. Официальный подарок пришлю позже. А неофициальный... — Он вытащил из кармана запечатанный конверт, положил на столик. — Тут разрешение на исключительное право по разведению боевых петухов и организации королевских петушиных боев в Риртоне.

Нате вам монополию! Более бесполезного подарка я еще не получала.

— Благодарю, ваше величество. Из Орияр-Дерта сложно руководить столь масштабным делом по увеселению скучающей публики. Могу ли я найти управляющего или даже взять его в долю?

— Разумеется. Более того, я рекомендовал бы вам не афишировать при дворе своего участия в этом деле. У нашей аристократии принято заниматься благотворительностью, а не увеселительными предприятиями. Но я решил, что вашей деятельной натуре будет скучно в изолированной от мира крепости, пока ваш таир несет свою службу в Совете Ока.

Ага, значит, король восстановил Ворона в должности и вернул ему все привилегии. Судя по суровому молчанию Дэйтара, он не в восторге.

Король одаривал нас своим благосклонным вниманием еще пару минут, но мой непочтительный зевок украдкой заставил его закруглиться.

Ушел он картинно — использовал в спальне вассала свой личный портал. Показав тем самым, что в любой момент может как уйти, так и прийти. Я оглянулась на Ворона. Он, задумчиво поглаживая идеально гладкий подбородок, с нехорошим прищуром смотрел на место, где исчез король. Что опять задумал некромант?

— Пить, — потянулась я к кувшину.

— И есть. Но сначала пить, — встрепнулся Ворон. Подхватил сосуд, налил мне воды. — А много есть не советую. Будет плохо.

— Я не голодна.

Я опустошила два стакана воды и поняла, что мне срочно пора в туалет.

— Дэйтар, мне надо умыться.

— Идем. — Он взял меня за руку, выдернул из кресла и подвел к неприметной дверце в углу спальни. За ней оказалась уборная. — Эти проблемы решаются тут. Я буду ждать в соседней комнате.

— Спасибо.

Как же мне с ним легко! Понимает с полуслова. Бесит тоже с полуслова. А заводит одним взглядом.

Во время очень легкого ужина с бульоном и сухариками я снова возмечтала о третьем этапе, но Ворона как подменили. Он стал молчаливым и отстраненным, отвечал невпопад. И пока я, прихлебывая бульон, мечтала о том, как бы снять с него рубашку, стянуть ремешок с низкого хвоста и посмотреть, как красивыми черными перьями разлетаются по смуглым плечам его волосы, бесчувственный некромант то и дело хмурился и касался чеера в ухе.

А ведь это наша первая обручальная ночь!

А он весь в делах!

Я почувствовала себя брошенной женой, у которой муж ушел на совещание.

— Дэйтар, а кто шпионка королевы, которая стоит за всеми покушениями?

Ворон оставил переговорную серьгу в покое и удивленно воззрился на меня:

— Я думал, ты догадалась.

— Это сильная менталистка, но я не знаю таких в замке.

— По-настоящему сильного менталиста и заподозрить невозможно. Это подсказка.

Я перебрала в уме всех женщин замка. Что ж, действительно, могла бы догадаться.

— Мейстрес Тимусия, — уверенно сказала я.

— Верно.

— И ты позволил ей быть старшей горничной?

— Я не мог отстранить ее, не вызвав подозрений королевы, но ограничивал ее возможности.

— А зачем ей сомнамбулы?

— Сон — лучший способ связи с демонами. И с королевой она поддерживала связь через спящих. Кстати, и петухов пыталась отравить, когда поняла, что к чему. Но маги были настороже... Тома, ты самая удивительная девушка на свете!

Я с недоумением воззрилась на некроманта. Это он к чему? Так. Не отвлекаться, Тома, у тебя еще есть дело. Маргисса! Я совсем о ней забыла!

— Еще более удивительная девушка сейчас умирает в твоей лаборатории, Дэйтар. Тебе доложили?

— Да. Я провел к ней Тиа, она все-таки светлый маг и умеет ухаживать за растениями. К тому же это задание ее утешило после набега сэра Кенза на оранжерею.

— Тиа и ее отец дали мне неправильные списки сомнамбул.

— Не вини их. Они выполняли приказ Энхема.

— Но почему?

— Потому что твое рвение ломало нам очень сложную игру. И Энхем боялся, и не напрасно, что Тимусия попытается тебя устранить раньше, чем я вернусь, а он или замок не успеют тебя защитить. — Лорд сделал паузу, налил себе воды, но пить не стал. — Тома, я принял нелегкое для меня решение.

Я замерла, как кролик перед удавом. Сердце замерло от плохого

предчувствия, но я молчала, заранее не желая слышать, что там за решение. Добрые вести не сообщают таким похоронным тоном.

— Тебе надо покинуть Ориар-Дерт, — сказал некромант.

И так сказал, что я поняла — сопротивление бесполезно. Меня выгоняют. За что? В горле пересохло, и я схватила так любезно налитый стакан воды.

— Ты нашел способ вернуть меня домой?

— Я нашел способ тебя спрятать, пока не будет обеззаражена моя крепость или не будет найден безопасный путь к твоему миру.

— Что за способ?

— Тебе он не понравится.

— Если он надежный...

— Он опасный. Но здесь тебе оставаться еще опаснее. Мои враги уже поняли, как я дорожу тобой. Ты стала моей слабостью, Тома. Они будут бить туда, где больнее. А если учесть, что королева теперь тебя ненавидит даже больше, чем меня, потому что ты молода и прекрасна, она постарается добраться любыми способами. Хватит того, что Артан оказался слаб и ситуация выходит из-под контроля.

— Неужели все так плохо?

— Нестабильно. Некроманты вознамерились посадить меня на трон Риртона, не спросив моего желания и не узнав моих планов. Осаду со столицы они не сняли и ждут, что я возглавлю их армию. Я это сделаю, но только если Артан окончательно проиграет Риате. Поэтому мы не будем откладывать то, что надо было давно сделать. Завтра может оказаться поздно. — Дэйтар подвинул мне конверт с подарком короля. — Ты хотела оставить распоряжения, самое время сделать это сейчас.

— Кенз надежный человек?

— Пока не убьют.

Опять этот черный некромантский юмор. Я попросила самопишущее перо и бумагу, написала завещание, то бишь распоряжение, а Дэйтар вызвал моего верного рыцаря.

Узнав, что я на время моего отсутствия назначаю его управляющим всеми моими богатствами и прибылью с несозданных еще предприятий, кои и надлежит создать, зеленоглазый прослезился.

— А ведь вы не представляете, таинэ, сколько мы сорвали с последнего тотализатора. Жрецы-то поставили против вас! — всхлипнул Кенз, вытирая скупую мужскую слезу.

Я присвистнула про себя. Но мигом закатала губу. Сумеет ли рыцарь выцарапать выигрыш? Кто ж не знает, как неохотно святые люди

расстаются с деньгами.

— Не при мне! — оборвал Ворон его откровения. — Я не поощряю азартные игры в моей крепости. Хотя пока и не препятствую. Идемте, таинэ, нам пора. Кенз, иди на два шага сзади и смотреть по сторонам. Энхем и Гринд на рубеже?

— Энхем там, а Гринд присматривает за... э-э-э... внутренним объектом.

Шифровальщики.

Я решительно поднялась, бросила в рот последний сухарик, запила водичкой на посошок.

— Я готова.

— Не совсем, — медленно обвел меня взглядом Ворон. И мне отчего-то снова стало жарко. Ну почему я такая испорченная? А некромант, оказывается, имел в виду черный шерстяной плащ, который снял со спинки кресла и накинул мне на плечи. — Внизу сейчас прохладно.

Честно говоря, я б сейчас лучше в кроватку и спать. И чтобы меня раздели так же ловко и эротично, как одели.

Соберись, Тома. Хватит кормить в себе самку собаки в период повышенного интереса к самцам! Я — Коршунова. Принцесса, кстати. Некоролевских кровей.

На стене нынче многолюдно, — отстранение подумала я, когда личный портал Ворона перенес нас в ту же точку, с которой я уже дважды наблюдала феерии и иллюзии Нижнего мира. Вот и погнутый завиток на месте, и приметная выбоина в камне. Интересно, как на такой высоте она могла образоваться? Сейчас мир за стеной замер, превратившись в белесый туман.

Справа и слева в отдалении на десять шагов плотными отрядами выстроились рыцари и некроманты. Среди них был и Энхем. Наверное, половина гарнизона тут собралась. Такое ощущение, что ожидается штурм крепости.

— Кресла для меня и таинэ, — негромко приказал Дэйтар.

Отряд справа расступился, четыре рыцаря быстро приволокли откуда-то два легких походных кресла.

Мы сели довольно далеко от решетки, шагах в пяти, благо ширина стены это позволяла. Кенз встал за моей спиной, слева от меня замер сэр Арчи. Энхем по-военному вытянулся справа рядом с лордом. Старик, облаченный в рыцарские латы с гербом Орияра и нацепивший на пояс ножны с кинжалом, даже как-то помолодел.

С этой точки не видно было ландшафта, но на горизонте вздымались горные пики, которых раньше точно не было, я бы запомнила, они напоминали взлетающую птицу. Посередине — устремленная ввысь голова с мощным клювом, по бокам — горбатые горки полураскрытых крыльев. Всклотившее светило Нижнего мира окрашивало клюв-пик алым цветом. Выглядело это величественно и зловеще.

Я так засмотрелась, что не заметила, когда появились черные точки, почти сливавшиеся с горой. Но они вырастали в размерах. И вскоре я различила пять птичьих силуэтов. А когда они подлетели совсем близко, поразила их размерам. Вороны были огромные, каждый величиной с добрую собаку. Именно такие изображены на витражах и картинах Лаори-Эрля.

Две птицы куда-то делись в процессе, я не заметила. А вот три особенно крупные, сделав круг перед стенами крепости, опустились на решетку. Та жалобно скрипнула, прогибаясь под весом монстров, и я поняла, почему погнут завиток. И выбоину сделал наверняка подобный отбойному молотку мощный клюв.

Повисло молчание. Люди смотрели на птиц. Птицы, наклоня лобастые головы, рассматривали нас. И глаза у них были человеческие, с длинными ресницами. Казалось, больше всего чудо-воронов интересовали наши с Дэйтаром обручальные кольца.

— Приветствую, мудрейшие суафиты, и разрешаю ступить на древние камни Суаф-Дерта, — сказал Дэйтар.

Ого! Так вот как называется цитадель, в которую превратилась крепость.

Птицы дернули головами, словно поклонились, раскрыли великолепные крылья и... на стену ступили три богатыря в шлемах со стальными клювами, закрывающими лица, в черных, блестящих антрацитом доспехах, прикрытых длинными плащами. На стройных ногах были сапоги с когтистыми шпорами в виде птичьих лап, а полы плащей были красиво опушены перьями. Удивительно, как они умудряются не порвать их такими острыми шпорами. И зачем им шпоры, если есть крылья? Судя по идиотским мыслям, я впечатлена до потери связи с реальностью.

Дружно откинув полы плащей, троица синхронно опустила перед Дэйтаром кривые как клювы кинжалы, и каждый встал на колено, как присягающие рыцари. Тот, который был в центре — самый высокий и плечистый из троицы, — заговорил хриплым каркающим басом:

— Наше оружие — твое оружие, твой враг — наш враг. Прими наше

служение, хаор!

Дэйтар поморщился:

— Рано клянешься, Воррах. Я не хаор.

— Но ты призвал нас.

— Только для дела, а не для восшествия на трон. Ваше оружие — это ваше оружие.

Троица слаженно подобрала кинжалы, пристегнула к поясам и поднялась на ноги.

— Тогда чего ты хочешь, потомок Хаора?

И еще интересно: у них клювы не поворачиваются назвать имя проклятого ими же сородича?

— Выполнения договора.

Все интереснее. Королева сейчас потирала бы ручки — вот они, доказательства измены лорда Орияра. Он посмел договариваться с демонами! О чем? Или... о ком? Клювы шлемов явно нацелились на меня. Папочки! — испугалась я. Это же не то, что я думаю? Нет, пожалуйста!

— Будет исполнено, хаор.

Дэйтар возвел глаза к небесам:

— Я не хаор!

— Конечно, хаор. — В хриплом голосе гостя послышалась усмешка. Этот хищноклювый еще и юморист.

— Не зли меня, Воррах! — вскипел Ворон.

— Не буду, ха... кха-ха-орр. — Хищноклювый ловко закашлял бесившее Дэйтара слово, но оно явственно прозвучало. — Как скоро?

— Все зависит от вас. Как только вы откроете путь для возвращения души туда, откуда она пришла, я верну сердце Лаори-Эрля в гнездо Ворона. — Лорд кинул взгляд на гору с характерными очертаниями.

— Я предлагаю поменять условия. С сердцем путь быстрее отыщется.

— Справитесь и без него, если напряжете свои мудрейшие умы. Ищите два якоря для души: дикую ненависть и великую любовь.

— А кольцо? — Клюв забрала качнулся в мою сторону.

— Оно само выберет, где остаться.

Я сидела, вцепившись в подлокотники кресла, едва живая от ужаса.

— Дэйтар! — прошептала еле слышно. — Пожалуйста, не надо.

Он положил свою руку на мою, погладил.

— Не бойся, таинэ. Суафиты умрут, но выполнят. Твоя мечта вернуться домой совсем скоро исполнится. Ты обнимешь отца, мать, друзей.

Почему мечта должна исполниться так, что хочется выть от тоски?

— А замок? — спросила я. — Если ты вырвешь сердце Лаори-Эрля, что будет с замком? А твои люди? Они присягали тебе и Орияр-Дерту. Если умрет замок, как они будут защищать крепость?

— Ты беспокоишься не о том, — улыбнулся Ворон, а в серых глазах поселилась осенняя хмарь. — Мои люди — лучшие воины и маги, они сумеют воевать, даже если за их плечами будет выжженная земля. Они защищают не крепость, душа моя, а мир. По тысячелетнему договору между хаором Суаф и Айэрой. Орияры — не пленники. Мы — добровольные заложники и стражи. Мой предок женился на сестре риртонского короля, чтобы скрепить союз. Его сын... Впрочем, долго рассказывать. За века забылась изначальная суть, но мы напомним. Ты ведь нашел потерянный договор, Воррах?

— Нашел. И сразу скажу главное: его срок истек чуть больше трех лет назад по летосчислению Айэры. — Хищноклювый принял у товарища черную, покрытую трещинами лаковую шкатулку и протянул ее Дэйтару.

Чуть больше трех лет назад... трех лет, трех... — стучало в висках. В год, а может, и в ночь, когда зачем-то была похищена моя душа и помещена в чужое тело чужого мира. Когда погибла семья Тиррины Барренс и умер отец Дэйтара.

Я в отчаянье подняла на Ворона глаза, полные слез. Он кивнул, словно услышал мои мысли.

— Да. Это связано. Еще не знаю как, но я узнаю. Пора, душа моя. Тебе придется полететь с нашими гостями.

— Полететь? — просипела я. Голос внезапно сел.

— Мы рады проявить гостеприимство к таинэ Суаф, — поклонился хищноклювый.

— Таинэ Орияр, Воррах, — поправил некромант.

— Это ненадолго.

— Дэйтар... — Я так сжала подлокотники, что не оторвать рук. — Я не хочу.

— Не бойся. — Ворон вернулся в кресло и успокаивающе обнял за плечи. — С тобой мое кольцо и капля из сердца Лаори-Эрля. Из моего сердца. С тобой будет Энхем. Он отказался отпустить внучку одну из дома.

Я с благодарностью взглянула на старика, но отрицательно мотнула головой. Ужас затопил меня по горло, и я боялась позорно заорать или расплакаться.

— Ты не хочешь возвращаться? — Некромант поцеловал мне запястье и с нежностью его погладил.

— Хочу, но...

Я не хочу расставаться с тобой, никогда. Не хочу лететь к демонам. О боже, к демонам! Пусть даже к крылатым, а не рогатым. Эти птички наверняка спят на деревьях и клюют падаль. Светлые Небеса, о чем я опять думаю? Невозможно!

Ворон аккуратно положил мою безвольную руку на подлокотник.

— Другого пути нет, душа моя, если ты хочешь домой больше, чем... Ты можешь остаться, но уже навсегда. Я уже не смогу, — голос его прервался, а глаза потемнели, — не смогу отпустить тебя. Этот мир не отпустит.

Как жестоко. Но если эти вороноподобные суафиты могут вернуть меня сейчас, то они могут сделать это и позже. Через неделю. Месяц. Или два. Так ведь?

«Трусиха ты, Томка, — вспомнился вдруг добрый смех отца. — Может, ты и не Коршунова, а Трясогузкина?»

— А наша договоренность? — забеспокоился Воррах.

— Аннулируется, — отрубил Дэйтар. — Но вы можете предложить что-нибудь еще. Твое решение, таинэ?

— Если я останусь, нам придется пройти третий этап, и он закроет мне путь домой навсегда. Так? — В ответ на мой вопрос кивнули и Дэйтар, и Энхем, и Воррах. Значит, надежды нет. И я срывающимся от слез голосом продолжила: — И брак Ворона с человеком закроет твоё развитие как... как мага. Ты останешься на том уровне, какой есть сейчас... Воррах, тот тысячелетний договор содержит пункт, что женитьба Ориара на человеческой женщине Верхнего мира считается согласием на продление союза?

— Да, такое там есть, — с удивлением откликнулся хищноклювый.

Вот и разгадка. А эти мифотворцы и сказочники риртонского трона все запутали. И, если пришлось искать копию договора, уничтожили оригиналы. Сделать союзников пленниками — как подло.

— Так ты за возвращение, душа моя? — Ворон отвел прядь волос с моего лица, заглянул в глаза.

— За...

Я не могла говорить — горло сдавило петлей невыплаканных слез.

Дэйтар резко встал и отвернулся.

— Отвечаете за мою таинэ своей жизнью и жизнью своего рода, все трое, — сухо бросил он Воронам. — Не пощажу. И за жизнь Энхема Чесса спрошу и покараю. О поиске докладываете трижды ежедневно. Если что случится непредвиденное — немедленно. Как найдете путь — сообщите также без промедлений. Без моего контроля ничего не предпринимаете, я

должен проверить. Все ясно?

— Так точно! — гаркнули клюволицы.

— Таинэ... — Дэйтар вполоборота, не глядя в глаза, протянул мне руку, помог встать. Крепко прижал меня к себе и шепнул на ухо: — Отпускаю только потому, что в Суаф тебя искать не будут, а если получится больше... там, в твоём мире, тебя никто не найдет.

— Кто-то же нашел три года назад.

— Это случайность. Слепой поиск сетью. Демоны других сфер частенько так охотятся. Но второй раз выдернуть ту же душу — из области невероятного. Береги свои крылья, Тома. — Его губы, прощаясь, скользнули по моему виску, легонько коснулись щеки, губ... и он отстранился. Взглянул мне в глаза, запоминая не лицо, а то, что только он видел за телесной оболочкой. — Прощай.

И, почти оттолкнув меня в руки Энхема, некромант Дэйтар Орияр, Черный Ворон и добровольный пленник его величества Артана Седьмого, стремительно ушел сквозь строй своих магов, и за их спинами вспыхнули черные арабески портала.

Прощай, мой любимый таир. Еще не все потеряно, пока твое сердце со мной, и его капля горит и бьется в камне твоего кольца на моем безымянном пальце.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Дэйтар не ушел далеко. Он перенесся в угловую смотровую башню, откуда можно было наблюдать за подготовкой Тамары к отлету. Здесь же, стоя у зарешеченного окна, его ожидали два Ворона из пятерки, которые не участвовали в переговорах на стене, но не упустили ни слова, ни жеста из происходившего.

Едва некромант вышел из портала, Вороны дружно повернулись и поклонились.

— Ты ей солгал, хаор, — упрекнул крупный мужчина с большим хищным носом. Волнистые, пегие от седины волосы перьями падали на широкие плечи, закрывая драгоценную фибулу, скреплявшую черный плащ. Клювастый шлем он держал на сгибе руки.

— Эрдан, я бы попросил... — поморщился некромант.

— Почему ты ей солгал?

— Ты советник, а не исповедник. Разве я обязан отчитываться перед тобой?

Рыцарь склонил голову, принимая выпад:

— Не обязан. Но мы должны знать, чтобы правильно вести себя с ней и не сказать лишнего в ее присутствии.

— Не говори ничего и не ошибешься.

— Это правильное решение, — проронил второй Ворон, ниже ростом, сухопарый, в скромном одеянии обеспеченного горожанина. От сородича он отличался широкими угольно-черными бровями, нависавшими над круглыми черными глазами, и седыми до костяной белизны волосами, забранными в хвост на загривке. — Неведение в данном случае — благо. У нас ей пока безопасней. Человеческая королева до нее не доберется, пока мы не будем готовы. Ты не можешь сопротивляться клятве, данной риртонским королям. Даже хаор не способен пресечь черту, прочерченную его же кровью.

— У тебя старческий склероз, сун Ирридан? — фыркнул граф. — Ты тоже забыл, что я не коронован?

Седовласый снисходительно улыбнулся:

— Хорошо, пусть будет — сар. Это формальности, сар Дэйтар, и ты это знаешь. Чувствуешь. И принимаешь. Вся сфера знает и помнит, что ты унаследовал в момент рождения. Хаор — не трон, а власть. Хаор — суть магии Суаф. И вся магия сферы сейчас поставлена на карту. Я позволю себе

напомнить: пока ты не надел брачные браслеты, не принес клятвы рода и не смешал кровь и семя с женщиной Верхнего мира, по законам Суаф ты — наш законный правитель. А если женишься на той девушке, будь она хоть принцессой, хоть великой магией Верхнего мира, ты станешь лишь шитаном, хранителем крови царей и трона Суаф. — Седой Ворон кивнул на узкое боковое окно, из которого были видны стена и копошившиеся на ней люди. — И так — до следующего поколения Орияров. Сколько их уже сменилось со времен нашего позорного поражения? Девять! Но ты — десятый и последний, кто еще связан договором с Риртоном.

Дэйтар, казалось, не слушал. Он не сводил глаз с тонкой фигурки, казавшейся совсем хрупкой рядом с черными плечистыми фигурами воинов. Бледную как снег Тамару усаживали между крыльями огромной черной птицы и пристегивали ремнями к седельным креплениям. Даже отсюда было видно, как Тома нервничает и то и дело оглядывается на старого дворецкого, которого тоже закрепляли в седле на второй птице. Хорошо, что Вороны согласились на унижительное седло и не потащат девушку в когтях. Впрочем, еще бы они не согласились!

— Я слышу это уже в сотый раз, сун Ирридан, — сухо ответил некромант.

— Но еще не принял решения. Почему?

— У меня еще есть время.

— Нет у тебя времени. Об этом мы и хотели поговорить, сар Дэйтар. Но сначала прошу поставить всю мыслимую и немыслимую защиту.

— Нас никто не подслушает здесь. Мы одни.

— Твои люди, может, и не подслушают. А демоны? Они подбирались достаточно близко к крепости, чтобы запустить заклинания и сплести паутину слухачей и снаружи и изнутри. Твои игры с королевой Риатой тоже не безвредны.

Дэйтар поморщился, но раскрыл купол безмолвия, лишив себя возможности слушать происходившее на стене. Впрочем, два Ворона уже сорвались в полет и стремительно исчезали вдалеке. Всадницу на спине одного из них скрывало маскирующее заклинание — вражеские лазутчики не должны видеть, что крепость кто-то покинул. Третий Ворон с магистром Энхемом на спине последовал за первым через пару мгновений. Рядом появились два иллюзорных птичьих силуэта, сбивающие с толку наблюдателей. А еще через секунду все небо заполнила стая иллюзорных воронов, заполошно мечущихся взад-вперед. В таком хаосе даже гений менталистики не отследит цель.

— Говори, сун Ирридан, — молвил Дэйтар, отвернувшись от окна с

деланым безразличием. Эти двое не должны подозревать, какие на самом деле он испытывает чувства в этот момент, и каких усилий ему стоит сдерживать преображение и не ринуться вслед исчезнувшей таинэ.

— Твой настоящий день рождения наступит не через два месяца, сар Дэйтар.

— Что?

Некроманта словно ударили под дых, он задохнулся и медленно опустился в кресло у пустого стола. Жестом приказал, чтобы собеседники заняли два других кресла. Седовласый, усевшись, повторил:

— Мой хаор, тебе исполнится двадцать пять лет от рождения не в конце первого месяца осени, а раньше на несколько недель. И теперь никто не знает, на сколько. Твой отец сделал все, чтобы никто не узнал об истинных сроках беременности твоей матери. Точную дату знал только он и его лекарь.

— Но моя мать...

— Умерла при родах, как вы знаете. Только они состоялись раньше. И еще месяц твой отец, сильнейший некромант Верхнего мира, не отпускал ее дух. Для всех графиня Ориар оставалась жива и... беременна.

— Но подозрения у наших врагов все-таки были, — обронил Эрдан, все еще стоявший у окна, словно на часах. — А потом королева Риата связалась с правителем наших соседей, и уж он-то не упустил возможности науськать ее. Потому она и не спускала глаз с Ориар-Дерта, а за последний год почти свихнулась от невозможности доказать свои подозрения.

— Получается, что она и тут права, — горько усмехнулся Дэйтар.

— Да. Вы пройдете инициацию в конце лета, мой хаор, если вам не смогут помешать.

— Или женить тебя на человеческой девице, — добавил сун Ирридан. — И это возвращает нас к тому, что решение ты должен принять сейчас. Что ты выберешь? Продлить плен еще на тысячу лет, отдать свою сферу на милость врагов? Или обрести силу и власть в полной мере, вернуть Суаф все величие и мощь?

Дэйтар, склонив голову к плечу, усмехнулся:

— Слишком много пафоса, сун. Почему я должен тебе верить?

Седой даже каркнул от возмущения:

— Карк! Я приносил тебе клятву! И потом, истина откроется уже через месяц. Зачем мне обманывать и рисковать не только своей головой, но всем гнездом?

Эрдан, оторвавшись от наблюдений за бесчисленной стаей иллюзорных воронов, подошел к столу и опустил на него амулет из черного

с серебряными прожилками камня, заключенного в золотую паутину.

— Здесь свидетельство твоего отца Армита, шитана Суаф, записанное незадолго до его гибели. Он предвидел и свою смерть, и твое неверие, и даже то, что твоя душа будет очарована душой женщины Верхнего мира. Короли Риртона всегда старались найти для Орияров самые лучшие и надежные цепи. Правда, твоей женой должна была стать не Тиррина Барренс, а ее сестра. Ты всегда можешь проверить подлинность амулета перед сердцем Лаори-Эрля.

Дэйтар взял драгоценный артефакт, сжал в кулаке и, откинувшись на спинку кресла, минут пять сидел неподвижно, внимая одному ему слышному свидетельству. Его невидящий взор был устремлен на пустое окно. Два его старших советника не смели нарушить тишину и тоже превратились в изваяния.

Наконец некромант пошевелился, разжал кулак, и из него с глухим стуком выпал на стол все еще посверкивающий искрами артефакт.

— Что ж, значит, времени у меня еще меньше, — хрипло произнес Дэйтар. — По договору я должен сообщить об этом своему названому брату.

— Ты с ума сошел? — ласково осведомился Эрдан.

— На мне древняя клятва рода, — поморщился лорд Орияр и потер шею, словно на ней затягивалась невидимая петля. — Я не смогу безнаказанно промолчать. Но... у меня есть другой план, и мы должны успеть. Женитьба хаора на айэ без консумации брака как-то может сказаться на инициации силы Суаф?

— На айэ? — Оба советника недоуменно переглянулись.

— Именно. Я непонятно выразился?

— Хм... С одной стороны, айэ не человек, — пробормотал Эрдан. — С другой — это существо Верхнего мира.

— Не только Верхнего, — возразил сун Ирридан. — Под разными именами они известны во многих мирах.

— Во многих, но всегда в Верхних, — покачал головой более молодой советник.

— В законах Суаф нет запрета на эти браки, — упорствовал седой.

— В законах Суаф говорится, что избранницей повелителя может быть только женщина любой из сфер, иначе он теряет силу и власть.

— Юноша! — фыркнул старый советник. — Да знаешь ли ты, почему якобы безобидные, мирные айэ столь ненавистны по обе стороны Предела, и в Верхнем мире, и в Нижнем? И среди людей, и среди демонов, и среди нас, посредников? Не трудись вспоминать летописи, я и так скажу. Потому

что из всех разумных существ их сущность самая коварная. Их кровь может обмануть любые амулеты чистоты, просочиться и затаиться, приспособиться к любому миру, к любым условиям, принять любой облик. И преобразовать тайно, изнутри.

— У меня не советники, а поэты, — рыкнул Дэйтар, теряя терпение. — Ближе к делу, сун Ирридан. Я задал вопрос!

— Да, айэ может стать женой хаора, родовой амулет Ориаров ее примет. Но она может стать только временной женой, без консумации. Впрочем, после обретения полноты силы ты сможешь разделить с ней ложе без каких-то последствий для магии Суаф. Но ее дети не унаследуют трон и магию сферы, они будут отравлены кровью айэ.

— Отлично! — хищно улыбнулся некромант и достал из левого кармана сморщенный зародыш. — Это маргисса. Точно такая сейчас зреет в моем замке, но в нее уже подсажена душа айэ. Насколько я разобрался, маргиссы похожи на наши чееры, в них можно подселить и запереть чужой дух. Но, в отличие от чееров, маргисса может стать живым телом для любого духа. Маргисса сверхпрочный резервуар. Думаю, она смогла бы уцелеть даже в огненном центре звезды. Она сохранит жизнеспособность и через миллионы лет, и в межзвездной пустоте. И прорастет в благоприятных условиях. А благоприятной для них может стать даже кислота. И тогда в ней расцветет душа айэ и созреет зерно разума айэ. Это и есть их тайна — путь, которым их сущность проникает в иные миры и обретает формы, приспособленные для жизни в иных условиях. Маргисса — это магически измененная и окаменелая кровь айэ.

— Ты все-таки это выяснил! — восхитился Эрдан.

— Случайно. Благодаря моей экономке. — Нежная улыбка осветила лицо некроманта и заставила советников хмуро переглянуться. — И этот секрет поможет нам обмануть наших врагов, Вороны. Вы должны вырастить из этого зерна точную копию моей невесты Тиррины Барренс. Растут они стремительно. Образец внешности будет перед вами, не ошибетесь. Единственное условие — моя таинэ до самого последнего момента не должна узнать о нашем маленьком заговоре и своем двойнике.

Оба Ворона смотрели на «боб» с выражением безглагольного ужаса. Казалось, мудрейших советников хватит удар.

— Вот это... *это* будет твоей женой? — спросил побледневший Эрдан. — Нашей повелительницей?

— Именно *это* займет место моей жены. Но повелительницей она вряд ли станет. У нее не будет души, как нет ее у голема.

— Но разве душа айэ не прорастет в этом существе?

— Нет. Это в моих силах некроманта — позаботиться о том, чтобы сосуд, названный именем Тиррины Барренс, оставался пуст. Это будет живая кукла, способная обмануть короля Риртона, которому не лгут.

Седой Ирридан склонился над каменным комочком маргиссы, вглядываясь в него магическим зрением, вытащил расшитый черными символами платок.

— Безумный план, — сказал он, со всеми предосторожностями убирая маргиссу в зачарованный кожаный кошель. — Но именно такой и может сработать. Два этапа бракосочетания вами уже пройдены, магия и дух сочетались, а что касается тела, на третьем этапе и кукла сможет предстать перед Небесами Айэры. Но что нам делать с живой девушкой? Она же так и останется вашей таинэ, если связь не разорвана. Убить?

Дэйтар взвился, оперся кулаками о столешницу, серые глаза полыхнули гневом:

— Не смей! Ты забыл приказ? И волос не должен упасть с ее головы, сун Ирридан! Если с ней что-то случится, я уничтожу вас всех!

— Но если вы задумали подмену, это опасно — оставлять вашу таинэ, — ничуть не смутился советник. — А если во время ритуала магия Небес дотянется даже в Суаф? Кто их знает, эти нерушимые брачные обряды Айэры, как они действуют! Вы не можете рисковать, слишком многое поставлено на карту.

— Вы — непревзойденный Мастер Иллюзий, сун Ирридан. Уверен, вы придумаете, как спрятать вашу гостью, сохраняя ее жизнь и здоровье в полной безопасности, — сухо сказал Дэйтар и повернул голову к молчавшему Эрдану. — Самое лучшее — вернуть ее душу домой, куда она так рвется. Найти ее родной мир — это было вашим единственным заданием за последнее время, Мастер Путей Эрдан.

Тот отрицательно покачал головой.

— Не единственным, мой хаор. Еще — распутать заговор, приведший душу иного мира в мир Айэры. Тогда и способ возвращения найдется. Мы ищем по двум якорям, как вы приказали. Любовь отца и ненависть истинной души Тиррины. Но якоря молчат или не существуют. Слишком много времени прошло с момента перемещения, Пути давно остыли. Жив ли отец сары Тамары? В сохранности ли оставалось ее тело, смогла ли душа сары Тиррины занять его? У нас пока нет ответов.

— Ищите. Это нужно сделать до конца лета, советники. — Дэйтар подошел к окну и вгляделся в звезды Нижнего мира. Кулаки его были сжаты, спина напряжена, словно он изо всех сил сдерживался, чтобы не расправить крылья и не улететь туда, где было его истинное место.

Разлепил губы: — Я должен отпустить душу Тамары. И только тогда я сделаю окончательный выбор и приму его последствия. Меня больше ничто не будет держать в мире Айэры.

— Если только ты сам не станешь королем Риртона. И не раздвинешь пределы сферы Суаф.

— Разве что от скуки, — криво усмехнулся некромант.

Или от тоски.

От черной, как его душа, тоски по той, чье настоящее лицо никогда не видел своими глазами, только через Око Истины. По той, кто так неожиданно ворвался в его жизнь, чью чистоту и свет он ощущал лишь сердцем. По той, чьи белые сверкающие крылья души скоро навсегда исчезнут из его мира.

И только полная сила хаора и его мастеров Пути, только полная власть Ворона — посредника между мирами дадут ему возможность хотя бы однажды, издалека, увидеть ее настоящую. А значит, Дэйтар должен пройти инициацию и получить всю мощь Суаф. А там будь что будет.

Поймет ли Тома, что он не собирается предавать ее? Что он пытается отпустить ее сейчас, потому что потом будет поздно? Простит ли?

Не важно. Главное — спасти ее, вырвать ее душу из чужих когтей, затянувших девушку в игры двух миров. А там... если он не ошибся в ней, она поймет.

Примечания

Чинфа — местный аналог кофе, тонизирующий и освежающий густой напиток черного цвета из зерен одноименного растения. Обладает вкусом шоколада.

Франа — обращение к монахиням.

Таинэ — чисто айэрский термин, не имеющий аналогов в земных культурах и обозначающий невесту, проходящую испытания Небес. Девушка еще не жена, но уже имеет право без ущерба для репутации оставаться наедине с будущим супругом и жить в его доме.